

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

Этнос и среда обитания

Том 2

**Сборник этноэкологических
исследований
к 85-летию В.И. Козлова**

Под редакцией
Н.И. Григулевич, Н.А. Дубовой (отв. редактор),
А.Н. Ямскова

Москва, 2009

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

Э91

Редакционная коллегия серии:

М.Н. Губогло (гл. ред.), Н.А. Дубова, Г.А. Комарова,

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

Э 91 Этнос и среда обитания. Том 2. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова – Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков – М.: Старый сад, 2009. – 252 стр.

ISBN 5-89930 -125-2

В сборнике представлены исследования, посвященные различным проблемам этнической экологии, этнической демографии и экологии человека, являющиеся продолжением и развитием идей выдающегося отечественного ученого Виктора Ивановича Козлова. Обсуждаются вопросы соотношения природного и культурного ландшафта, межэтнических взаимодействий в г. Москве и в Самурзакани, сакрализации окружающей среды, влияния глобальных изменений климата на культуру народов, состояния здоровья современного населения, и, в частности, детей в зависимости от загрязнения окружающей среды, проблемы, связанные с употреблением алкоголя, и др.

Редколлегия не разделяет некоторые положения, высказанные в статьях данного сборника.

ISBN 5-89930 -125-2

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2009

© Коллектив авторов, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 3. ЭКОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 5

Степанов В.В.

Возможности совершенствования этнической
статистики: анализ программы
Всероссийской переписи населения 2010 года 7

Лежава Г.П.

Изменение этнодемографической ситуации
на территории Абхазии в XIX-XX вв.
(Исторические корни абхазо-грузинского конфликта) 40

Анайбан З.В.

Этнодемографическая и социально-экономическая
ситуации в регионах Южной Сибири..... 57

Субботина И.А.

Демографическое поведение гагаузов..... 79

Остапенко Л.В.

Русская молодежь Москвы в системе межэтнического
взаимодействия. Контакты без конфликтов 117

<i>Григулевич Н.И.</i> Алкоголь в России (традиции употребления и проблема естественной убыли населения)	132
<i>Дубова Н.А.</i> Что дальше? Как и каким путем может развиваться отечественная антропология	164
<i>Година Е.З., Задорожная Л.В., Хомякова И.А., Пурунджан А.Л., Гилярова О.А., Степанова А.В.</i> Влияние факторов среды на процессы роста и развития у человека	186
<i>Чухалдина Ф.А., Чернышева Ф.А., Ахметшина Э.И., Виноградова Л.Ш.</i> Актуальные проблемы эндоэкологии взрослого населения Прикамья	210
<i>Исламова Н.М., Чернышева Ф.А., Киимова Н.И.</i> Физическое развитие новорожденных детей отдельных районов Камского региона в зависимости от качества природной среды	221
<i>Низамова М.С.</i> Вопросы экологии человека в работе земств Поволжья и Урала на рубеже XIX-XX вв	243
СОКРАЩЕНИЯ	251

РАЗДЕЛ 3

Эколого-антропологические и социально-демографические исследования

В.И. Козлов

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ГИМН

Крутится, вертится шар голубой,
Связанный осью с Полярной звездой,
В темном пространстве меж прочих планет,
Где никого, к сожалению, нет.

Лишь на зеленых просторах Земли
Люди возникнуть когда-то смогли,
Но, подзапутав своё бытие,
«Грешной Землею» назвали её.

Крутится шарик, а люди живут –
Любят, враждуют, грустят и поют
И, проведя на Земле свои дни,
В землю навеки уходят они.

В пестром соцветье народов и рас,
Может, не каждому жизнь удалась,
Но, получив её тонкую нить,
Как не беречь её и не хранить.

Очень уж много идей и путей
К смерти веди и приводят людей,
Так что в достигнутый атомный век
Может себя истребить человек.

Чем отвратить нам безумство конца,
Силой какую наполнить сердца? ...
Не отыскать нам надежней слуги –
Ты, Экология, нам помоги!

Нам помоги получить от Среды
Вкусной еды и прозрачной воды,
И научи как без скорби прожить
Нашу такую короткую жизнь.

Дай нам насытиться жизнью земной,
Дай сохранить в ней и мир и покой,
Чтобы потомки весёлой гурьбой
Пели, как крутится шар голубой!

**ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ:
АНАЛИЗ ПРОГРАММЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ 2010 ГОДА**

Опыт Всероссийской переписи населения 2002 г. показал, что, несмотря на трудоемкость сбора и обработки информации о национальностях и языках, полученные данные являются одними из самых востребованных переписных материалов, и по прошествии семи лет они не утратили своей актуальности. Особенно важно отметить, что материалы о национальном (этническом) составе населения Российской Федерации, а также некоторые данные о языковой ситуации, и сегодня используются для совершенствования законодательства федерального и регионального уровней, для разработки и информационного сопровождения федеральных национальных проектов, федеральных целевых программ и прочих государственных нужд.

Поскольку за последние годы отечественная статистика утратила (или почти утратила) иные источники информации об этническом составе населения (Степанов, 2007), современная перепись фактически стала безальтернативным ресурсом статистических знаний по данной тематике. Никакие иные исследования, будь то социологические, этнографические и любые другие, связанные с выборочными опросами населения, не в состоянии конкурировать с данными о национальностях¹ и языках, получаемыми из переписи. Опыт работы ИЭА РАН и других научных центров, накопленный за многие десятилетия, свидетельствует о том, что данные переписей представляют собой уникальный источник, равноценных которому просто нет. Поэтому, каковы бы ни были мнения некоторых исследователей и представителей управленческих структур по поводу того, что, якобы, вопросы о национальности усложняют процедуру переписи (или даже про-

1 Здесь и далее используется термин «национальность» как часть инструментария современных российских переписей. Далее в тексте будет показано, что применительно к переписной методике и интерпретации результатов переписи термин «национальная принадлежность» не сводится к понятию «этническая принадлежность», т.к. вмещает большее разнообразие вариантов персональных оценок и идентификаций.

тивозаконны), необходимо осознавать, что именно эти данные, наряду с основными демографическими сведениями, являются важнейшим итогом общегосударственной переписи.

Во время переписного опроса трудно добиться высокой точности учета, особенно в отношении малочисленных национальностей (Ямсков, 2006). Однако важно осознавать, что данные переписи является во многом уникальным источником, а также и важнейшим ориентиром для изучения этнического состава населения Российской Федерации.

Мнение о том, что в других государствах переписями не учитываются национальность или языки, во многом ошибочно. Соответствующие виды учета осуществляются как раз во многих странах, однако при этом используются свои концепции и методики. Наглядным примером служит программа переписи в США, предусматривающая учет расово-культурной идентичности населения, причем возможно указание в анкете множественной идентичности. В структурах ООН уже в течение ряда лет обсуждаются варианты рекомендаций, которые могли бы способствовать развитию форм статистического учета категорий населения, которые относятся к культурным и языковым меньшинствам. Это, в частности, продиктовано требованиями международных норм о защите прав меньшинств. Многие из этих норм, кстати, признаны и действуют на территории Российской Федерации.

Не только само направление «национальность и язык» должно быть сохранено во всероссийских переписях, но необходимо усовершенствовать программу и методы предстоящей переписи 2010 г. Одним из таких шагов должно стать предоставление возможности каждому жителю страны указать сложную национальную (этническую) принадлежность. Таковая потребность существует у части потомков смешанных браков, которым затруднительно указать какую-либо одну национальность. Незнание жителей страны о наличии такой возможности еще не означает, что в ней нет потребности. Исправление Росстатом в 2008 г. вопросника при проведении пробной переписи в пользу старого варианта (единичной формы этнической идентичности) было, на наш взгляд, ошибкой. Шагом вперед могла бы быть и формулировка вопроса (вопросов) о языке, если за исходный критерий будет взят принцип выяснения реальной языковой ситуации (какие языки знают и используют граждане) в стране.

Переписные итоги о национальностях и распространенных в стране языках в советский период не могли быть адекватными по многим причинам, в том числе причинам идеологическим. Сегодня, когда ограничения подобного рода как бы сняты, все же имеется немало поводов сохранять старые идеологические доктрины и, соответственно, прежние методы сбора и обработки информации.

О списке национальностей

Следует преодолевать расхожее мнение, распространенное и среди научных работников, о том, что перепись подсчитывает количество народов. Сама переписная процедура дает лишь сумму ответов населения. Данные переписи всегда требуют сопоставления, анализа, интерпретаций, и все это находится за пределами компетенции самой переписи.

В Федеральном Законе «О Всероссийской переписи населения»² указывается, что перепись населения является источником федеральных информационных ресурсов, в частности, о национальном и языковом составе населения (преамбула ФЗ), а в перечне собираемых сведений о населении содержится пункт «национальная принадлежность» (ст. 6). Таким образом, в законе нет указания на подсчет народов. Нет каких-либо норм об учете народов и в Федеральном Законе «Об официальном статистическом учете».³

Перепись также не создает и не упраздняет национальности. Какие-либо списки, как, например, Перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, формируются и утверждаются Правительством Российской Федерации⁴. Позиция Росстата по данным вопросам нейтральна и он не наделен соответствующими полномочиями. Поэтому и ученым, и самому статистическому ведомству необходимо стремиться разьяснить тот простой факт, что переписная процедура позволяет получить лишь сумму ответов населения на вопрос о национальной принадлежности и что эти данные в дальнейшем могут быть использо-

2 Федеральный Закон «О Всероссийской переписи населения» от 27.12.2001 г.

3 Федеральный Закон №282 «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» от 29.11.2007 г.

4 Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

ваны для научных обобщений. Необходимо также давать разъяснения по поводу того, что учет ответов населения в переписи не является актом государственного признания национальности и не связан с решением каких-либо правовых вопросов. Однако сегодня, как и накануне переписи 2002 года, в Росстат поступает большое количество корреспонденции с просьбами и требованиями о «присвоении государственного кода». Таковы были требования в прошлой переписи со стороны общественных активистов *кряшен, бесермян, челканцев* и многих других. Сегодня свои пожелания направляют общественники от поморов, *буртасов, болгар*. Последние – особенно активны.

В официальных документах, публикациях, разъяснениях следует избегать употребление терминов «народы» («этносы», «нации», «национальности» и т.п.). Как и в предыдущих переписях, включая Всероссийскую перепись населения 2002 г., уместно использовать термины: «национальный состав населения», «население по национальности и владению языком».

Очень верно, что в публикациях итогов переписи 2002 г. заголовки таблиц, как и названия томов, не содержат каких-либо упоминаний о народах или национальностях Российской Федерации. Используются термины: «национальный состав населения», «население по национальности и владению русским языком». Понятие «национальный состав населения» применялось и в переписи 1989 г., и в предыдущих переписях, исключая материалы переписи 1926 г.

По итогам переписи 2002 г. впервые были опубликованы все закодированные варианты ответов населения (всего 779 единиц). И озаглавлен этот список был вполне корректно: «Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу “Ваша национальная принадлежность”».

Таким образом, при официальной публикации итогов прошлых переписей не было ни «списка народов», ни «списка основных национальностей» или же «списка национальностей РФ».

А вот в научной литературе ситуация совершенно иная. Стоит привести только один пример. В энциклопедическом томе «Народы России» (1994) на стр. 433 расположилась известная таблица «Народы Российской Федерации (по данным переписи 1989 г.)». Она-то как раз смущает наличием в ней американцев, голландцев и др. Но сама перепись и Госкомстат тут ни при чем.

Если отказаться от шаблонного (и неверного) представления о том, что сумма ответов на вопрос о национальности – это и есть список народов России, тогда отпадает необходимость заранее и по произволу корректировать этот список, урезая какие-то варианты ответов. ***Ведь перед переписчиками не ставится задача выявлять принадлежность к народам или национальностям России.*** Цель состоит в максимально полном фиксировании собираемых сведений. После сбора анкет, за дело принимаются кодировщики. Если кодировщики будут пользоваться инструкцией, чтобы какие-то ответы в анкетах не учитывать, то в этом случае итоги переписи опять таки не будут полными. А поскольку анкеты затем уничтожаются, изъятые данные никто и никогда не узнает. Даже Росстат.

Что же фиксируют переписчики, задавая вопрос о национальности? Не то, чего хотелось бы академическим исследователям. Это не сведения о принадлежности к «группе» или «народу», хотя, конечно, в анкетах есть информация и об этом. На бланках переписи значатся ответы о том, как респонденты причисляют себя к неким категориям (или наименованиям), которые в общественном дискурсе принято называть «национальностями», «нациями», «народами» и проч. При этом важно учитывать, что респондент может ассоциировать себя не с группой, а с наименованием, со «словом»⁵. Что стоит за такой категорией? Очень разные явления и не обязательно – этнические. Когда человек указывает в переписной анкете, что он русский, то, возможно, он отвечает на вопрос о лояльности: ты чей? – русский. Такая ситуация характерна для многих городов, особенно столиц республик. Например, житель Сыктывкара, оба родителя которого – коми, говорит, что он русский, и это нельзя рассматривать как ложную информацию или как свидетельство полной ассимиляции. Просто в обстоятельствах переписного опроса и в условиях большого города (формирующего мотивацию на то, что следует

5 В отечественных научных трактовках понятий «национальность», «этническая идентичность» принято говорить о (само)причислении индивида к референтной общности, группе. Но упускается из виду вариант идентичности, базирующийся на референтном «слове». В то же время хорошо известно, что ассоциирование собственного «я» со словом, например, со словами «храбрый», «умный», «добрый» является важной составной частью человеческого самосознания. Слова-термины, определяющие «национальность» по самоопределению, не являются в данном случае исключением.

считать престижным, выгодным и т.п.) респондент оказывается перед выбором и делает его (хотя такой выбор, возможно, не является окончательным). В Сибири, отвечая переписчику, опрашиваемые причисляют себя к татарам, поскольку их восприятие подготовлено: в школах – учебники из Татарстана, литературный язык – язык казанских татар, известны и другие пропагандистские усилия властей Татарстана. Но, указывая в переписи принадлежность к татарам, сибиряки проявляют не лояльность именно к этой республике, а, прежде всего, лояльность к идее татарской нации, демонстрируют приверженность к самому слову «татары». Если бы люди указывали в переписи свою причастность к «группам», то среди сибиряков было бы больше не татар, а эштинцев, барабинцев, калмаков и т.д. Многие российские белорусы ассоциируют себя с государством Белоруссией, а не с «группой» белорусов. Отчасти то же характерно для украинцев. А если учесть, что многочисленные иностранцы в переписи заявили, что они – нигерийцы, алжирцы, индийцы и т.д., то тем более не стоит думать, что во всех случаях речь идет об этнической принадлежности или принадлежности к группе.

Академическим работникам, не имеющим опыта организации и проведения переписи, может казаться, что однотипные ответы получить легко, достаточно лишь правильно сформулировать вопрос на переписном бланке. Логика вроде бы очевидна: если существуют исследовательские задачи, значит, их можно выразить в вопросах анкеты. На самом деле при формировании переписной анкеты исследовательские задачи далеко не всегда играют ведущую роль (хотя статистики в этом вряд ли признаются). Перепись – дорогостоящее государственное мероприятие, которое охватывает всю страну. Значит, нужно, чтобы в первую не было каких-либо огрехов с правовой точки зрения. Отечественные этнологи и антропологи практически не учитывают этот фактор в своих исследованиях, а для переписи он – ключевой. Поэтому сотрудники ИЭА РАН могут сколько угодно доказывать, что переписной вопрос «ваша национальная принадлежность» не адекватен и не дает возможности получить однотипные ответы, но последнее слово остается не за специалистами в области этнологии. Прав окажется чиновник, который скажет, что словосочетание «национальная принадлежность» взято из Конституции Российской Федерации. Можно также доказывать, что в переписи необ-

ходимо задавать вопрос не о владении языками, а о пользовании ими. Но опять же, сила аргументов оказывается на стороне тех, кто говорит, что в федеральном законе, посвященном переписи, сказано «владение». Демографы пытались повысить научную составляющую переписи 2010 г., чтобы она дала ответы о различных характеристиках миграции. Но этого не позволили сделать чиновники – мол, вопросы на данную тему будут нарушать гражданские права. Примеров можно привести множество.

Заметим: перепись – это такое действие, которое совершается в любом случае, вне зависимости от того, существует научная задача или нет, ведь государство должно показывать остальному миру свою дееспособность. Проведение переписи – одна из форм демонстрации такой дееспособности. Слабое государство себя переписать не в состоянии.

Все это я пишу для того, чтобы показать: перепись коренным образом отличается от сугубо научного исследования или социологического опроса. Я бы даже сказал, что перепись – это ненаучное исследование. Кто проводит перепись на низовом уровне? Полмиллиона слегка (а частью и вообще не) обученных людей, которые никакого научного или исследовательского интереса не имеют, да и результаты переписи для них остаются недостижимыми.

Поскольку перепись по своим методам, количеству и качеству исполнителей не вписывается в исследовательские каноны, нельзя и ожидать того, что результаты переписи представляют собой прямые ответы на научные вопросы. Конечно, перепись может сказать, сколько в стране мужчин и женщин (хотя для некоторых наблюдателей и это не очевидно). Но разве это научный вопрос? «Научность» возникает в ситуации неопределенности, когда требуются дополнительные сведения и интерпретации. Например, какова численность населения России – это уже научный вопрос, ведь чтобы на него ответить, нужно преодолеть большое количество неопределенностей. Хотя считается, что перепись дает прямой ответ на вопрос о численности населения, этот ответ связан не с точностью подсчетов, а с высоким авторитетом самой переписи. Переписная цифра о численности населения, таким образом, существует, но разве она воспринимается специалистами как абсолютно достоверная?

Что же касается более сложных обобщений переписных итогов, то здесь еще меньше определенности. Не случайно пенси-

онный фонд не пользуется данными переписи о численности пенсионеров, а налоговые органы – данными о количестве лиц, применяющих наемный труд. Впрочем, эти и другие вопросы, при всей своей неопределенности (из-за краткости формулировок, отсутствия уточняющих сведений и прочего), тем не менее, гораздо более определенны, чем вопросы переписи о национальности и языке. Если на один единственный пункт анкеты можно получить не два, как в случае с принадлежностью к полу, а свыше тысячи разных ответов (столько было получено во время переписи 2002 г. на вопрос о национальной принадлежности), то о какой же определенности может идти речь? Но, если так, почему же этнологи и прочие специалисты – потребители данных переписи, должны воспринимать цифры буквально?

Адресованный каждому жителю страны вопрос о национальной принадлежности оказывается отнюдь не универсальным и понимается в разных культурных, политических и семейных обстоятельствах по-разному. В итоге мы получаем некие обобщающие цифры, которые требуют колоссальных интерпретаций. Следует ли такие цифры рассматривать как непосредственные данные о народах, сообществах, группах? Очевидно, нет.

Сотрудникам Российской академии наук и специалистам Росстата необходимо окончательно преодолеть заблуждение по поводу того, что цифры переписи напрямую отражают количество и численный состав народов России. Если бы это было так, можно было бы говорить о практическом исчезновении в одном только Дагестане *кайтагцев, кубачинцев, арчинцев* и других. Арчинцев переписчики насчитали только 100 человек, а по наблюдениям этнографов, их не менее тысячи. Кубачинцев должно быть порядка 6 тысяч, а учтено менее сотни. Огромное несоответствие в отношении кайтагцев: ожидалось, таковыми назовут себя чуть ли не 30 тысяч, а получилось всего 5 человек – двое мужчин и три женщины...

Не нужно (и даже вредно) требовать от Росстата интерпретации переписных данных по вопросу о национальности. Это дело ученых, политиков, общественности, но никак не государственного статистического ведомства. Не только студент-переписчик не компетентен выявлять, какова принадлежность человека к какому-либо народу, но не обладает такой компетенцией и сама перепись. Повторим, однако, что данные переписи о националь-

ной принадлежности жителей всей страны – уникальны и во многом безальтернативны.

Но еще необходимо решить проблему общественного восприятия переписи. Обыденное сознание еще более, чем специалисты, ожидает, что перепись укажет, сколько в России народов. Но на сакраментальный вопрос «сколько?» отвечает не сама перепись, а те, кто использует и анализирует ее итоги. Чтобы не давать повода думать иначе, в программе переписи следует предусмотреть решение двух проблем, а именно:

- переименовать так называемый словарь национальностей для кодирования,
- повысить точность комментариев, которые публикуются вместе с итогами переписи.

Необходимо изменить название и терминологию словарей национальностей и языков, предназначенных для кодирования материалов переписи. В названии словарей значится «национальности», а нужно указать «возможные ответы на вопрос о национальной принадлежности». Применение словаря с прежним названием и терминологией в программе переписи 2002 г. ввело общественность в заблуждение, высказывались претензии по поводу неоправданно подробных «списков национальностей», которые «разрушают российские народы».

Упомянутый словарь национальностей представляет собой инструментарий для кодирования информации в анкетах. Этот документ не является объектом широкой публикации, но в наше время доступность материалов переписи обеспечивается Интернетом, поэтому термины, применяемые в словаре, немало способствуют тому, что результаты переписи воспринимаются искаженно. Применение словаря в программе переписи 2002 г. вызвало острую критику со стороны политиков, общественных деятелей, литераторов, а также и научных работников. Были высказаны претензии в адрес государственных статистических органов, а также в адрес ИЭА РАН по поводу того, что неоправданно подробные «списки национальностей» разрушают саму суть российских народов, и даже ставят под вопрос их существование. Особенно бурные дебаты происходили в связи с опасениями «уничтожения» (посредством переписи) целостности татар и аварцев.

Дело, конечно, не в самом словаре как инструменте кодирования, а в том, какие термины в нем используются. На сегодняш-

ний день полное наименование словаря для следующей переписи звучит так: «Словари национальностей и языков для кодирования материалов Всероссийской переписи населения 2010 года». Подчеркнем, что в названии значится «национальности». А нужно бы указать более точно: «возможные ответы на вопрос о национальной принадлежности». Если не вникать в суть дела, можно думать, что кодировочный словарь действительно содержит списки народов России. Обывателя особенно впечатляет список из многих сотен наименований, упорядоченный по алфавиту. В этом списке, например, наряду с татарами равноправно значатся десятки этнографических названий татар. Для кодировщика – это оптимальная последовательность, а для обывателя – нет, ведь он судит по названию списка, а список озаглавлен «национальности». Повторим, проблему искаженного общественного восприятия в значительной мере можно преодолеть одним лишь переименованием словаря, а также некоторых заголовков в его таблицах.

Некорректная терминология из этого словаря частично проникла и в официальные итоги переписи. В упомянутой выше таблице «Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения...» (Национальный состав, том 4, кн. 1) ключевой столбец озаглавлен следующим образом: «Национальность, этническая группа или их самоназвание». А следовало бы указать более точно – «варианты самоопределения» или вообще ничего не указывать, поскольку общего заголовка таблицы вполне достаточно.

Необходимо повысить точность терминов и комментариев, которые официально публикуются в итогах переписи. При опубликовании официальных итогов переписи 2002 г. в 4-м томе (кн. 1) помещены «Методологические пояснения». В этом документе (на стр. 929) приводятся сведения, каким образом были получены данные о национальном составе населения. Сказано, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации, национальность записывалась со слов опрашиваемых, а затем анкетные данные «систематизированы в 142 национальности и 40 входящих в них этнических групп». Сказано также, что такая группировка осуществлена «согласно Списку национального (этнического) состава населения Российской Федерации, разработанному Институтом этнологии и антропологии».

Действительно, такой список, точнее, основа списка была выработана нашим институтом. Но в нем не употреблялся термин «этническая группа», не было и рекомендации делить ответы на 142 национальности и 40 этнических групп, или в какой-то иной пропорции. Причем национальности в указанном официальном томе по какой-то причине названы «основными национальностями». Следовательно, можно думать, что в России, несмотря на провозглашенное конституционное равенство, есть неосновные или второстепенные национальности. В указанном тексте имеется упоминание и о «народах». В частности, говорится, что в итоговый список национальностей внесены «народы, выделенные в качестве самостоятельных национальностей». Таким образом, официальные итоги переписи предстают в комментариях именно как сведения о количестве «народов». Но поскольку всегда существует альтернативное мнение о количестве народов и их численном составе, данные переписи воспринимаются в обществе как некорректные.

Но в переписи 2002 г. не было вопросов о народе или народах, не было упоминания об «основных» национальностях, не было там и этнических групп. Согласно инструкции и формулировке под номером семь, отпечатанной на бланке, каждый переписчик должен был задать вопрос: ваша национальная принадлежность. И полученный по самоопределению ответ заносился в графу, состоящую из единственной строки. Других источников переписных данных о национальной принадлежности не предусматривалось. Следовательно, и комментарии в официальных итогах переписи должны соответствовать методу переписи. Поэтому предельно точным термином для написания официальных комментариев является тот, что используется в заглавиях таблиц — «национальный состав населения», тогда как такие понятия, как «народы» или «этнические группы», в данном случае неуместны.

О методе переписного учета ответов на вопрос о национальной принадлежности

На этапе подготовки пробной переписи населения 2008 г. Ростатом, по предложению ИЭА РАН, предусматривалось использовать метод более подробного учета ответов населения на вопрос о национальной принадлежности. Суть нового подхода состояла

в том, чтобы опрашиваемые могли дать не только единичный, но и множественный ответ в том случае, если они определяют свою национальную принадлежность как двойственную или как более сложную.

По этнографическим и социологическим, данным, такие ситуации характерны для национально-смешанных семей, особенно в крупных городах, а также для некоторых регионов Российской Федерации. К сожалению, опубликованные итоги переписи 2002 г. не позволяют судить о количестве населения с двойной национальной принадлежностью. Однако, используя данные переписи 1989 г., можно оценить численность лиц с двойной национальной принадлежностью на уровне 7%–15% (Степанов, 2003).

Технически учет двойной национальной принадлежности не более труден, нежели учет языков владения. Ведь по условиям переписи каждый опрашиваемый может указать, что владеет несколькими языками, поскольку для разработчиков программы переписи очевидно, что человек может знать более одного языка. Также опрашиваемый вправе назвать несколько источников средств существования, ведь таких источников действительно может быть несколько. Однако согласиться с тем, что у опрашиваемого родители могут быть разной национальности, оказалось почему-то трудно. Это довольно таки странно, ведь и без этнографических исследований факт межнационального смешения очевиден просто из житейских наблюдений.

И получилось по результатам переписи 2002 г., что численность украинцев, одних из крупнейших в России по численности, сократилась почти вдвое. При этом из более ранней переписи известно, что 76% украинцев в России живут в смешанных семьях. То же можно сказать в отношении белорусов, мордвы, коми, евреев, немцев и многих других.

Задача более точного учета переписных категорий населения вроде бы является очевидной для статистики. Осталось только признать, что *точность учета и единичность учета – это не одно и то же*. Если национальная принадлежность человека не является однозначной, то, следовательно, фиксирование единичного ответа вместо множественного является ошибочным. Следовательно, и итоги переписи будут менее достоверными. Относительно некоторых дагестанских национальностей, итоги вообще оказались некорректными.

Если бы перепись была способна учитывать двойную национальную принадлежность, можно было бы избежать многих конфликтных ситуаций. Например, менее острыми были бы политические отношения в Башкирии, где накопилась масса жалоб на нарушения конституционных прав башкирских татар, не учтенных государственной переписью. После переписи 2002 г. татары в Башкирии даже сделали попытку провести самоперепись (Габдрафиков, 2003). Широко известны скандальные примеры с кряшенами в Татарстане (Беляков, 2002, 2006).

Если бы перепись была способна учитывать двойную национальную принадлежность, не было бы такого большого количества лиц, не указавших свою национальность – почти 1,5 млн. человек.

Применение нового метода учета национальной принадлежности могло быть революционным для переписи 2010 г., и вариант переписной анкеты, разработанный Росстатом в 2007 г., как раз предусматривал такую возможность:

«Ваша национальная принадлежность (по самоопределению опрашиваемого; если опрашиваемый называет несколько вариантов ответа, то запишите не более трех)»

Однако этот вариант даже не дошел до пробной переписи. Предварительно разосланные переписные вопросы в территориальные статистические органы, как оказалось, вызвали в ряде случаев неприятие самих статистиков.

Но такая реакция вполне закономерна и это не должно быть поводом для шага назад. Нужно учесть, что в нашей стране, как и в других бывших советских республиках, *люди привыкли* указывать национальность не по самоопределению, а просто одну национальность. Это – результат пропаганды советского времени, мол, все граждане СССР подразделяются на нации и народности и человек не может «находиться» сразу в двух нациях. Подтверждением тому служили паспортные данные, где указывалась только одна национальность.

Обязательно найдутся те, кто будет против возможности дать ответ о национальности по самоопределению. Однако это не должно становиться поводом для отказа государства от желания получить более адекватную картину национального самоопределения в стране.

Исследования показывают, что российское общество более восприимчиво к идее учета множественной национальной принадлежности, чем это может показаться.

Весной и в начале лета 2008 г. ИАЭ РАН и Сеть этнологического мониторинга опросили столичных жителей в 14 субъектах федерации – по два в каждом федеральном округе (Российская нация, 2008). Был задан вопрос: *Может ли человек иметь две или более национальности?* Почти половина респондентов дали отрицательный ответ: «нет» – 36%, ответ «такого не должно быть» – 12%. Но другая половина дала утвердительный ответ: однозначно «да» – 21%, «в некоторых случаях, да» – 21%. Десятая часть опрошенных не дала никакого ответа. Это намного больше, чем ожидалось.

Примерно равное соотношение тех, кто приемлет, и тех, кто не приемлет множественную национальную принадлежность, естественно, проявляется не повсеместно. В одних регионах резко преобладают те, кто считает, что такая принадлежность у человека может быть только одна. Особенно много таких высказываний в Грозном (78%), Якутске (64%), в Горно-Алтайске (53%).

В иных регионах, наоборот, больше тех, кто считает, что национальная принадлежность у человека может быть неоднозначной. Особенно заметна доля таких ответов в Сыктывкаре (49%), в Омске (48%). А в таких городах, как Москва, Оренбург, Пятигорск, Екатеринбург, Хабаровск, распределение мнений примерно равное и соответствует общероссийской картине. В целом же по российским регионам доля тех, кто настаивает на однозначной национальной принадлежности (48%), оказалась намного ниже, чем представлялось специалистам.

В ходе того же исследования респондентам был задан вопрос: возможно ли, что в течение жизни человек меняет свою национальность? Твердое «нет» дали 46%, затруднились ответить 19%, но треть опрошенных ответили на вопрос утвердительно. Все это свидетельствует о том, что понимание национальной принадлежности как единичной и неизменной категории отнюдь не является в России абсолютно доминирующей идеей.

Конечно, количество людей, причисляющих себя сразу к двум национальностям, сравнительно невелико, но они должны иметь возможность реализовать свое конституционное право на само-

определение. До настоящего времени таким правом в отношении переписи они не обладают. ИЭА РАН по заказу Росстата проанализировал нераспределенные данные, отнесенные во время переписи 2002 г. к категории «другие национальности». Выявлено, что даже в той переписи записей двойной национальности было значительное количество,⁶ но им не нашлось места при подсчетах переписных итогов.

В имеющейся сейчас программе переписи 2010 г. удален подсказ о том, что опрашиваемый может указать свою национальную принадлежность полностью, т.е. в любом приемлемом для него варианте. На бланке опроса размещена единственная строка для записи ответа. Все это означает, что сохранена старая методика советского образца.

Разработчики программы говорят, что, если опрашиваемые сами захотят указать две национальности, они это сделают. Мол, подсказывать нельзя, это неконституционно (якобы, нарушается принцип самоопределения). Но проблема как раз в том и заключается, что опрашиваемые не будут знать, что есть возможность указать две национальности. А это как раз и есть нарушение прав и принципа самоопределения. Если человек не может дать однозначный ответ на вопрос о национальности, и соответствующая графа переписной анкеты остается незаполненной, значит, в данной ситуации он лишен равных прав с остальными гражданами.

Важно при подготовке переписи учесть и то, что доньше сохраняются обыденные представления о том, что государство и государственный чиновник «разрешает» указать только одну национальность, причем только такую, которая «узаконена». Этот стереотип все еще укоренен, видимо, среди большей части населения вне зависимости от того, что уже более десяти лет в России, согласно Конституции, каждый человек вправе указывать национальную принадлежность без ограничений. О том, что в гражданском паспорте советского образца существовала запись о национальности владельца документа, помнят 87% респондентов (естественно, что среди них наименьшую долю составляет молодежь). Это показали результаты упомянутого выше исследова-

6 Например, заметное количество тех, кто был причислен к категории «другие», называли себя карело-финнами, русскими немцами, русскими татарами, русскими украинцами, кряшено-татарами, курдами-езидами, мари-русскими. Кто-то заявлял, что многонационален, или метис и т.д.

дования, проведенного ИЭА весной-летом 2008 г. Но вместе с тем, общественное понимание того, что такое национальность и принадлежность к ней, в значительной мере выходит за рамки «паспортной отметки». В том же исследовании на вопрос, как вы понимаете слово «национальность», только 16% респондентов связали ее с паспортной записью, тогда как 62% сказали, что под национальностью понимают происхождение по родителям и предкам, и значительная часть из них (42%) склоняется к тому, что национальность определяется по языку и культуре. Поскольку в рамках упомянутого опроса респонденты могли давать несколько вариантов ответа, заметная часть из них (17%) указала и на то, что для них национальностью является гражданство, причем особенно характерны такие ответы среди молодежи.

Следует еще учесть, что во время переписи 2002 г. некоторая часть населения указывала национальность «россияне». Такие ответы не были подсчитаны Росстатом, однако материалы переданы в ИЭА РАН (в 2008 г.) для анализа, благодаря которому выяснилось, что категории «россиянин» и «россиянка» не являются эпизодическими и могут быть учтены наряду с другими вариантами ответов. Имеется много признаков того, что количество людей с такой идентичностью в дальнейшем будет увеличиваться, но это отнюдь не означает, что этот процесс связан с вытеснением прочих вариантов самоопределения. Вот данные нашего исследования. В ходе упомянутого опроса, один из пунктов социологической анкеты звучал так: Не отрицая своей национальной принадлежности, могли бы Вы также сказать о себе: «Моя национальность – россиянин»? Ответы были следующими: «да» – 58%, «да, если нахожусь в другой стране» – 17%, «нет» – 17%, «затрудняюсь ответить» – 8%. Это, что касается данных по стране в целом. А вот, например, итоги опроса в г. Грозном, где практически все опрошенные указали, что их национальность – чеченцы. Полностью согласны, что они также по национальности россияне 24% опрошенных и еще 36% ощущают себя россиянами, если находятся за рубежом. Не ощущают параллельной идентичности 29%.

Специалисты Росстата, и не только они, пока что придерживаются такого мнения: если человеку хочется указать в переписи «россиянин», он это может беспрепятственно сделать не в графе «национальность», а отвечая на вопрос о гражданстве. Но

как быть с теми, кто, не имеет российского гражданства и свою принадлежность ощущает именно так, а не иначе? И еще: при ответе на вопрос о гражданстве на переписном бланке обычно указывают не идентичность, а название страны, как это принято в международной практике при заполнении анкеты во время пересечения государственной границы. Кстати, по данным уже цитированного исследования, только четверть респондентов-горожан ни разу в своей жизни не выезжала за рубеж, тогда как большинство таким опытом обладает.⁷ Документально оформленное гражданство и самоопределение «россиянин» – не во всех случаях одно и то же.

Конечно, специалисты могут спорить между собой о том, действительно ли принадлежность к россиянам является «правильным» ответом на вопрос о национальности (хотя у большинства из них не возникает сомнений, если в российской переписи есть «испанцы», «французы», «голландцы»). Но население склонно давать такие ответы во время переписи, и с этим нельзя не считаться.

Таким образом, общественные представления о том, что такое национальность, очень различны. В то же время существует явное противоречие между массовым стереотипным представлением об «официально разрешенной» («паспортной национальности») и о том, что является «настоящей национальностью». Мне известен пример того, как один из российских ученых высокого академического ранга, занимающийся (подчеркну это) проблемами «межнациональных отношений», заявил в частной беседе: «Я лично принадлежу трем национальностям, но в переписи укажу только одну, это будет правильно». Но почему это «правильно», ученый не смог объяснить.

Если Росстат все же согласится с доводами ИЭА и будет во время переписи 2010 г. учитывать множественное самоопределение, то в этом случае, очевидно, на бланке вопросника необходимо внести уточнение. В частности, там должно быть напечатано о том, что возможен не только один, но и два ответа на вопрос о национальной принадлежности. Например, формулировка может быть такой: «Ваша национальная принадлежность. Можно ука-

⁷ Вопрос социологической анкеты звучал так: сколько раз вы бывали в других странах? Ответы распределились следующим образом: «никогда» – 26%, «однажды» – 16%, «несколько раз» – 39%, «много раз» – 18%.

зать одну или несколько по самоопределению». Для переписчика в инструкции следует уточнить, что последовательность записи ответов на вопрос о национальности не имеет значения.

Слово «самоопределение» в переписной анкете необходимо поместить в «теле» самого вопроса. То есть тем, кого опрашивают, переписчик должен зачитать, что от них ожидается самостоятельная оценка, по самоопределению. Это нужно учесть по опыту Всероссийской переписи 2002 г., когда люди затруднялись давать ответ о национальности, говоря, что не имеют соответствующей записи в паспорте. В той переписи слово «самоопределение» также значилось на бланке, но не было частью вопроса и чаще всего не «озвучивалось» переписчиком.

Особое внимание нужно уделить разработке инструкции для переписчика по вопросу о национальности. Наши исследования показали, что по вопросу о национальной принадлежности скудные и невнятные инструкции для переписчиков в 2002 г. порождали трудности опроса, и это повлияло на точность переписных данных.

О языках в переписном учете

Как известно, языковой блок вопросов в переписи 2002 г. существенно отличается от вопросов, применявшихся в советских переписях. Для сравнения приводим соответствующие формулировки.

Перепись 1989 г.

№ 9. Родной язык _____

Указать также язык народов СССР, которым свободно владеет _____

Перепись 2002 г.

№ 9.1. Владеете ли Вы русским языком? _____ да/нет

№ 9.2. Какими иными языками Вы владеете? _____

[возможны несколько вариантов ответа. При этом в инструкции для переписчика указывается, что первым следует записывать родной язык]

О владении иными языками, кроме русского, заявили 35,9 млн. человек. По данным советской переписи, таковых было 21 млн. Столь колоссальная разница объясняется не увеличением действительного знания, а тем, что в переписной анкете 2002

года для заполнения было на две строки больше, чем в анкете 1989 года (Степанов, Тишков, 2007).

Упомянутые 35,9 млн. человек указали на владение 156 языками, помимо государственного русского языка. К сожалению, в таблицах не приводится распределение ответивших по числу названных языков, и нет возможности понять, насколько упомянутые выше миллионы отражают реальное количество людей.

В вопроснике переписи 1989 г. задавался вопрос о *свободном* владении языками *народов СССР*. Отвечая на вопросы переписи 2002 г., где эти уточнения отпали, надо было просто сообщить о знании иных, кроме русского, языков. Стоит ли удивляться, что на первом месте оказалось владение английским, о чем указали в анкете почти 7 млн. человек – видимо, многие школьники и студенты. Кроме возможного удовлетворения у работников Министерства образования, эти данные больше ни для какой цели служить не могут. Также не представляют интереса сведения о том, что на третьем месте в России числится немецкий язык. Им, якобы, владеют не только российские немцы, которых менее 600 тыс., но также еще 2 млн. 200 тыс. прочих россиян. Между тем, только за счет этих двух языков число владеющих иными языками увеличилось более чем на 7 млн. человек.

Если не учитывать знание «школьных» языков, следует указать на закономерную тенденцию наибольшего распространения в России тех языков, которыми в обиходе пользуются самые многочисленные в стране национальности. Более всего в стране людей, говорящих по-татарски (5,3 млн.) и по-башкирски (1,4 млн.). Причем полученные переписью о численности носителей названных языков цифры представляются заниженными. Поскольку различия между обоими языками незначительны, статистическое соотношение тех, кто знает татарский и башкирский языки, отражает в большей мере политические различия, нежели действительную лингвистическую ситуацию. Многие башкиры и татары могли бы указать во время переписи владение обоими языками одновременно. Однако переписью зафиксировано, что менее трети башкир владеет татарским языком (31,3%), а доля татар со знанием башкирского – еще меньшая (2,5%).

Закономерным является распространение в России знание украинского языка, о владении которым в переписи заявило 1,8 млн. чел. Далее по количеству носителей следуют языки че-

ченский, чувашский, армянский, аварский и т.д. Вместе с тем, численность знающих украинский язык заметно ниже тех, кто назвался в ходе переписи украинцем – последних на треть больше, нежели первых. Это известное явление проявляется и в отношении других языков: меньше примерно на четверть тех, кто владеет удмуртским языком, нежели удмуртов, меньше владеющих мордовскими языками по сравнению с теми, кто причисляет себя к мордве. Аналогичным образом (примерно на 20%) меньше людей заявило о том, что знает языки чувашский, башкирский, армянский. В то же время невелики расхождения при самооценке населением владения языками даргинским, чеченским, аварским, татарским, что, очевидно, повторяет картину прошлых переписей⁸.

Перепись также показала, что некоторые языки распространены заметно шире, если сравнивать с количеством лиц соответствующей национальности. Это, в частности, характерно для кумыкского языка (владение которым, помимо кумыков, указали аварцы, даргинцы, чеченцы, русские, татары); азербайджанского языка (кроме азербайджанцев, им владеет часть армян, русских, лезгин): якутского языка (наряду с якутами – русские, буряты и др.).

Проблемой, однако, является то, что графа «владение языками», в силу методической ошибки, допущенной при подготовке переписного бланка, оказалась заполненной ответами на разные вопросы. В одних случаях переписчики, согласно инструкции, просили опрашиваемых указать «родной язык», в других – каким языком владеют. Поэтому приведенные численные соотношения, по всей видимости, содержат значительные искажения.

Состояние нерусских языков в России является чрезвычайно важной информацией для оценки этнокультурной ситуации. Что-то из данных переписи можно получить, с оговорками по части вышеотмеченной путаницы и местных манипуляций с данными в республиках. Крупные народы показывают высокий уровень владения языками своих национальностей. Однако заметим, что сюда же Госкомстат добавил данные по тем, кто указал родной язык без указания его знания или незнания! Фактически цифры о реальном знании, и, тем более, об использовании должны быть

8 Уже указывалось, что сопоставимость между данными советских переписей и Всероссийской переписью 2002 г. по языковому блоку очень низкая.

ниже. По нашим этнографическим наблюдениям, не может быть столь высоким знание армянского языка среди российских армян (73,2%) и соответствующих языков среди башкир (71,3%), бурят (79,3%), татар (80,8%), а также среди всех финно-угорских народов.

В декабре 2007 г. ИЭА РАН направил в Росстат (по просьбе этого ведомства) предложения, в которых была такая структура вопросов о языке:

*** Язык детства (родной язык). Можно указать несколько языков**

[В инструкции для переписчика следует дать разъяснение: указать язык (или языки), на котором опрашиваемый начал говорить в детстве; период детства ограничен возрастом 14 лет]

*** Владеете ли вы русским языком? Да/нет**

*** Какими иными языками вы [обычно] пользуетесь?**

В заключении ИЭА РАН указывалось, что слово «обычно» (на чем настаивал Росстат) особого значения не имеет, оно ничего не уточняет, но может дезориентировать отвечающего. Например, человек большую часть года говорит по-русски, а уезжая в отпуск к родственникам – использует карельский язык (или украинский, или белорусский, или башкирский и т.д.). Очевидно, в этом случае, человек пользуется в своей жизни не одним языком, но слово «обычно» заставляет его указывать только русский язык.

В инструкции для переписчика во время переписи 2010 г. следует написать, что речь идет о языках повседневного общения (в семье, на работе, с родственниками, в общественных местах), а также о языках средств массовой информации.

Главным достижением ИЭА РАН было то, что предложена более точная категория – пользование языками, а не владение. В переписи миллионы людей указывали, что владеют иностранными языками. Новая формулировка имела бы прорывной характер в технике переписи. Этот подход Росстат воспринял, формулировка сохранена и в самой последней версии программы переписи. Но 17.12.2008 г. на селекторном совещании Росстата руководитель этого ведомства В.Л. Соколин заявил, что данные о том, сколько людей у нас знают английский и французский – это

очень важно. Так, мол, мы сможем проводить международные сопоставления. Ему на это никто из его подчиненных не возразил, кроме И.В. Збарской, которая, разделяя подход ИЭА РАН, указала, что пользование языком предполагает и владение, тогда как владение не обязательно сопряжено с использованием. Но тут по селектору отозвался начальник стат. органа из Башкирии, мол, в законе о переписи нет слова «пользование языками», а есть «владение». В итоге Росстат в последней версии программы переписи-2010 (по состоянию на февраль 2009 г.) вернулся к старому советскому вопросу о «владении» языком. Кроме того, в вопросе о языке детства Росстат оставил только формулировку «Ваш родной язык», опять же сделав большой шаг назад в своей методике.

Напомню, что первоначальный вариант этого вопроса был: «Первый язык, усвоенный вами в детстве (родной язык)», что было раскритиковано ИЭА РАН, но Росстат все же использовал ее в пробной переписи 2008 г. В итоге опрашиваемые понимали «первый усвоенный язык» как именно... английский, французский и др., которым обучают в школе. Слово «усвоенный» сбивало с толку многих, даже хорошо образованных людей. Поэтому разработчики Росстата и решили оставить только «Ваш родной язык», тем более, что юристы этого ведомства уверили руководство Росстата: без родного языка никак нельзя, поскольку этот термин из российской Конституции.

Осуществляя сбор информации о языках, нужно исходить из того, что перепись не может выяснить, насколько человек хорошо владеет тем или иным языком. Можно, конечно, совершенствовать методику опроса, но все же изучение языковой компетенции – это не задача переписи. И это вполне очевидно, ведь не является задачей переписи проверка уровня образования опрашиваемого, хотя он и говорит о своем образовании, или, например, проверка его действительного состояния в браке.

Для чего же нужен в переписи вопрос о языке? В дореволюционной переписи вопрос о языке заменял вопрос о национальности, а в предвоенных переписях он служил дополнением к этому вопросу. Поэтому переписчики спрашивали не о языках, которыми люди повседневно пользовались, а только о родном языке. В те годы родной язык расценивался как синоним национальности и служил ее подтверждением. Такой подход в 1920-е годы был

во многом оправдан, ведь еще не было огромного притока людей в города и промышленные центры, еще не было массового смешения культур и языков. Распространение языков виделось как простое повторение картины национальностей или народностей – так в те годы было принято говорить.

Таким образом, прямым назначением вопроса о родном языке было уточнить национальность опрашиваемого, если полученные итоги опроса недостаточно определены. ***Язык в тех переписях не имел самостоятельной ценности для статистики.***

Но уже в те годы ученые прекрасно понимали, что язык и национальность – это не одно и то же, и что распространение языков может отличаться от географии национальностей. Уже тогда были попытки сделать язык отдельным объектом изучения переписи.

В переписи 1920 г. инструкция переписчику гласила: «Под родным языком разумеется тот язык, на котором говорит семья опрашиваемого (а в многоязычных семьях – мать)». Эта инструкция вкладывала новый смысл. Если сам вопрос переписной анкеты – «Родной язык?», фактически означал «Кто ты? Какого роду-племени?», то в инструкции просматривалось стремление учесть не эмоции, а языки, «на которых говорят».

В переписи 1926 г. вопрос о языке не изменили, но инструкция для переписчиков была еще более уточнена: «Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит».

Далее, в переписях 1937 и 1939 годов, а также в послевоенной переписи 1959 г. упомянутые инструктивные указания были убраны. Однако итоги переписей о родном языке стали рассматривать как сведения о знании и распространении языков. ***Язык превратился в самостоятельный объект переписи, но инструментарий оставался прежним.*** Этот инструментарий позволял учесть в основном только тот язык, который совпадал с национальностью опрашиваемого.

Между тем, реальная языковая ситуация уже в те годы была иной – быстрыми темпами распространялся русский язык и доминирующие в республиках СССР языки. Развивалось двуязычие. Все указывало на то, что языковые практики населения гораздо шире, чем показывает перепись.

Однако, только начиная с переписи 1970 г. стали задавать прямой вопрос о знании языка. Причем записывалось знание од-

ного языка: «Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет». ***Но при этом в качестве главного остался старый вопрос о родном языке.*** Что же получилось в итоге?

Вопрос о родном языке не давал картину знания языков. Как и по старинке, получалось, что если якут назвал родным языком якутский, а калмык назвал родным языком калмыцкий, то считалось, что эти языки действительно в ходу. На самом деле знание того же калмыцкого среди калмыков было намного ниже знания русского языка. Тем не менее, переписные итоги по родному языку суммировались с итогами по второму языку владения. Нужно ли говорить, что общая картина, представляемая переписью, была далека от действительности.

Что произошло в переписи 2002 года? В изучении языкового разнообразия населения был сделан настоящий прорыв. Программа впервые была полноценно ориентирована на изучение языка как самостоятельного объекта переписи. Предполагалось задать вопросы о владении русским языком, а также о владении другими языками.

При этом разработчики программы переписи-2002 испытывали давление. Им было трудно уйти от вопроса о родном языке, который в советскую эпоху ***хотя в значительной мере и утратил статистический смысл, приобрел значение символа.*** Понятие о родном языке попало в российскую Конституцию и в конституции российских республик, а также во многие правовые документы.

Поэтому в короткие сроки перед переписью, когда бланки уже были отпечатаны, последовало решение вернуть вопрос о родном языке и записывать его первым в графе ответов о знании иных языков. Такова была инструкция для переписчиков. Но поскольку на самом бланке переписи реанимированного вопроса не было, оказалось, что далеко не везде он был задан.

В одних регионах и населенных пунктах просуммированы родные языки и языки владения, а в других случаях получены только данные о языках владения. Получился прежний советский вариант, но в менее качественном исполнении.

Сейчас принято решение вернуть вопрос о родном языке на бланк переписи. Мотивируют это положениями Конституции. Кроме того, сведения о родном языке действительно помогают разобраться в сложностях подсчета национального состава насе-

ления. Однако напомним, что сведения о родном языке не будут отражать действительного распространения языков в Российской Федерации.

Очень важно тщательно подойти к разработке прямых вопросов о языке. Вспомним инструкцию для переписчиков 1926 г. В ней говорилось о языке, которым опрашиваемый «лучше всего владеет или на котором *обыкновенно говорит*». В более поздних переписях в качестве прямого вопроса стали использовать термин «владеет». Предполагалось, что владение языками автоматически означает их использование.

На самом деле «владение» и «использование» – не одно и то же. Если человек знает какой-либо язык, то необязательно он употребляет его в повседневной жизни. Это, в частности, касается иностранных языков, изучаемых в школах и вузах. Чтобы исключить учет неиспользуемых языков, в советских переписях записывали только владение номенклатурными языками, их называли «языки народов СССР». Но и такой подход не давал гарантии, что язык владения действительно используется в повседневной жизни. Вот характерный пример, который дал повод националистам из бывших советских республик обвинять советское руководство в фальсификациях и плохой национальной политике. Последняя советская перепись 1989 г. показала в Белоруссии и Украине якобы широкое распространение белорусского и украинского языка. В обеих республиках на тот период 78% всего населения (т.е. не только украинцы и белорусы) указали, что знают эти титульные языки. Но по многим исследованиям было хорошо известно, что использование этих языков было гораздо меньшим, и поэтому данные переписи называли фальсификацией.

Перепись должна предоставлять не только точные данные, но и отвечать на актуальные вопросы современности. Как известно, Генеральная конференция ЮНЕСКО еще в 1999 г. провозгласила Международный день родного языка, который отмечается 21 февраля. Это было сделано для привлечения международного сообщества к проблеме защиты исчезающих языков и тех языков, позиции которых ослаблены. Очевидно, что если в переписи 2010 г. использовать прежние подходы, то мы не получим знаний об устойчивости или угасании языков. Без знания о том, какие языки повседневно используются, не получим действительной языковой картины.

Следует напомнить, что Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств,⁹ и предполагается ратификация этого документа. Согласно ему, государство обязуется представлять отчеты международному сообществу о выполнении норм. В указанном документе важнейшим является термин «региональные языки или языки меньшинств». Под ними понимаются языки, которые традиционно *используются* жителями государства. *Подчеркнем, речь идет не о языках владения, а именно о языках пользования*, т.е. активных, действующих языках.

В рамках выполнения международных обязательств, России необходимо показывать на цифрах, какова доля жителей страны, которые *используют* региональные языки. Однако по данным прошлых переписей такие цифры представить невозможно. Если применять метод переписи 2002 г., тогда придется приравнять «владение языком» к «использованию языка». Но тогда получится абсурдный результат, ведь, если руководствоваться данными переписи 2002 г., в России к языкам меньшинств нужно причислить английский и французский языки, о владении которыми заявили миллионы россиян...

Мы предлагаем усовершенствовать тематический блок о языках, дополнив его вопросом об *используемых* языках. После вопроса о языках *владения*, уместен, например, такой вопрос:

«Какие языки вы используете для общения?»

(вопрос задавать, если имеется ответ на вопрос 9.2. о владении другими языками)

При этом в инструкции для переписчика нужно отметить следующее: требуется указать язык или языки, на которых опрашиваемый чаще всего говорит в семье, на работе, в общественных местах.

Дополнительный вопрос лишь незначительно усложнил бы переписную процедуру, но полученные в комплексе сведения впервые в истории отечественных переписей позволили бы получить полноценную картину о языках Российской Федерации.

9 Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (Страсбург, 5 ноября 1992 г.).

Об обязательности переписи

Опыт прошлой переписи 2002 г. показал, что далеко не все население согласно принимать в ней участие. Прежде всего, речь идет о жителях крупных городов, трудовых мигрантах, а также иностранцах, прибывших из стран дальнего зарубежья. В связи с этим Росстат предпринял попытки (и предпринимает их до сих пор) по внесению дополнения в федеральный закон о переписи, которое бы предусматривало обязательное участие в переписи граждан. Прошлая перепись обошлась без такой поправки.

По поводу «обязательности» существуют разные точки зрения, но доминирует одна. Судя по последним обсуждениям на декабрьском 2008 г. совещании в Росстате, руководство этого ведомства, а также многие приглашенные специалисты по миграции, демографии, экономике, социологии стоят за то, чтобы участие населения в переписи стало обязательным. При этом как бы само собой разумеется, что законодательная норма автоматически обеспечит полный охват жителей переписью. Желая обязательности, никто (и это очень странно) не опирается на какие-нибудь исследования. Считается опять же, что достаточным аргументом обязательности участия является зарубежный опыт.

Если иметь в виду страны Запада, то там участие в переписи, как правило, действительно обязательное, и понуждение к участию предусматривает наложение внушительных штрафов на нарушителей. Но насколько действенны установленные законом требования? Примеры присуждения штрафов за уклонение от переписи в западной административной практике отыскать трудно. Но при этом, например, в Британии, где штрафы за уклонение одни из самых высоких, статистики, по завершении переписи, стали бить тревогу: мол, остался неучтенным почти миллион британцев. Объяснили это тем, что значительное количество соотечественников находилось в момент переписи за пределами страны. В США анализ переписи всегда сопровождается изучением территориального распределения данных о количестве тех опрашиваемых, кто не вернул переписные анкеты. Жесткие требования, предъявляемые к населению во время переписи в Турции, согласно которым, переписываемые должны находиться в домах и не появляться на улице, также нарушаются, чему мне довелось быть свидетелем в октябре 2000 г. Видимо, исполнение предписаний обязательного участия в переписи определяется не столько

нормами закона, сколько гражданским сознанием, и гражданской культурой.

В нашей стране общественная активность закономерно различается в городской и сельской среде, в больших и малых городах, в центральных регионах и периферийных. Различия особенно заметны по данным об активности населения на выборах в органы власти. Участие в выборах, согласно Конституции Российской Федерации, является гражданским правом, но не является обязанностью. Если учитывать различия в выборной активности, тогда легко предположить, что в крупных городах участие населения в переписи не может быть сплошным, поскольку жители крупных городов территориально более подвижны, им свойственен больший индивидуализм, они менее подвержены влиянию властных структур и менее от них зависят. Стремление Росстата сделать процедуру переписи обязательной не повысит степень участия в ней жителей крупных городов, а участие в переписи сельских жителей и без того достаточно полное. Но обязательность участия может отпугнуть сомневающихся, а также и тех, кто склонен к протестному поведению из-за социальной или бытовой неудовлетворенности, а также иных причин. Вне всякого сомнения, требование обязательного участия в переписи отпугнет от нее иностранцев, прежде всего, трудовых мигрантов.

Важно также понимать, что контроль обязательности участия в переписи на практике сильно затруднен. Опыт переписи 2002 г. (хотя перепись не была обязательной) показал, что, как и в случае с голосованием на выборах, власти стремятся использовать административный ресурс, понуждая всякими способами, зачастую неправовыми, население к участию. Подобные методы не способствуют тому, чтобы опрашиваемые испытывали большое желание сообщать переписчикам данные о себе и своих близких. В Турции именно полиция надзирает за тем, чтобы на улицах никого не было во время проведения переписи. В российских условиях правоохранительные органы, конечно, тоже способны осуществлять подобный внешний контроль, но отсутствие людей на улицах не поможет переписчикам проникнуть в жилье к опрашиваемым. Методы жесткого контроля не заставят граждан самолично явиться в переписной пункт для прохождения процедуры опроса.

Вопрос об обязательности участия в переписи в значительной мере перечеркивается развитием в Российской Федерации зако-

нодательных норм о персональных данных. Причем имеется в виду даже не столько недавний федеральный закон о персональных данных (2007 г.), сколько положения Конституции Российской Федерации.

В Основном Законе сказано:

«Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» (статья 23).

Заполнение бланков переписи, где указаны имя и фамилия опрашиваемого, а также код счетного участка (фактически адрес), безусловно, является вторжением в частную жизнь.

Мы, конечно, можем заявить, что собранная информация будет храниться в «агрегированном виде». Однако, чтобы обобщить информацию, нужно обработать первоисточники (переписные вопросники), а это требует времени. Как известно, для осуществления полной процедуры требуется год, и лишь затем бланки переписи уничтожаются. Значит, конфиденциальная информация практически о каждом жителе страны хранится довольно продолжительный срок. А это противоречит соответствующим положениям Конституции Российской Федерации:

«Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (статья 24, пункт 1).

Это означает, что, какими бы ни были поправки к закону о переписи, положения об обязательном участии будут неконституционными.

Что же произойдет, если и в 2010 г. участие населения в переписи не будет определено законом как обязательное? По моему убеждению – ничего плохого для переписи не будет, и она, как и в 2002 г., будет успешно проведена. Росстат, безусловно, будет высказывать опасения в том, что без требования обязательного участия гарантировать полноту сбора информации нельзя. На это следует ответить, что полнота сбора данных зависит не от буквы закона, а от уровня подготовки и технических качеств самой переписи. Существенным недостатком переписи 2002 г. было как раз то, что переписчики попросту не посещали всех жителей, хотя жители были готовы дать ответы на вопросы анкеты. Чем грамотнее переписной персонал и лучше организована переписная процедура, тем выше качество переписных результатов. По опыту личного участия в предыдущей переписи, мне и моим кол-

легам представляется очевидным, что массовость участия населения напрямую зависит от того, насколько переписчики и иные исполнители взаимодействуют с жителями вверенного им дома, улицы, квартала. Если такое взаимодействие было вялым или его не было вообще, степень осведомленности местных жителей оказывается крайне низкой. Телевизионная и газетная реклама, а также уличные плакаты играют в подготовке общественного мнения незначительную роль. Именно личный контакт с населением переписной «команды» во время предварительного обхода¹⁰ обеспечивает тот необходимый уровень доверительных отношений, который только и может обеспечить полноту сбора данных, а в конечном итоге – успех всего мероприятия.

Проблема, однако, в том, что для переписи 2010 г. Росстат не предусматривает (!) проведение предварительного обхода. Такое решение, если оно действительно станет окончательным, беспрецедентно. За все предыдущие отечественные переписи предварительный обход ни разу не был отменен, причем даже в условиях экономических трудностей, какие были при подготовке переписи 2002 г. Руководство Росстата, решив сэкономить на «трудоднях» переписчиков, большие надежды возлагает на рекламу и пиар-кампанию. Но в этом случае масс-медиа должны буквально утроить свои усилия, и вряд ли эти усилия будут стоить дешевле труда нанятых для переписи студентов.

Впрочем, в качестве основной причины отказа от предварительного обхода в проекте программы переписи 2010 г. (по состоянию на март 2009 г.) названы не финансовые соображения, а несогласованность сроков муниципальных и иных выборов с датой проведения переписи. По мнению разработчиков программы, проходящие во многих регионах выборы в начале октября, а именно на этот период планировалось проведение переписи, утомят население. Считается, что граждане, проявив активность на выборах, будут вяло отвечать переписчикам или даже вовсе не захотят принять участия в переписном опросе. В декабре 2008 г. было решено перенести начало переписи с 9 октября (как было в переписи 2002 г.) на 15 октября. Перенос даты оказался совсем незначительный из-за того, что после переписного опроса, другие необходимые работы должны продолжаться еще полтора месяца,

¹⁰ Предварительный обход осуществляется в течение нескольких дней накануне переписи.

и эти работы должны быть полностью завершены до середины декабря, так как заканчивается финансовый год. Получается, что перепись все равно проведут почти вслед за выборами. Поэтому, дабы не утруждать и «лишний раз не беспокоить» население, пожертвовали... предварительным обходом. Какова цена такой жертвы, сейчас сказать трудно. Плохо, однако, что подобные решения принимаются на основе кабинетных рассуждений, а не в результате исследований. Такое дорогостоящее и редкое государственное мероприятие как перепись, которая готовится многие годы, оказалось буквально стиснутой между избирательной бюрократией с одной стороны и бухгалтерской бюрократией – с другой. Перепись заранее ставится в условия цейтнота, и вряд ли в таком случае уместно требовать от нее полноценного результата. Сегодня кажется невероятным, что сроки финансовой отчетности могут существенно повлиять на адекватность переписных данных, например, данных о национальном составе населения страны. Но, к сожалению, такое влияние не исключено.

Ну, а каково же потенциальное желание самого населения принять участие в переписи? Действительно требуется полицейский надзор по турецкому образцу? В марте 2009 г. мы провели еще одно исследование. Опрос был всероссийским, корректная выборка охватила жителей городских центров во всех субъектах федерации.¹¹ Мы посчитали необходимым уведомить респондентов, что закон не требует обязательного участия в будущей переписи, а затем спрашивали, будут ли респонденты участвовать в этой переписи. Вопрос социологической анкеты был сформулирован следующим образом: «По закону, давать ответы в переписи – дело добровольное. И никакие документы предъявлять не нужно. Будете ли вы участвовать в переписи?» Результаты оказались такими: «да», то есть будут участвовать – 92% опрошенных, «нет» – 3%, затруднились ответить – 5%. Заметим, что никакого предварительного обсуждения о том, что перепись имеет важно значение, не было. На сегодняшний день в поддержку будущей переписи нет какой-либо пиар-кампании (таковая намечена Росстатом лишь через год), нет обсуждений

11 Опрос был выполнен «Агентством социальных технологий «Политех» (Москва). Опрошено пропорционально численности жителей городов 2248 чел. в возрасте 18 лет и старше. Опрос не проводился в Чечне, Ингушетии, Ненецком автономном округе и в Камчатском крае.

в прессе. Следует обратить внимание и на то, что опрос проводился в неблагоприятный период, когда в российском обществе важнейшей была тема глобального экономического кризиса. Руководители Росстата, как и при подготовке к предыдущей переписи, особенно опасаются низкого участия жителей в больших городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Действительно, участие населения мегаполисов в массовых мероприятиях бывает относительно низким. Тем не менее, жители двух столиц проявили достаточно большую заинтересованность в будущей переписи. В Москве 86% заявили, что будут участвовать и только 5% сказали, что не будут. В Санкт-Петербурге 89% – «за» и 4% – «против». Конечно, следует учитывать, что реальное участие в переписи, как и в случае с выборами, может быть ниже заявленных намерений, но все же результаты опроса весьма красноречиво показывают, что готовность населения достаточно высока, причем она выше, чем в благополучных западных государствах.

Сказанное не означает, что закон не должен предъявлять требования обязательного участия в переписи. Но это требование должно быть адресовано не населению, а различным государственным и муниципальным службам, бездеятельность которых зачастую и является камнем преткновения. Опыт прошлой переписи показал, что как раз этого вида сотрудничества зачастую недоставало для эффективной работы переписчиков. Известно, что в Москве переписчики тратили много времени не на то, чтобы произвести опрос, а чтобы добиться возможности получить номера телефонов тех, к кому они должны были прийти с вопросниками. Много времени и усилий было направлено на выяснение дверных кодов для проникновения в подъезды московских многоэтажек. Так что именно участие чиновников в переписи должно быть не добровольным, а обязательным.

Литература

1. Беляков Р. Кряшены - поворот исторической судьбы? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. N41. М., 2002.
2. Беляков Р. Положение кряшен // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №68. М., 2006.

3. Габдрафиков И. Предварительные итоги переписи населения. Башкортостан // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 49. М., 2003.
4. Народы России. Энциклопедия \ Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. // ФСГС. Т. 4. Кн. 1, 2.)
6. Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие. М, 2008.
7. Степанов В.В. В защиту этнической статистики // ЭО. № 5. 2007.
8. Степанов В.В. Этническая идентичность и учет населения (как государство проводило Всероссийскую перепись – 2002) // Этнография переписи – 2002. \ Ред.: Филиппова Е., Арель Д., Гусеф К. М., 2003
9. Степанов В.В., Тишков В.А. Этническое измерение России // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г. \ Отв. ред. Степанов В.В., Тишков В.А. М., 2007.
10. Ямсков А.Н. Этногеография и география религий (программа учебного курса) // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии \ Отв. ред. С.В. Чешко. М., 2006.

**ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ В XIX – XX ВВ.
(Исторические корни абхазо-грузинского конфликта)**

В связи с войной между Россией и Грузией в августе 2008 г., оказавшейся в центре мировой политики, особое значение приобрела тема «Абхазия в системе российско-грузинских отношений», которая уже освещалась в работе автора этих строк (Лежава, 1997). Хронологические рамки тогда, естественно, были ограничены периодом до 1992 г. В связи с публикацией второй книги по данной теме, где рассматривается ход событий, начиная с войны между Грузией и Абхазией в 1992-1993 гг. и до военных действий между Россией и Грузией в августе 2008 г., в данном очерке уместно показать динамику этнодемографической ситуации, рассмотреть этнополитические противоречия в Абхазии и социально-экономические проблемы национальных отношений как в Сухумском военном округе, Кутаисской губернии Российской империи в XIX в., так и после распада Российской империи, в XX в.

Изменения численности и национального состава исторической Абхазии (Абсилия – страна абсильов, Абазгия, Абхазское царство, Абхазское княжество) по их характеру можно разделить на четыре этапа: античный период, средние века до конца XVIII в., с начала XIX в. до 1917 г., после распада Российской Империи и до развала СССР (1918-1991 гг.).

Исходная задача нашего исследования – изучить механизм возникновения многонационального территориального образования, межнациональные отношения, противоречия, причины этноконфликтов и столкновений на примере населения Абхазии. Хронологические рамки ограничиваются периодом, включающим последние два этапа: начало XIX – конец XX вв. Опираясь на статистические источники – переписи населения (1886, 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), мы, прежде всего, намерены дать количественные характеристики тех изменений, которые происходили в населении.

Изучению этих вопросов посвятили свои исследования известные абхазоведы – члены-корр. АН Грузии Г.А. Дзидзария и З.В.

Анчабадзе, профессора Ш.Д. Инал-Ипа и А.А. Олонецкий, историки и демографы Грузии акад. П.В. Гугушвили, профессора В.Ш. Джаошвили и К.Д. Антадзе и другие. Также опубликованы моя работа (Лежава, 1989), а в 1994 г. – книга Анзора Тодадзе «Население Абхазии и осетины в Грузии». Ученые, занимающиеся данной проблемой, констатируют, что нет достоверных источников, на основании которых можно было бы приблизительно определить численность и национальный состав населения, в том числе и аборигенов-абхазов, до XIX в. Отмечаются трудности установления действительной картины изменения численности и этнического состава населения даже за XIX в.

В ходе исследования мы использовали ряд архивных статистических материалов, которые, согласно уже опубликованным данным, позволяют воссоздать, на наш взгляд, примерную динамику роста населения Абхазии, прежде всего за XIX в.

Так, согласно «Обозрениям Российских владений за Кавказом», по расчетам проф. В.Ш. Джаошвили, численность населения Абхазии в 1800 г. равнялась 77,8 тыс. чел. (Джаошвили, 1984, с. 66). По расчетам же акад. П.В. Гугушвили, в 1800 г. число абхазов достигало 30 тыс., а в 1832 г. – 34, 8 тыс. чел. (Гугушвили, 1971, с. 351-352).

Известно, что в Абхазии Российское правление утвердилось в 1864 г., поэтому в дореформенный период XIX в. никаких переписей вести не могло. Лишь к 1886 г. стало возможным из семейных списков извлечь данные, что и было сделано.

Имеются также приблизительные данные о численности населения Абхазии. Бежавший из Турции в Абхазию Таяр-паша в 1806 г. сообщает русским властям, что численность мужского населения Абхазии равна примерно 30 тыс. чел. (Акты ..., 1869, с. 191), а в сообщении генерала Тормасова в 1809 г. сказано, что «население Абхазии составляет 5 тыс. дворов, из которых численность мужского населения усматривается в 25 тыс.» (Акты ..., с. 953, № 1447). Он же в 1811 г. определяет население Абхазии в 15 тыс. дворов (ЦГВИА. Ф. 7, д. № 18494).

А.Ф. Фадеев (1960) для характеристики политической ситуации в Закавказье приводит «Записку» генерала А.П. Тормасова (ЦГВИА. д. № 332, лл. 9-12), сменившего в марте 1809 г. генерала Гудовича на посту главнокомандующего на Кавказе. Поскольку эта записка была составлена в мае 1809 г., т.е. сразу

же по прибытии Тормасова в Грузию, как пишет А.П. Фадеев, можно не сомневаться, что она отражала точку зрения самого Александра I, который лично инструктировал нового главнокомандующего перед отъездом его из Петербурга. Новая война с Турцией, по словам Тормасова, давала возможность «присоединить навсегда к Грузии под державу государя Императора Имеретию, Мегрелию, Авазгию (Абхазию - А.Ф.), Гурию, со всеми к ним прикосновенными княжескими уделами, в горах и на плоскости находящимися. Присоединить к Российской державе оружием или трактатами от Турецкого пашаликства Ахалцихское и Карсинское и от Персидской владение Ереванское.. по реке Аракс и сею рекою через Арзрум к берегу Черного моря до Трабизонд учредить российскую границу...» Мотивировалось это по-прежнему тем, что «сии провинции издавна принадлежали Грузии, и большая часть жителей в них поныне тайно хранят веру христианского исповедования...» Заметим, что в действительности речь шла о воссоединении не только грузинских земель, но и значительной части территорий, населенных армянами, хотя это и не имело в данном случае особого значения, поскольку армяне, как и грузины, также являлись христианами (Фадеев, 1960).

Сопоставляя ряд статистических данных, на которые ссылаются специалисты, изменения общей численности населения Абхазии в XIX в. характеризуются следующими показателями: в 1801 г. численность населения составила 77,8 тыс. чел., в 1832 г. – 99 тыс., а в 1858 г. – 95,9 тыс. чел. (подробнее см.: Лежава, 1989, с. 8).

В опубликованном в Петербурге документе «Распределение населения в Кавказском наместничестве» приводятся данные за 1858 г., когда Абхазское княжество еще имело свою автономию, но, как свидетельствует этот документ, подчинялось Кутаисскому Генерал-губернаторству. По этим данным, общая численность населения княжества Абхазии составила 95910 чел. Особый интерес вызывает состав населения Абхазского княжества, где помимо 60 тыс. чел. абхазов, еще числилось приставство Цебелдинское – 9200 чел., Самурзаканское приставство – 20666 чел., и Сванетия. Под этой таблицей имеется справка, согласно которой Абхазия разделялась на три округа: «Абхазский, Бзибский и Абжуйский» (Наличное население ..., с. 175).

Для нашей работы особое значение имеет изменение численности населения после того, как в 1864 г. Абхазское княжество превращается в административную единицу Российской империи. Так, по опубликованным приблизительным данным, в 1864 г. общая численность населения Сухумского Военного Отдела составляла 90 тыс. чел., 1865 г. – 79,1 тыс., 1867 г. – 63,9 тыс., 1873 г. – 83,9 тыс., 1886 г. – 68773 чел., и в 1897 г. – 106,2 тыс. чел. Хуже обстоит дело с показателями этнического состава населения Абхазии в XIX в. Если сопоставить данные, приводимые академиками П.В. Гугушвили и В.Ш. Джаошвили, то получается, что в 1801 г. из общего числа 77,8 тыс. чел., было 30 тыс. абхазцев, в 1832 г. из 90 тыс. их было 34,8 тыс., и можно допустить, что остальная часть населения являлась иноязычной, т.е. последних к 1801 г. было 47,8 тыс., в 1832 г. – 55,2 тыс. чел.

Первые более или менее достоверные данные о национальном составе населения Абхазии даются в переписи населения 1886 г. (они извлечены из посемейных списков). Однако и в настоящее время приводимые здесь данные о численности абхазов и грузин по-разному воспринимаются абхазской и грузинскими сторонами.

Если сопоставить показатели численности абхазов по имеющимся данным, согласно которым их было в 1801 г. 30 тыс. в 1832 г. 34,8 тыс., в 1886 г. 30 тыс., а остальных, соответственно, 47,8 тыс., 55,2 тыс. и 40453 чел. (в т.ч. грузин – 34,8 тыс.), то можно допустить логическую связь в изменении численности указанных этнических групп.

По вопросам общей численности абхазов и грузин происходят споры из-за определения этнической принадлежности самурзаканцев (населения, проживающего между реками Галидзга и Ингури, ныне Гальский район). Абхазские ученые причисляют их к абхамам, общая численность которых становится 59 тыс. чел. (85,7% населения), тогда остальные 4 тыс. (6% населения) – грузины (Свод статистических ..., 1893), а грузинские ученые, наоборот, считают, что 30,6 тыс. чел. самурзаканцев надо считать грузинами и общая численность абхазов – 34806 чел. В этом вопросе ясность не вносят и данные переписи 1897 г. По этим данным, было учтено 58,7 тыс. чел. (или 55,3% населения) абхазов, 35,9 тыс. грузин (или 24,4% населения). Здесь самурзаканцы при-

числяются к абхазам. Лишь только Всесоюзная перепись 1926 г. дала нам возможность разобраться в этническом составе самурзаканцев. Согласно этим данным, самурзаканцы – это большей частью мегрелы и меньшей – ассимилированные абхазы.

К вопросу о переселенческой политике Российской империи

В 1810 г. Абхазское княжество добровольно присоединилось к Российской Империи. С окончанием Кавказской войны Абхазское княжество упраздняется и под названием «Сухумский Военный Отдел», позднее «Сухумский Военный Округ» вводится в подчинение Кутаисской Губернии. Этот период истории Кавказа характеризуется активной колонизацией всего Черноморского побережья: раздача земель военным и гражданским чинам, организованные заселения из разных губерний России представителей разных национальностей (русских, украинцев, болгар, поляков, эстонцев, немцев и др.), а из Турции – армян, греков и лазов. К этому моменту в Российской Империи проводится земельная реформа, усиливается социальный гнет. В 1866 г. происходит народное восстание абхазцев, которое жестоко подавляется царизмом. Абхазский народ был объявлен «виновным населением». Вплоть до 1907 г. абхазы перестали привлекаться к отбыванию воинской повинности. Абхазское население было обложено дополнительными налогами, ограничивалась территория их расселения и т.д. Воспрепятствовано также и поселение в Абхазии грузин, проживающих за рекой Ингури. Однако даже вопреки запрещению своих помещиков-князей, грузинское крестьянство убегало от социально трудных условий к более свободному положению абхазских крестьян. Первая Всеобщая перепись Российской Империи 1897 г. зафиксировала эти передвижения на территории Абхазии.

Материалы переписей позволяют установить, что из общего числа переселенцев в 30201 чел. (29,1% всего населения), 14373 чел. (13,5% населения) прибыло из других губерний и других государств (из России – 6416 чел., или 6%, из Турции и др. государств – 7957 чел., или 7,5%), из Западной Грузии – 16528 чел., или 15,6% всего населения. Таким образом, среди переселенцев 20,8% были из внутренних губерний России, 25,7% – из других государств, а из Кутаисской Губернии – 53,5%. Распределение

населения по месту рождения содержит данные о переехавших из различных городов Российской Империи. Здесь мы встречаем 50 наименований городов и областей.

Приблизительными являются данные о переселенческом движении из Абхазии в Турцию и другие государства, которое началось, по косвенным данным, сразу же после присоединения Абхазии к России. Большой переселенческой волной характеризуется время завершения Кавказской войны в 1864 г. и подавления восстания 1866 г., когда почти полностью были выселены сады и другие горские абхазские народности. Наиболее крупное массовое переселение абхазов в Турцию произошло в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и нового восстания абхазов, вспыхнувшего в те годы (Анчабадзе, 1976, с. 85). Несмотря на то, что имеющиеся подсчеты довольно противоречивы, можно указать, что по приблизительным данным в тот период в Турцию переселилось примерно 30 тыс. чел., что составляло около 40% всего населения Абхазии, т.е. на родине осталось 32 тыс. абхазов (Антадзе, 1973, с. 139).

В результате переписи 1897 г. зафиксировала на территории Сухумского Округа 37 этнических групп (Лежава, 1989, с. 14), что говорит о том, что Абхазия за короткое время превратилась в многонациональный край, где языком межнационального общения постепенно и естественно стал русский язык (Анчабадзе, 1976, с. 87).

Грузинский общественный деятель Ф. Сахокия в 1903 г. писал: «Кто путешествовал здесь (в Абхазии – Г.Л.) лет 20 назад, тот не поверит, как этот край изменился за такой короткий срок. Этнический состав жителей стал пестрым. Вы услышите здесь русскую, грузинскую, греческую, армянскую речь; увидите здесь мегрельский кабалях, турецкую феску, русский картуз – все перемешалось здесь».

Основной задачей политики колонизации, проводимой царской администрацией на Кавказе в XIX в., в частности, на территории Абхазии, являлась переселенческая политика. Председатель Тифлисского Комитета по сословно-поземельным делам князь Святополк-Мирский советовал русскому правительству воспользоваться трагедией абхазского народа («махаджирством», или переселением абхазов в Турцию) и способствовать этому процессу, а на опустевшие земли, по обе стороны реки Бзыби, засе-

лить казаков, положив тем самым начало русскому поселению и активному обрусению края. Характерно, что царское правительство выделяло переселенцам (прежде всего русским, болгарам, немцам, грекам, эстонцам и другим) по 15 десятин земли, а местным абхазам и грузинам лишь по 5 десятин и за соответствующую мзду. Широко практиковалась и раздача крупных земельных участков (до 8 тыс. десятин) российским помещикам, высшим военным и гражданским чиновникам, монастырям (Очерки истории ..., 1960, с. 220).

Эти колонизаторские мероприятия, являясь частью самодержавной политики на Кавказе, преследовали и важнейшие военно-стратегические цели. В это же время переселенческое движение в России XIX в. было связано с процессом развития капитализма вширь, что означало экономическое «завоевание» русским капитализмом новых районов.

Этой проблеме посвятил ряд фундаментальных исследований известный общественно-политический деятель, ученый-историк, член-корр. АН Грузии Г.А. Дзидзария (1982).

*Социальная структура населения Абхазии
и её отдельных национальных групп (1864–1917 гг.)*

Безусловные факты оживления торговли и народного хозяйства региона, сопровождающие вхождение всей территории исторического Грузинского государства, а так же Абхазского княжества в Российскую Империю, вызвали изменения в социальной структуре и в жизни. Изменились и социальные структуры этнических групп жителей Абхазии, аборигенов края – абхазов.

Изучение социальной структуры населения Абхазии по данным переписи 1897 г. показало, что общественное разделение труда определялось сельским хозяйством края, из 106 тыс. чел. населения 94 тыс. (88,7%) были заняты в сельском хозяйстве и лишь 6,3% (почти 7 тыс. чел.) относились к торгово-промышленному слою (Лежава, 1978, с. 14-32). Статистические данные дают богатый материал для изучения картины социального расчленения каждой национальной группы. Среди сельскохозяйственного населения абхазы составляли 60,7%, грузины 23,5%, армяне 6,1%, греки 4,4%, русские 2,5%. Таким образом, в сельском хозяйстве, в основном, были заняты абхазы и грузины. Наиболее крупными национальными группами в торгово-

промышленной части населения были грузины 38,3% и русские 19,8%, греки составляли здесь 13,1%, армяне – 8,0%, а абхазы – 3,8%. Процентное соотношение числа лиц, принадлежащих к непроизводственной сфере (25% абхазов, 25,4% грузин и 26,6% русских), свидетельствует о наличии определенно числа представителей имущих слоев среди абхазов, грузин и о большинстве русских в административном аппарате (Лежава, 1978, с. 21).

Перепись населения 1897 г. дает возможность показать как социальную структуру всего населения, так и национальную структуру каждого социального слоя и социальную структуру основных этнических групп в этом многонациональном крае.

Так, в Сухумском округе дворян, помещиков, высокопоставленных лиц насчитывалось 5,5 тыс. чел., что составляло 5,2% всего населения. Если к этой группе прибавить 1,3 тыс. чел. (1,2% от всего населения) зажиточных мелких производителей, применявших наемный труд, то их общая численность составит 6,8 тыс. чел. Что касается крестьян, бедняков и середняков, то они составляли 87,2 тыс. чел., или 82,1% населения; пролетарии, включая батраков – 12,2 тыс. чел., или 11,5% (Первая Всеобщая ..., 1905, с. 244-253, 288-291).

Изучение национальной структуры социально-классовых групп и социальной структуры национальных групп населения Абхазии показало, что среди абхазов дворяне, помещики и высшие чины составляли 5,5%, среди грузин 6,2%, среди русских – 9,7%. А в целом, среди дворян и высших чинов, абхазы составляли 58,2%, грузины – 29%, русские – 9%. Таким образом, дворянское сословие в Абхазии было преимущественно абхазским.

Иная картина в национальном составе пролетариата и полупролетариата (батраков). В составе батраков армяне составляли почти 47%, греки – 20,5%, другие национальности 15,6% (из них грузины составляли 8%, русские 7,4%, абхазы всего 1,6%). Среди абхазского населения пролетариев было 0,3%, грузинского 3,1%, русского 18,2%, армянского 86,7%, греческого 46,7% и прочих 45%.

Однако основные показатели социального состава указывают на то, что абсолютное большинство населения (82,1%) составляют крестьяне, бедняки и середняки. Принципиальное значение имеет национальный состав этого слоя, их удельный вес в самых

многочисленных этнических группах населения. Если говорить о национальном составе крестьян, бедняков и середняков, они выглядят так: из общей численности 87,2 тыс. чел., абхазы - 63%, грузины - 26,4%, русские - 4%, армяне - 0,9%, греки - 3,1%, проч. - 2,6%. А по национальным группам удельный вес крестьян, бедняков и середняков, составлял среди абхазов - 93,7%; среди грузин - 88,8%; русских - 68,2%; армян - 12,2%; греков - 50% и прочих - 48,3%.

Таким образом, материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволяют выявить социальную структуру абхазской народности: среди абхазов группа дворян, помещиков, высших чинов составляла 3 237 чел., т.е. 5,5%, зажиточные мелкие хозяева (бедняки, середняки) - 54974 чел. или 93,7%, полупролетариат (в том числе батраки) - всего 247 чел., или 0,4% (Лежава, 1978, с. 28-30).

Исходя из этих показателей, мы можем судить о социальных корнях национальной психологии абхазов, о характере, быте, интересах и потребностях, безусловном преобладании сельского хозяйства (скотоводство и обработка земли) при специфическом для Абхазии хуторном расселением, и т.д.

Изменение социальной и национальной структуры населения Абхазии (1897-1989 гг.)

Демографическая ситуация в Абхазии стала резко меняться с середины XIX столетия. Дальнейшее осложнение демографической ситуации происходит в XX столетии, с 1897 г. по 1926 г. уменьшается численность абхазского населения, резко падает его удельный вес с 55,3% до 26,4%. Происходит естественная ассимиляция части абхазского населения в Самурзакане. В то же время почти в 2 раза увеличивается общая численность населения республики. При этом численность армян возросла в 5,6 раза, греков - более чем в 5 раз, русских - в 4 раза, и грузин в 2,6 раза. Удельный вес всех этих национальностей вместе поднялся с 44,7% до 73,6%.

Все эти процессы ассимиляции и роста населения характеризуют данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. Они воссоздают полную картину состава населения по народностям, родному языку, по полу и др. не только по республике, но и по уездам, отдельным городам и селам Абхазии.

После установления Советской власти основной задачей партии коммунистов стал подъем экономики и культуры ранее отсталых окраин страны. Такой курс был взят на X и XII съездах РКП (б).

Можно ли сомневаться, что первейшей задачей государства являлась последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное развитие промышленности на окраинах? А этого тогда можно было достигнуть лишь путем действительной и длительной помощи русского рабочего класса отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания. Помощь эта выразилось в принятии ряда практических мер по образованию в республиках промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения. В частности, создаются первые очаги индустрии в Абхазской АССР, используя ее природные богатства и в особенности кварцевельские копи, что требовало привлечения извне рабочей силы, а также квалифицированных инженерно-технических кадров. Хозяйственное и культурное развитие любого региона страны тесным образом связано с его демографическим потенциалом, с наличием и составом трудовых ресурсов, с особенностями их использования и размещения, с процессами естественного и механического движения населения.

Переписи населения 1926, 1939 и 1959 гг. показывают, что рабочий класс в Абхазии начал формироваться именно из числа переселенцев. Происходил постоянный механический прирост (миграция) – рост численности населения Абхазии с 1926 по 1959 гг. Именно поэтому к 1939 г. вследствие миграции, за счет которой увеличивалось общее население, относительная численность абхазов по сравнению с 1926 г. снизилась с 26,4% до 18%.

Политика выравнивания экономического развития ранее отсталых окраин Российской Империи непосредственно коснулась и Грузинской ССР, в том числе ССР Абхазии, что привело к существенному подъему Абхазии.

Социально-экономическое и культурное развитие края плодотворно влияло и на улучшение межнациональных отношений в многонациональной республике.

Для характеристики межнациональных отношений в Абхазии объективным показателем является, наряду с этнодемогра-

фической ситуацией, знание социально-классовой структуры занятого населения в национальном разрезе, национальной региональной структуры отраслей народного хозяйства, со всеми вытекающими отсюда последствиями социального и экономического характера.

Чтобы показать те изменения, которые произошли после распада Российской империи в общественно-политической жизни, в социальной и национальной структурах, следует сопоставить данные Всеобщих переписей населения 1897, 1926 и 1937-1939, 1959, 1970 и 1979 гг.

Прежде всего, нужно сказать о социальных изменениях: произошел переворот социальной иерархии – если до февраля 1917 г. во главе социальной пирамиды стояли крупные помещики, князья, дворяне, буржуазия, чиновники царской администрации и прочие, а на самой нижней ступени – пролетарии, полупролетарии – крестьянская масса, то к 1926 г., наряду с партийно-государственными чиновниками, это уже служащие, вышедшие из рабочих и крестьян, при этом усиливается значение крестьянской массы. В связи с национальными особенностями абхазского населения (традиционные доброжелательные отношения между дворянским сословием и крестьянами), в Абхазии земли из нетрудового пользования были изъяты только к 1930 г., и этой акцией были ликвидированы остатки феодально-помещичьих отношений.

Крестьяне – владельцы земли, не пользовавшиеся наемной рабочей силой, составляли наиболее многочисленный слой, который менял свое место в социальной структуре населения. К нему относилась основная масса крестьян, в том числе занимавшаяся кустарным промыслом, а также проживающие в городах ремесленники и мелкие торговцы. Если этот слой в 1897 г. составлял 82,1% (87175 чел.), то в 1926 г. обозначенные как крестьяне-единоличники, вместе с членами семей, составляли 78,9% от всего населения, или 158584 чел. (Всесоюзная перепись..., 1930, с. 308).

После национализации основных средств производства господствующие позиции в промышленности перешли в руки государства. В сельском хозяйстве государственный сектор имел совершенно незначительную долю. Это положение отразилось на социальном составе населения.

В 1897 г. удельный вес крупных помещиков, князей и высших чинов администрации составлял 5,2%, зажиточные мелкие хозяйства с наемными рабочими – 1,2%, беднейшие мелкие хозяйства (крестьяне) – 82,1%, пролетарии и полупролетарии (в том числе батраки) – 11,5%. А в 1926 г.: служащие – 6,1%, рабочие – 5,1% (т.е. рабочие и служащие – 11,2%), крестьяне-единоличники и некооперированные кустари – 78,9%, хозяйства с наемными рабочими – 6,7%, учтены лица свободной профессии – 0,2%.

После установления Советской власти в Абхазии происходили существенные изменения в национальном составе социальной структуры. Среди рабочих и служащих абхазы (с членами семей) составляли 5,7%, тогда как их удельный вес среди всего занятого населения составлял 27,8%. Низким был удельный вес грузин в составе рабочих и служащих – 21,8%, при 33,6% среди всего занятого населения. Русские, армяне, греки, украинцы и другие национальности составляли 72,5% среди рабочих и служащих, при 38,6% среди общего числа занятых.

Иная картина с национальным составом крестьянства. Так, среди крестьян-единоличников удельный вес абхазов был равен 34,8%, грузин – 38,5%, а русских, армян, греков и др. – 26,8%.

Это соотношение национальных групп в социальных общностях находило свое отражение в классовой структуре каждой национальной группы и, прежде всего, в социальном организме абхазского народа. Если среди всего населения удельный вес рабочих и служащих составлял в 1926 г. 11,2%, то в абхазском населении их было 2,3%, грузинском – 7,2%, в других национальных группах – 20,9%. Высоким был удельный вес крестьянства во всем населении республики – 78,9%, а если учесть и зажиточных хозяйств, имевших наемных рабочих (6,7%), то их доля достигала 85,6%. Однако самым высоким этот показатель являлся среди абхазов – 96%, у грузин – 89,8%, а среди остальных национальностей – 63% (Лежава, 1989, с. 35-37).

Эта характеристика социальной и национальной структуры населения Абхазии имеет большое значение для выводов при анализе социальных и национальных проблем, возникших в 1930-е – 1940-е гг. Если данную характеристику взять как исходную и с этими данными сравнить показатели последующих переписей (1937-1939 и 1959 гг.), то наглядно можно увидеть коренные изменения, которые произошли в переходный период от капита-

листического способа хозяйства к социалистическому, на примере населения Абхазии.

По сравнению с 1926 г., удельный вес рабочего класса к 1939 г. вырос почти в 4 раза и составил 23,3%. Рабочих и служащих среди занятого населения было уже 39,7%. Колхозное крестьянство и кооперированные кустари составили 50,4% (80 тыс. чел.). Сохранились и крестьяне-единоличники – 9,9%. Среди общей численности населения количество рабочих и служащих увеличилось с 13 тыс. до 63 тыс., а их удельный вес с 11,2 до 39,7%. В это же время снижается удельный вес и численность крестьянства с 81% до 60,3%.

В 1939 г. социальная структура занятого населения выглядит так: рабочие и служащие – 40% (62 тыс. чел.), в том числе рабочие – 23% (37 тыс. чел.), интеллигенция – 10,7% (17 тыс. чел.), служащие-неспециалисты – 5,7%, колхозное крестьянство и кооперированные кустари – 50,4% (80 тыс. чел.), крестьяне-единоличники – 10% (10 тыс. чел.). Население Абхазской АССР по удельному весу основных общественных групп уже к 1939 г. выходит на уровень ряда союзных республик, что свидетельствует о тенденции выравнивания социально-классовой структуры населения.

Наряду с формированием рабочей и крестьянской социальных общностей, рост культуры и науки в Абхазской АССР вызвал формирование республиканского отряда многонациональной интеллигенции (это ученые, инженеры, писатели, преподаватели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих партийно-государственного аппарата). В 1926 г. общая численность интеллигенции не превышало 2 тыс. чел. (1,5% среди занятого населения), в 1937-1939 гг. их число достигает примерно 17 тыс. чел., а удельный вес – 10,7%.

Интеллигенция социально дифференцируется в зависимости от конкретной специфики, функций умственного труда, которые в условиях научно-технической революции умножаются. Интеллигенция осуществляет разнообразные функции, определяемые ее профессиональной подготовкой: административно-управленческая интеллигенция, которая состоит из трех групп: руководителей органов государственного управления, партийных, комсомольских и других общественных организаций, предприятий и их подразделений (они обеспечивают общее управление); производст-

венная группа непосредственно связана с народным хозяйством и экономической службой; научная и художественно-творческая – с наукой и искусством; массовая – с разными видами обслуживания населения, в том числе, школьным обучением, профессиональной подготовкой, медицинским обслуживанием.

Учитывая значение кадровой политики в межнациональных отношениях, повышенный интерес вызывает соотношение национальностей в управленческом аппарате в 1937-1939 гг. Из общего числа 4269 чел. (100%) абхазцы составляли 18,7% (799 чел.), при удельном весе среди всего населения 18%; грузины – 34,6% (1478 чел.) при соответственно 29,5%; русские – 20,4% (873 чел.) при доле в населении 19,3%; армяне – соответственно 12,1% (518 чел.) и 15,9%; другие – 14,1% (601 чел.) и 17,3%.

Интересным является национальный состав производственной интеллигенции: из 3250 чел. (100%), абхазов было 5,8% (189 чел.), грузин – 9,8% (909 чел.), русских – 44% (1.431 чел.), армян – 5% (161 чел.) и других – 17,2% (560 чел.).

В рассматриваемый период претерпела значительные изменения национальная структура интеллигенции республики: абхазы составили 10%, грузины – 29,4%, русские – 32,3%, армяне – 8,2%, другие национальности – 20% (Лежава, 1989, с. 35-37).

Тенденции изменения этнодемографической ситуации в Абхазии с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. и сложившееся соотношение этнического состава в 1937-1939 гг. имеет принципиальное значение для объяснения правомерности ряда последующих государственных акций в области межнациональных отношений в Абхазии.

Анализ статистических данных показывает, что масштабы, интенсивность и социально-этническая структура миграционных потоков на территории Абхазии с конца XIX в. по 40-е годы XX в. претерпели значительные изменения.

Характеризуя миграционные процессы на территории Абхазии в период 1897-1939 гг., мы исходим из оценки махаджирства (т.е. массовой эмиграции абхазов в Турцию и в другие страны Ближнего Востока), которую дал Г.А. Дзидзария (1982). Нельзя не согласиться с выводом Г.А. Дзидзария, что махаджирство оказалось тем исходным фактором, который предопределил дальнейшие исторические события в Абхазии, в частности, бурные миграционные процессы на этой территории в последующий

период. Ниже мы приводим статистические данные, показывающие тенденции изменения этнического состава населения Абхазии с 1897 по 1939 гг.

Налицо резкое снижение удельного веса и уменьшение абсолютной численности абхазского населения. Численность грузинского населения в указанный период растет, хотя его удельный вес с 1926 по 1939 гг. снижается. То же самое происходит с армянским и греческим населением. Это обусловлено тем, что только с 1926 по 1939 гг. численность русского населения в Абхазии увеличилась в три раза, а их удельный вес – с 9,6% до 19,3%.

Изменение этнической структуры населения Абхазии (1897-1939 гг.)

Если первые 20 лет (1897-1917 гг.) изменения этнодемографической ситуации объясняются как результат национально-колониальной политики (государственной переселенческой политики, и т.д.), проводимой царской администрацией, то в последующее 20 лет (1917 – 1939 гг.) бурные миграционные процессы, в основном, были связаны с необходимостью выполнения курса, намеченного X Съездом ВКП(б) по выравниванию социально-экономического развития отсталых окраин бывшей Российской империи. Выполнение народно-хозяйственных планов, создание промышленных очагов и национальных кадров рабочего класса, создание крупного курортного хозяйства на побережье Черного моря и развитие уникальных субтропических культур потребовало привлечение дополнительных трудовых ресурсов: рабочих, строителей и инженерно-технических работников для угольной промышленности, медицинских работников для курортного строительства и, особенно, сельскохозяйственных работников для развития субтропического хозяйства. Однако остается фактом и то, что тенденции миграционных процессов в советский период объективно продолжали тенденцию, которая началась здесь со второй половины XIX столетия.

В результате изменения на территории Абхазской АССР этнодемографической ситуации к 1937-1939 гг. складывается многонациональное республиканское образование, языком межнационального общения здесь утверждается русский язык. Сложилась четко выраженная языковая ориентация абхазского населения, особенно проявившаяся в сфере образования: обучение абхаз-

ких детей в средних и начальных школах до 4 класса велось на родном абхазском языке, а с 5 класса – на русском. Именно этот вопрос стал причиной осложнений, исключительно конфликтно-генным фактором в абхазо-грузинских отношениях, вплоть до последних известных событий наших дней.

Таблица 1

**Динамика численности и удельного веса
основных этнических групп в Абхазии**

	Численность (тыс. чел.)			Показатели роста (тыс. чел.)	Удельный вес (%)			Темпы роста (раз)
	1897 г.	1926 г.	1939 г.		1897 г.	1926 г.	1939 г.	
Всего	106,2	212,0	311,9	205,7	100%	100%	100%	
Абхазы	58,7	55,9	56,2	-2,5	55,3%	26,4%	18,0%	0,37
Грузины	25,9	68,0	91,9	66,0	24,4%	32,0%	29,5%	1,2
Русские	5,1	20,4	60,2	55,1	4,8%	9,6%	19,3%	4,0
Армяне	6,5	34,7	49,7	43,2	6,1%	15,4%	15,9%	2,6
Греки	5,3	27,0	34,6	29,3	5,0%	2,7%	11,1%	2,2
Прочие	4,7	6,0	19,2	14,5	4,4%	2,9%	6,2%	1,4

Более наглядно изменения национального состава городского населения Абхазии можно видеть в приводимой ниже таблице 2.

Таблица 2

**Изменение этнической структуры городского населения Абхазии
в 1926-1939 гг.¹**

Состав	Численность (тыс. чел.)		Удельный вес (%)	
	1926 г.	1939 г.	1926 г.	1939 г.
Всего	32,2	88,1	100	100,0
Абхазы	2,1	7,6	6,4	8,6
Грузины	8,4	19,8	26,4	22,5
Русские	5,7	36,2	17,8	41,1
Армяне	2,7	5,7	6,4	8,3
Греки	3,0	7,7	8,7	2,7
Прочие	10,3	11,2	12,7	10,1

1 Составлено по данным: Лежава, 1989, с. 96.

Следовательно, проблема обучения у относительно малочисленных народов, которые не претендовали на продолжение учебы детей в школах на родном языке после начальных классов, потребовала тщательного изучения грубейших ошибок в языковой политике 40-х годов XX века в Абхазии, ставших одной из основных причин абхазо-грузинского конфликта.

Литература

- Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1869, т. III, IV
Антадзе К.Д. Население Грузии в XIX веке. Тб., 1973.
Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976
Всероссийская перепись населения 1926 г. Т. XXI. М., 1930
Гугушвили П.В. Социологические этюды. Т. II. Тб., 1971.
Джаошвили В.Ш. Население Грузии в XVIII –XX столетия. Тб., 1984 (на груз. языке).
Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
Лежава Г.П. Из истории рабочего класса Абхазии. 1921-1941 гг. Тб., 1978.
Лежава Г.П. Изменения классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX - 70-е годы XX в.). Сухуми, 1989.
Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX –XX вв.). М., 1997.
Наличное население Империи за 1858 г. Санкт-Петербург, 1863.
Очерки истории Абхазской АССР. Ч. I. Сухуми, 1960.
Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905.
Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
Тодадзе А. Население Абхазии и осетины в Грузии. Тб., 1994.
Фадеев А.Ф. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1960.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Одним из важнейших факторов успешной адаптации населения к радикальным преобразованиям во всех без исключения сферах жизни российского общества являются сложившиеся на сегодняшний день социальные условия жизни на местах, а также уровень и темпы экономического развития этих регионов. Вместе с тем, как мы знаем, степень и масштабы адаптационных процессов, так или иначе, взаимосвязаны и взаимообусловлены с демографическими показателями. В этой связи становится актуальным изучение этнодемографических и социально-экономических характеристик конкретного региона, где непосредственно происходит приспособление его жителей к новым условиям существования.

Данная работа основана на материалах официальной статистики, а также результатах полевой работы 2006-2008 гг., собранных и систематизированных автором в процессе реализации исследовательского проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни (Республика Алтай, Республика Тува, Республика Хакасия)»¹. Целью исследования было изучение степени адаптации и особенностей адаптационного поведения основных этнических групп названных республик в новых социально-экономических условиях. В числе важных задач проекта явилось исследование и анализ сложившейся в названных регионах этнодемографической и социально-экономической ситуаций.

Итак, в характеристике современных этнодемографических процессов населения Горного Алтая, Тувы и Хакасии, безусловно, много общего, хотя в каждой из них имеются свои особенности и специфика.

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Тува проживало 305510 чел., в Республике Алтай – 202900

¹ Проект «Проблема адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» выполнялся в 2006-2008 гг. в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

чел. (Статистический ежегодник, 2006, с. 67). По данным статистики, численность населения Республики Хакасия почти вдвое превышает численность населения Тувы и практически втрое – население Алтая. Так, на начало 2003 г. в Хакасии числилось 572400 чел (Население Республики Хакасия, 2003). Численность жителей в Туве за период двух последних переписей населения (1989 г. и 2002 г.), в отличие от Алтая и Хакасии, где отмечался не столь значительный, но все же рост, сократилась на 3 тыс. чел.. При этом в сельской местности население уменьшилось на 16 тыс. чел., в городах, наоборот, увеличилось на 13 тыс. чел.

Основное население Республики Алтай и Республики Тува традиционно является сельским. Например, на Алтае по данным последних пяти переписей населения (1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг.), удельный вес сельских жителей составлял стабильное большинство, а численность горожан в эти годы колебалась на уровне 19-27%. В настоящее время в Республике Алтай численность сельчан достигает 73,6%, горожан – 26,4% (Статистический ежегодник..., 2006, с. 67). Таким образом, можно констатировать, что характерной особенностью данного региона является высокая концентрация населения, проживающего в сельской местности. Добавим также, что из всех регионов Сибирского федерального округа наименее урбанизирована именно Республика Алтай. Что касается Тувы, то по итогам последней переписи населения (2002 г.) впервые за всю историю Тувы доля горожан превысила половину всей численности населения и достигла 51,5%, что на 4,7% больше, чем в 1989 г. (Основные итоги..., 2004, с. 3).

Иная ситуация в Хакасии: из всего числа живущих в этой республике доля горожан достигает почти двух третей (62,1%), удельный вес сельских жителей - чуть более трети населения (37,9%) (Население Республики Хакасия, 2003). Как видим, по сравнению с другими сибирскими этносами (не только с алтайцами и тувинцами), у хакасов удельный вес городских жителей заметно выше, что объясняется более интенсивным развитием урбанистических тенденций на данной территории (Кышпанов, 1998, с.53).

Эти республики заметно отличаются друг от друга по своему этническому составу, прежде всего, по представительству и соотношению титульной национальности. На Алтае удельный вес титульной национальности не достигает и трети (30%), в Туве

этот показатель составляет более двух третей населения (77%), в Хакасии численность хакасов едва достигает 12%. Большинство населения Хакасии представлено русскими (около 80%). Здесь живут также украинцы, немцы и немногочисленные группы азербайджанцев, белорусов, татар, тувинцев, чеченцев и др. (всего около 8%). На долю русских в Республике Алтай приходится более половины всей численности населения (57%), и около 13% составляют казахи, теленгиты, тубалары, украинцы, немцы и др. (Статистический ежегодник..., 2006, с. 73). В Туве процент русских, второй по численности этнической группы республики, составляет лишь пятую часть всей численности населения (20%), доля других национальностей – бурятов, белорусов, украинцев, немцев, хакасов и др. – едва достигает 3% (Основные итоги..., 2004, с. 1,2). Важно отметить, что во всех трех республиках представители титульной национальности в подавляющем большинстве (примерно две трети в каждой группе) являются сельскими жителями.

Для титульной национальности этих республик, в большей степени для алтайцев и тувинцев, характерен высокий уровень рождаемости, низкий общий коэффициент смертности, высокий удельный вес детей и подростков в общей численности населения. Например, по уровню рождаемости в Сибирском федеральном округе Республика Тува занимает первое место, Республика Алтай – второе. На протяжении длительного времени в этих регионах наблюдается положительная динамика рождаемости. Например, если на Алтае в 2003 г. на 1000 чел. населения приходилось 16,7 родившихся, то к началу 2005 г. – уже 17,3. По этой причине в числе сибирских регионов наиболее высока доля детского населения в Туве и на Алтае. На 1 января 2007 г. численность людей моложе трудоспособного возраста составила в Туве почти треть населения (30%), на Алтае – 24% (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 96). В частности, в Туве на 1000 чел. населения приходится 319 детей.

Что касается Хакасии, то здесь во все предыдущие годы отмечалось стабильное снижение рождаемости и лишь в последние несколько лет наметилась тенденция, хотя и незначительного, но все же роста. Среди хакасских женщин, прежде всего, жителей села, рождаемость значительно выше, чем у местных русских. За период между двумя последними переписями населения (1989 г.

и 2002 г.) численность хакасов в республике немного возросла, главным образом за счет ее естественного прироста (Основные итоги..., 2004, с. 2).

Одной из главных проблем демографического развития сибирских регионов является рост показателя смертности. Например, только за период с 2000 г. по 2004 гг. уровень смертности в Сибирском федеральном округе увеличился на 9%. В качестве сравнения отметим, что коэффициент смертности в 2004 г. в Туве на 1000 чел. населения составил 13,3, в Горном Алтае – 14,8, в Хакасии – 16,2. В сельской местности количество смертей заметно выше, чем в городах (на 16%). По мнению специалистов, к числу основных причин роста смертности, регистрируемого в постперестроечные годы, следует отнести нищенское положение наименее социально защищенных слоев населения, недостаточную эффективность проводимой работы по реформированию системы здравоохранения, введение платных медицинских услуг, ставших недоступными для значительной части населения, резкое ослабление системы санитарно-эпидемиологического контроля, фактическую ликвидацию государственной монополии на производство и продажу алкоголя, а отсюда – массовая алкоголизация населения, рост преступности, развал системы охраны и контроля за условиями труда и многое другое (Актуальная статистика Сибири, 2006, с. 88).

Понятно, что на показатели воспроизводства населения существенное влияние оказывают браки и разводы. Уменьшение количества заключаемых браков, которое фиксируется в последние годы в разных сибирских регионах, исследователи склонны объяснять снижением брачной активности в самых молодых возрастах. В настоящее время наиболее высокий показатель вступления молодежи в брачные отношения, наряду с Томской областью и Агинским Бурятским автономным округом (7,8 на 1000 чел. населения), наблюдается в Республике Алтай (8,4). Меньше всего браков заключается в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе (4,6), Иркутской области (6), а также в Республике Тува (5,2). С другой стороны, в регионах Сибири отмечается тенденция уменьшения количества разводов, что, в свою очередь, в перспективе может вызвать рост рождаемости (Актуальная статистика Сибири, 2005, с. 85). Говоря о репродуктивности населения, важно сказать еще об одном, ставшем достаточ-

но распространенным среди молодежи, явлении – «гражданском браке», который давно культивируется в западных странах. И, как показывает практика, живущие совместно в подобном браке, а это, как правило, молодые супруги, по многим объективным и субъективным факторам не спешат обзаводиться детьми и откладывают этот вопрос на обозримую перспективу. Будем надеяться, что на изменение сложившейся ситуации повлияет не так давно принятое положение о материальном вознаграждении за рождение второго ребенка, так называемый «материнский капитал». Кстати говоря, уже сейчас видны его позитивные результаты: буквально за один год (2007 г.) был зафиксирован заметный рост рождаемости практически во всех российских регионах.

Эти регионы характеризуются в целом преобладанием молодых возрастных групп населения. В этом плане наиболее близки показатели среднего возраста населения Алтая и Хакасии. В Хакасии эта цифра равна 36,3 годам, на Алтае – 33,1 годам. Заметно моложе средний возраст жителей Тувы – 28,7 лет. При этом здесь самая низкая среди субъектов Сибирского федерального округа продолжительность жизни. Данный показатель в Туве составляет 56,5 лет, в том числе среди женщин – 62,4 года, среди мужчин – 51,1 год. Для сравнения отметим, что, например, в Республике Хакасия общая продолжительность жизни заметно выше и достигает 62,4 года, женщин – 69,1 год, мужчин – 56,4 года. По сравнению с Хакасией, этот показатель немного меньше в Республике Алтай – соответственно 61,1, 68,7 и 54,7 лет. В Сибирском федеральном округе в целом общая продолжительность жизни достигает 63,3 года, в том числе женщин – 70,5 лет, мужчин – 56,9 лет, в Российской Федерации соответственно 65,3, 72,3 и 58,9 лет (Статистический ежегодник..., 2006, с. 81).

Надо отметить, что, если по уровню образования у жителей Горного Алтая и Хакасии, включая титульную национальность и местных русских, не наблюдается существенных различий с другими регионами Сибири, то в Туве этот показатель заметно ниже. Так, число специалистов (с высшим, неполным высшим, средним профессиональным образованием) в расчете на 1000 чел. среди всего населения Сибирского федерального округа в возрасте 15 лет и старше составило 442 человека, в Республике Тува соответственно 394 человека (Актуальная статистика Сибири, 2006, с. 71). Вместе с тем, из всего числа работающих доля

людей имеющих высшее образование в Республике Алтай составляет примерно пятую часть (19,7%), в Республике Тува – почти четверть (23,4%) и менее всего в Республике Хакасия – 17,5% (Регионы России..., 2007, с.125).

Существенные различия среди названных республик наблюдаются и в структуре их экономики. Если Республика Хакасия относится к промышленно развитым регионам Российской Федерации, то основной отраслью производства в Туве и в Республике Алтай является ее аграрный сектор. Например, в Хакасии к началу 1990-х годов был создан крупный и относительно эффективный хозяйственный комплекс. Наибольшее развитие здесь получила промышленность, на ее долю приходилось более 80% валовой продукции Хакасии. В данном случае нельзя не отметить, что, по мнению многих экспертов, в период кардинальных социально-экономических и политических преобразований в наиболее выгодном положении оказались республики, чьи предприятия имели ярко выраженную экспортную направленность при высокой конкурентной способности продукции на внешнем рынке. К таким республикам, наряду с Башкортостаном, Коми, Татарстаном, Саха (Якутией), относилась и Хакасия, на территории которой расположен ряд предприятий добывающих отраслей (Остапенко, 2002, с. 52). Важное место в промышленном производстве занимает гидроэнергетика, цветная металлургия, легкая и пищевая промышленность, машиностроение и топливная (угольная) промышленность. Межрайонное значение имеет также черная металлургия, лесная и деревообрабатывающая промышленность. Предметы особой гордости населения республики – гигант гидроэнергетики Саяно-Шушенская ГЭС и одно из крупнейших предприятий цветной металлургии России Саянский металлургический завод.

На протяжении последнего времени динамика большинства основных показателей экономического развития Хакасии имела положительный тренд. Достаточно сказать, что только за период с 2000 г. по 2005 г. показатель валового регионального продукта региона увеличился в 2,5 раза (с 17418 млн. руб. в 2000 г. до 41662 млн. руб. к концу 2005 г.) (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 332). В структуре валового регионального продукта наблюдается увеличение удельного веса отраслей, оказывающих услуги. По объему промышленной продукции и

расчете на одного жителя Хакасия стабильно удерживает пятое-шестое место из шестнадцати регионов Сибирского федерального округа. Наиболее высокие темпы роста объемов промышленной продукции отмечены в топливной промышленности (138,7%), микробиологической (126,4%), полиграфической (125,8%), черной металлургии (125,8%, электроэнергетике (113,3%), машиностроении (110%), пищевой (109,3%), цветной металлургии (108,1%). Следует особо отметить, что цветная металлургия является единственной отраслью, не допустившей за последние десять лет (начиная с 1997 г.) спада производства (Отчет об итогах..., 2003).

В сельском хозяйстве основной отраслью республики является животноводство, на его долю приходится около 70% валовой продукции аграрного сектора. В этой отрасли на протяжении длительного времени, начиная с 1990 г., наблюдается систематический спад производства практически по всем его показателям. Так, на протяжении 1990 - 2005 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось более чем вдвое (с 257,8 тыс. голов в 1990 г. до 118,8 тыс. голов в начале 2006 г.), поголовье овец и коз за этот же период – примерно в двадцать раз (Регионы России, 2007, с. 581, 585). В общем объеме продукции сельского хозяйства на долю крупных и средних сельскохозяйственных предприятий приходится примерно треть (34,8%), хозяйств населения – две трети (61,4%), крестьянских (фермерских) хозяйств – 3,8%. Основными производителями зерна в республике считаются крупные и средние сельхозпредприятия, на которые приходится более 90% всего урожая (см. подр.: Шульбаев, 2004, с.123-124).

Хакасию отличает от соседних сибирских регионов развитая структура транспорта – железнодорожного, автомобильного, воздушного и водного. Рост объемов выпускаемой в республике продукции оказал позитивное влияние на деятельность всех транспортных организаций. Как показывает статистика, в течение последнего времени в республике из года в год отмечалось увеличение перевозки грузов всеми видами транспорта. В данном случае исключение составляет лишь 2005 г., когда общий объем перевозок был заметно ниже, чем в предыдущем году (соответственно 13788,6 тыс. тонн и 15021,6 тыс. тонн). Среди всех видов пассажирского транспорта доминирующее положение занима-

ет автомобильный транспорт (Актуальная статистика Сибири, 2006, с. 23).

Из всего числа имеющих в республике предприятий и организаций на долю государственных приходится 6-7%, подавляющее большинство предприятий относится к частным (почти 70%). По удельному весу последних из всех сибирских республик Хакасия уступает только Республике Алтай, где этот показатель достигает 82% (Регионы России, 2007, с. 393). Малое предпринимательство в республике становится сегодня неотъемлемым участником рыночных отношений, основой формирования среднего класса, социальной базой стабилизации общества. К числу несомненных плюсов следует отнести тот факт, что, в отличие от других регионов, где в составе малых предприятий преобладают предприятия торговли, почти половина малых предприятий Хакасии приходится на отрасли промышленности, транспорта, строительства и только треть из них на торговлю и общественное питание. В малом бизнесе, численность предприятий которого на начало 2006 г. достигало 2,4 тыс. (с учетом индивидуального предпринимательства) было занято около 20% экономически активного населения республики (Российский статистический ежегодник, 2007, с.358).

Стоит особо сказать о решении в этом регионе проблемы жилищного строительства. Жилищная программа – один из приоритетов социальной политики хакасского правительства. По вводу в действие жилых домов (на 1000 чел. населения) Республика Хакасия заметно опережает многие сибирские регионы. По этому показателю она занимает 36 место в Российской Федерации, что не так плохо. Например, Республика Алтай занимает в этом списке 56 место, Республика Тува – 67 место. Приведем еще один пример: объем построенных и сданных здесь жилых домов в 2006 г. по сравнению с предыдущим 2005 г. ощутимо возрос: с 121,2 тыс. кв. метров до 138 тыс. кв. метров (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 508). Вместе с тем, несмотря на отмечаемую актуализацию жилищного строительства, жилищный вопрос в республике относится к числу острых социальных проблем. Среди нуждающихся в жилье или улучшении жилищных условий довольно высока а) доля наименее обеспеченной части населения, б) молодых семей, в) представителей титульной наци-

ональности, недавних выходцев из села, в настоящее время проживающих в городах.

Республика Хакасия на сегодняшний день на 18-20% все еще остается реципиентом федерального бюджета. Выйти из этого статуса, когда Хакасия перестанет быть дотационной территорией – задача, поставленная перед всеми республиканскими и муниципальными органами власти. Правительство прилагает максимум усилий для достижения этой цели и считает, что все предпосылки к этому имеются.

В Туве же основной отраслью республики является сельское хозяйство. Наблюдаемые в конце 90-х годов трудности становления разных отраслей сельского хозяйства, конечно, не могли не сказаться на объемах выпускаемой ими продукции. В этот период снижение произошло практически по всем учитываемым статистикой показателям. Несколько улучшилась ситуация лишь в последние несколько лет. Животноводство в Туве дает сегодня 66,8% валовой продукции сельского хозяйства. В настоящее время наметилась тенденция увеличения производства таких важнейших продуктов животноводства как мясо, молоко, яйца (Социально-экономическое положение..., 2007, с. 8). Вместе с тем, из года в год отмечается хотя и медленное, но неуклонное сокращение всех видов скота. Так, например, если в 2000 г. поголовье крупного рогатого скота республики насчитывало 97,2 тыс. голов, овец и коз – 676,3 тыс. голов, то по истечении пяти лет, на начало 2006 г., эти показатели заметно снизились – 93,9 тыс. голов и 653 тыс. голов. Для наглядности отметим, что в 1990 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий достигало 205 тыс. голов, поголовье овец и коз – 1226,8 тыс. голов (Регионы России, 2007, с. 581, 585). Непростая ситуация в Туве сложилась и с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами: к примеру, если в 1995 г. их численность в Туве была практически вдвое больше, чем на Алтае и в Хакасии (2566, 1199 и 1266 соответственно), то к началу 2006 г. в Туве их осталось всего 252, т.е. сократилось в десять раз, тогда как за это же время в двух других республиках, наоборот, наблюдался, хотя не столь значительный, но все же рост (1211 и 1421 соответственно) (Российский статистический ежегодник. 2007, с. 362).

Основным интегральным показателем экономического развития любого региона является его валовый региональный продукт

(ВРП). Как было сказано в «Отчете о работе правительства Республики Тува в 2006 г.», «по большинству позиций достигнуты предусмотренные Прогнозом социально-экономического развития основные макроэкономические показатели. По предварительной оценке, объем ВРП увеличился в сопоставимых ценах на 10%. Объем отгруженной промышленной продукции, по сравнению с прошлым 2005 г., вырос в действующих ценах на 17,3%, а индекс промышленного производства составил 102,4%. Объем инвестиций в основной капитал возрос на 36,6%. Прибыль, полученная крупными и средними предприятиями, увеличилась почти в 1,5 раза» (Отчет о работе правительства..., 2006).

В структуре промышленного производства Республики Тува значительная доля приходится на электроэнергетику, цветную металлургию, пищевую и топливную промышленность. В частности, наибольший удельный вес от общего объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг всеми производителями промышленной продукции, занимают энергетические производства – 41,1%. На добычу полезных ископаемых приходится 28,7%, на обрабатывающие производства – 30,2% (Социально-экономическое положение..., 2007, с. 8).

Следует особо сказать, что республика и по сей день не производит конкурентоспособную продукцию, которую могла бы поставлять на внешний рынок. С другой стороны, отсутствие железнодорожного сообщения делает нерентабельной любую продукцию. Крупные производственные мощности, весьма устойчиво и продуктивно работавшие до конца 1980-х гг. – два относительно крупных горнообогатительных комбината, машиностроительный и авторемонтный заводы, домостроительный комбинат «Стройдеталь» и в целом строительный комплекс (включая строительно-монтажные, транспортные и другие предприятия, обеспечивающие строительный цикл), на сегодняшний день не только не вернулись на исходные позиции, но, похоже, уже не имеют надежд на это. Затраты, которые необходимы для их восстановления, непосильны для новых собственников. В условиях ожесточенной конкуренции с аналогичными предприятиями, например, Хакасии, Красноярского края товаропроизводители пока, к сожалению, не в состоянии предложить потенциальным потребителям более привлекательную по цене и по качеству продукцию.

Характерным примером в этой связи может стать сфера, казалась бы, традиционно устойчивая для республики – мясное производство. По замыслу руководителей советского времени, два весьма крупных мясокомбината, расположенные в столице и в западной части республики, должны были обеспечить прием и переработку практически неограниченного количества скота. В советский период так оно и было, да и «чужих» на свою территорию не пускали не менее строгими мерами. С приходом рынка и новых производственных отношений барьеры рухнули, и республика оказалась открытой для деловых и предприимчивых соседей. И по сей день у местного населения, как живой скот, так и мясо скупаются и увозятся на переработку и последующую его реализацию в другие регионы. Между тем, по данным статистики, если в 2006 г. в крупных и средних сельскохозяйственных организациях Тувы производство скота и птицы на убой составило 11,4 млн. тонн, то в среднем за год за 1996-2000 г.г. этот показатель достигал 15,7 млн. тонн (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 468).

Для экономики Тувы стали типичными небольшие полукустарные предприятия, производящие либо продовольственные товары (кондитерские изделия, напитки), либо товары текущего спроса, в том числе и для нужд промышленности, строительства, транспорта и других отраслей. Основной сферой предпринимательских интересов прочно стала торговля – как розничная, так и оптовая.

Несмотря на то, что в Республике Тува имеются значительные резервы по вовлечению в хозяйственный оборот трудовых и природных ресурсов, экономическое положение Тувы все еще отличается низким уровнем производительности труда, значительным, по сравнению с другими регионами, превышением потребленного дохода над произведенным. Туве, видимо, еще предстоит трудный и затяжной поиск своего места в восстановлении даже былых объемов промышленного производства во всех отраслях хозяйствования.

Республика Алтай вкупе с Ингушетией, Калмыкией, Тувой и Чечней относится, по общему признанию специалистов, к числу регионов-аутсайдеров, где население имеет наиболее низкие доходы, высокий уровень безработицы и неразвитую социальную инфраструктуру (Чижова, 2005, с.11). Экономика Горного Алтая

характеризуется преобладанием средних и малых предприятий, занятых в различных отраслях материального производства. К примеру, к началу 2006 г. число одних только малых предприятий в республике доходило до 1 тыс. (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 358.). Ключевую роль здесь играет ограниченность рынка сбыта, который ориентирован, в первую очередь, на потребление внутри региона. Это связано с большим количеством туристов, посещающих республики преимущественно в летние месяцы. По данным республиканского Комитета по туризму, за год этот регион посещает 600-700 тыс. отдыхающих. Конечно, при общей численности населения немногим более 200 тыс. человек, такой поток потенциальных потребителей становится определяющим для формирования структуры производственных отраслей.

Начиная с 2000 г. и до начала 2006 г., объем ВРП республики возрос с 2738 до 9695 млн. руб. (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 332). В структуре производимого валового регионального продукта сохраняется тенденция преобладания производства услуг над производством товаров. Снижение роли промышленности и сельского хозяйства в обеспечении увеличения ВРП определяется неустойчивостью темпов их развития. Данное обстоятельство обусловлено частично падением индекса хозяйственной активности, которое оказалось наиболее глубоким в этих отраслях экономики, а также низким уровнем адаптации хозяйствующих субъектов к условиям рыночной экономики, и неэффективным проведением структурных реформ в хозяйственном комплексе республики (см. подробнее: Суразакова, Екеева, 2007, с. 61-62). По производству промышленной продукции на душу населения среди регионов Сибирского федерального округа республика находится на 12 месте, по Российской Федерации занимает 79 место. Доля промышленности в объеме ВРП региона составляет всего 5%, в сумме налоговых отчислений – около 12%. Подавляющее большинство промышленных объектов характеризуются устаревшим технологическим оборудованием и низкой конкурентоспособностью выпускаемой продукции.

Сельское хозяйство Республики Алтай, уступая по валовым показателям соседним регионам, мало чем отличается от них по интенсивности и общим характеристикам. Здесь присутствует тот же набор традиционных для юга Сибири видов животноводства,

включая, например, мараловодство и коневодство. Так, например, в настоящее время в республике насчитывается около 140 хозяйств, занимающихся разведением оленей и маралов. Здесь, начиная с 2000 г., в отличии, например, от Тувы, наблюдается тенденция увеличения поголовья как крупного рогатого скота, так и поголовье овец и коз. В частности, их численность за период с 2000 г. до начала 2006 г. в первом случае возросла со 118,1 до 131,4 тыс. голов, во втором – с 393,6 до 445,4 тыс. голов (Регионы России, 2007, с. 581, 585.). На отрасль животноводства приходится 77% совокупной товарной продукции и 98% получаемого отраслевого дохода.² Если производство скота и птицы в среднем за год в течение 1996-2000 гг. составило 13 млн. тонн, то в 2003 г. этот показатель возрос до 14,7 млн. тонн, в 2006 г. – до 17,8 млн. тонн (Российский статистический ежегодник..., 2007, с. 468). В республике основным предприятием, которое обеспечивает 85% закупки и переработки мяса, является ОАО «Алтайская продовольственная компания». Кроме того, в районных центрах имеются малые забойные и колбасные цеха. Следует также добавить, что более крупные объемы производства выделяют Республику Алтай в таких сферах, как добыча и переработка пантов (рогов марала), производство меда, сбора лекарственных растений.

Вялотекущими темпами в республике развивается жилищное строительство, хотя потребность в жилье со стороны местного населения по-прежнему велика. В качестве сравнения заметим, что, если в 1990 г. было введено в действие 91 тыс. кв.м. жилых домов, то в 2000 г. площадь таковых сократилась почти вчетверо (25 тыс. кв.м.), а в 2005 г. и 2006 г. немного увеличилась и составила соответственно 30,2 и 47 тыс.кв.м. (Российский статистический ежегодник..., 2007, с 508). В этой связи важно сказать, что в последние годы в общем объеме жилищного строительства растет доля жилья, построенного самим населением. Как показал опыт, в этом плане наиболее перспективной является реализация республиканским агентством программы ипотечного жилищного кредитования.

Другие отрасли экономики республики – строительство, добыча полезных ископаемых, транспорт и другие – существенных отличий не имеют. Заметим, что Республика Алтай, как и Тува, не имеет железнодорожного сообщения. Но в отличие от

2 Данные получены в Министерстве сельского хозяйства Республики Алтай.

своего соседа, конкретные планы на прокладку стальной магистрали пока не разрабатывает. Вместе с тем, не так давно (в июне 2008 г.), выступая на первом канале центрального телевидения, председатель российского правительства В.В.Путин в том числе отметил, что среди основных задач правительства стоит вопрос о строительстве в ближайшие годы железной дороги в труднодоступные районы, включая Туву и Горный Алтай.

Системной проблемой, серьезно осложняющей развитие экономики Республики Алтай, является дефицит электроэнергии, отсутствие собственных генерирующих мощностей и, в силу этого, высокие тарифы на поставляемое электричество. Возможно, этот вопрос и найдет свое решение в ближайшие 3-5 лет, однако путь его решения – строительство Катунской ГЭС – воспринимается далеко не однозначно, в первую очередь экологами.

Свои надежды на подъем экономики и социальной сферы жители республики возлагают на строительство магистрального газопровода в Китай, а также создание в регионе свободной экономической зоны туристско-рекреационного типа. Реализация этих проектов способна оказать мощный мультипликативный эффект и вызвать оживление во многих видах хозяйственной деятельности. Здесь и строительство автомобильных дорог, жилья, школ, детских садов, спортивных сооружений, больниц, восстановление авиационных перевозок.

Кроме того, нельзя не отметить, что природные ресурсы потенциально выдвигают Республику Алтай на роль рекреационного центра не только регионального (сибирского) значения, но российского и международного. Уникальные природно-климатические условия предоставляют широкие возможности для развития практически всех видов туризма, создания бальнеологических центров-курортов и санаториев, организации путешествий и экскурсий экзотического характера (охота, рыбная ловля, туризм, включая его экстремальные виды). Такие природные объекты как Телецкое озеро, гора Белуха, Алтайский и Катунский заповедники решением ЮНЕСКО внесены в список всемирного наследия человечества.

Говоря об экономике названных регионов, стоит отдельно остановиться на таком важнейшем ее аспекте, как социальная структура, ибо, как известно, становление нового демократического общества непременно связано с крупными изменениями в

социальной структуре. Социально-политические предпосылки динамичного и интегрированного социального развития лежат в области социальной стратификации общества, в сочетании интересов и социальной мобильности представляющих ее слои и группы населения. Сегодня социальная структура российского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе социальной иерархии. Идет активный процесс размытия традиционных групп населения, происходит становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры. Социальная структура под воздействием экономических реформ изменяется, но и сами реформы нуждаются в социальной опоре (Аврамова, 1998, с.146).

В Хакасии значительная доля работающих сосредоточена в сфере промышленности и несколько меньше в торговле. При этом численность занятых в торговле в течение короткого времени возросла практически вдвое. Далее, относительно большой процент составляют те, кто трудится в сфере образования и сельского хозяйства, где доля работающих примерно одинакова, хотя за последние годы удельный вес в первом несколько увеличился, а в последнем, наоборот, заметно сократился. Надо полагать, что отчасти это следствие наблюдаемого миграционного оттока сельских жителей в города, обусловленного необходимостью поиска работы в городах. С начала нового тысячелетия не претерпели существенных изменений по доле занятых в них такие отрасли, как строительство, транспорт, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство. В республике стабильно незначительна численность, посвятивших себя науке, культуре и искусству (Регионы России, 2004, с. 88-89).

В отличие от Хакасии, на Алтае и в Туве наибольшее число занятого населения трудится именно в отраслях непродуцственной сферы. В этом ряду назовем, в первую очередь, сферу образования, далее следуют здравоохранение и торговля. Несмотря на достаточно весомый удельный вес занятых в сельском хозяйстве, все же наблюдается тенденция неуклонного его сокращения в этой важнейшей отрасли названных республик. Кроме того, например, в Туве за последнее десятилетие доля ра-

ботающих в разных отраслях промышленности уменьшилась почти вдвое. Аналогичная ситуация и в других сферах экономики: наблюдается заметное сокращение численности работников в отраслях строительства, транспорта, лесного хозяйства (Аврамова, 1998, с. 146).

Во всех трех республиках отмечается существенная социальная дистанция основных контактирующих этнических групп. Так, доля промышленных рабочих у русских значительно выше, чем у титульной национальности, тогда как у последних несравнимо выше доля занятых в сельском хозяйстве. Добавим также, что, по сравнению с русскими, у местных жителей преобладают работающие преимущественно неквалифицированным физическим трудом. Конечно, данное обстоятельство объясняется, прежде всего, существенным доминированием численности сельских жителей как среди алтайцев, так тувинцев и хакасов. Кроме того, в данном случае сказываются традиции и обычаи кочевых народов, где испокон веков главным занятием кочевников было скотоводство, приверженность к которому сохраняется до сих пор. Однако в сложившемся на сегодняшний день раскладе все более весомую роль играют и такие ранее малоизвестные факторы, как рыночные условия, конкуренция, борьба за выживание. И, как показала практика, в современных условиях более востребованными оказались те профессии, которыми по большей части владело русские население – квалифицированные работники промышленных предприятий, работники торговли и сферы обслуживания и т.д. Таким образом, в адаптационный период русские жители со своим социально-экономическим «багажом» оказались в более выгодном положении, чем титульная национальность. В то же время в числе отличительных особенностей нашего времени следует назвать и низкую материальную обеспеченность значительной части занятого населения, особенно тех, кто работает преимущественно в отраслях с невысокой оплатой труда, к которым, прежде всего, следует отнести аграрный сектор. Все это, в конечном счете, усиливает социальную поляризацию общества и служит серьезным препятствием для успешной социальной адаптации отдельных групп населения.

Отметим также, что, согласно статистическим расчетам, во всех трех исследуемых нами республиках – Горный Алтай, Тува и Хакасия – число наемных работников ниже среднего по Сибирс-

кому федеральному округу, при этом минимальное – 936 человек на 1000 занятых зафиксировано в республиках Алтай и Хакасия. В этих же регионах наблюдается самое большое число индивидуальных предпринимателей или самозанятых. В частности, этот показатель в Республике Тува на 1000 занятых составил 44 человека, в республиках Алтай и Хакасия – по 39 человек (Актуальная статистика Сибири, 2006, с.73-74).

По сравнению с Тувой и Алтаем, Хакасия по своим основным социальным характеристикам занимает более выгодное положение. Так, по статистическим данным 2005 г. среднемесячная заработная плата одного работника здесь достигала 7770,8 руб., денежные доходы в расчете на душу населения составляли 5111,3 руб., тогда как в это же время в Республике Алтай - соответственно 5736,1 и 4305,9 руб., в Республике Тува – 6814,4 и 4068 руб. (Регионы России, 2007, с. 22). Думается, что отмечаемое особенно в последние два года периодическое повышение зарплаты работающих в разных отраслях российской экономики, вряд ли заметно изменило сложившуюся пропорцию и соотношение. Как и в целом по России, в этих регионах самые высокие заработки у работников, занятых в цветной металлургии, в финансовом секторе и электроэнергетике, самые низкие – в здравоохранении, науке, образовании, культуре и сельском хозяйстве.

Удельный вес численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в среднем по России в 2004 г. составлял 17,8% от общей численности населения. Среди субъектов федерации Сибирского федерального округа только в Кемеровской и Омской областях этот показатель был чуть ниже среднероссийского и составлял соответственно 16,5% и 17,6%, а в остальных регионах, включая исследуемые республики, - значительно ниже. Между тем, если в 2000 г. доля лиц с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила в Горном Алтае 60,5% (от общей численности населения), в Республике Тува – 78,7%, в Республике Хакасия – 42%, то в 2005 г. численность таковых во всех трех республиках сократилась почти вдвое и соответственно насчитывала 34,5%, 44% и 25,4% (Актуальная статистика Сибири, 2006, с. 47, 80). Как видим, уровень жизни в Хакасии, возможно, не столь существенно, но все же несколько выше, чем в Туве и на Алтае. По данным 2007 г. величина прожиточного минимума в среднем на душу насе-

ния в Республике Алтай равнялась 3841 руб., в Республике Тува – 3321 руб., в Республике Хакасия – 3275 руб. (Российский статистический ежегодник, 2007, с.199).

Несмотря на различия в социально-экономическом положении, во всех трех республиках одной из самых острых социальных проблем остается проблема труда и занятости местного населения. Если по данным статистики уровень общей безработицы (в процентах к численности экономически активного населения) в Горном Алтае в 2006 г. составил 11,6%, в том числе 5,2% – официально зарегистрированный уровень, то в Туве он значительно выше – соответственно 20,5% и 7,9%, в Хакасии в целом ниже, чем в Туве и на Алтае – соответственно 9,1 и 3,2% (Российский статистический ежегодник, 2007, с. 144-145, 165-166). Не случайно, по всему Сибирскому федеральному округу именно на Туву приходится самый низкий показатель числа лиц, указавших доход от трудовой деятельности в качестве источника средств существования (Актуальная статистика Сибири, 2006, с. 35, 73).

Если до недавнего времени основной причиной безработицы в этих регионах было свертывание производств и закрытие предприятий, то в настоящее в числе ее главных факторов следует назвать дефицит вакантных рабочих мест, что, собственно, является следствием резкого сокращения числа действующих объектов. Как видим, эти два фактора взаимосвязаны и взаимообусловлены. По единому мнению специалистов республиканских органов занятости названных республик, если среди безработных из числа титульной национальности преобладают сельские жители, то среди русских, как правило, не имеют работы городские жители. В небольшой мере подобный состав безработных в этих регионах объясняется все тем же преобладанием титульного этноса в селе и сосредоточением русского населения в городах.

Необходимо обратить внимание на то, что, как в Туве, так и в Хакасии и на Алтае, примерно каждый третий из числа безработных воспитывает несовершеннолетних детей. В этих республиках, как впрочем, и во всех других регионах Российской Федерации, самой незащищенной группой в условиях безработицы являются женщины. В последние годы в этих регионах удельный вес женщин в числе безработных составляет стабильное большинство (около 70%) (Основные показатели работы..., 1991-2000). Необходимо сказать, что среди безработных довольно зна-

чительна численность молодежных групп. В числе безработных удельный вес 20-39-летних достигает в Туве 78,3%, в Горном Алтае – 57,5%, в Хакасии – 44,4%. Среди них наиболее высок процент тех, кто имеет среднее (полное) общее образование: почти половина всей численности безработных в Горном Алтае (46,8%) и более трети в Туве и Хакасии (соответственно 39,7% и 35,2%). И, наоборот, во всех трех республиках в группе безработных довольно незначительна доля лиц с высшим образованием – от 3% до 7% (Регионы России, 2007, с.130,132.).

Исходя из эмпирического материала, можно говорить о том, что в исследуемых регионах главной причиной безработицы среди местных жителей все еще остается дефицит рабочих мест, который в настоящее время из-за мирового финансового кризиса еще более усугубился. Однако в последние годы (во всяком случае, вплоть до кризиса) все более весомую роль стал играть и такой фактор, как низкая оплата труда, который в большей степени все же был присущ для горожан. В результате многие, будучи в частности, врачами, учителями, научными сотрудниками с ученой степенью, отдавали предпочтение, а точнее вынуждены были выполнять любую другую работу, не адекватную полученной специальности, по той причине, что «там больше платят». Иначе не выжить, таковы законы рынка.

В данном случае нельзя не сказать особо еще об одной острой проблеме российского общества – социальном сиротстве. Не миновало это явление и исследуемые нами республики. Во время полевой работы нам удалось побеседовать со специалистами различных республиканских социальных служб. Суммируя услышанное, можно констатировать, что во всех этих республиках большую озабоченность вызывает не уменьшающееся количество неблагополучных семей, продолжающееся увеличение числа родителей, лишенных родительских прав. В этом плане несколько хуже обстоят дела в Туве. Несмотря на принимаемые меры, здесь не прекращается рост числа социально проблемных семей и, как следствие этого – увеличение численности беспризорных и безнадзорных детей. Если, по данным статистики, в настоящее время в Хакасии отмечается тенденция уменьшения выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, то в Туве, наоборот, фиксируется не уменьшающийся рост. Численность таких детей в Туве за последнее десятилетие увеличилась в 3 раза. За этот пе-

риод в 1,5 раза также возросла общая численность детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В Хакасии же лишь за последние два-три года численность детей, оставшихся без попечения родителей, сократилась почти на четверть.

Вместе с тем, отрадно отметить, что в последнее время в этих республиках все большее число детей, лишившихся родителей, передаются на воспитание в семьи. Например, только за один 2004 г. из всего числа детей, оставшихся без родителей, практически вновь обрели семьи почти 70% в Туве и 79% в Хакасии (Женщина, семья, дети, 2001, с. 74). Наиболее распространенной формой семейного устройства детей-сирот является их передача под опеку (попечительство). В связи с этим, как показывают статистические данные, в последние годы численность детей, воспитывающихся в домах ребенка, в детских домах, а также в школах-интернатах для детей сирот, в этих республиках заметно снизилась. Весьма позитивным явлением следует считать появление в Республике Хакасия института приемной семьи. Сегодня в Хакасии имеется 165 таких семей, где воспитывается 346 детей (О положении детей в Республике Хакасия, с. 43-44).

Подводя итоги, прежде всего, следует отметить, что социально-экономическое положение регионов Южной Сибири, несмотря на наметившиеся в этой области тенденции улучшения (по крайней мере, до осени 2008 г.), все же в целом трудно назвать благополучным. Кроме того, наблюдаемые в последнее время позитивные перемены не столь значительны и далеки от экономических показателей дореформенного периода. Достаточно сказать, что почти двадцать лет в режиме суженного воспроизводства функционируют отрасли промышленности, сельского хозяйства, жилищно-коммунального хозяйства, отдельные отрасли инфраструктуры. Приведенные данные официальной статистики указывают на существование межрегиональных различий названных регионов по основным социально-экономическим показателям. Исходя из этого, можно условно выделить а) регион с относительно устойчивым социально-экономическим положением, куда следует отнести Республику Хакасия и б) регион с относительно низкими социально-экономическими показателями, к которым относится, в первую очередь, Республика Тува, затем Горный Алтай.

Обоснованную тревогу в названных регионах вызывает и демографическая ситуация. В ряду демографических проблем,

прежде всего, следует назвать остающийся достаточно высоким среди населения показатель смертности. Среди основных причин роста смертности специалисты, как правило, называют постарение населения и неспособность системы здравоохранения справиться с масштабом эндогенных заболеваний. На наш взгляд, в данном случае к числу существенных факторов этого негативно явления следует отнести, в первую очередь, неблагоприятные социально-экономические условия жизни значительной части населения российских регионов. Как мы видели, несмотря на определенные заметные сдвиги в отдельных аспектах экономического положения названных регионов, явно ощутимых и серьезных позитивных изменений в реальной жизни их жителей, к сожалению, пока не произошло. Так, например, при отмечаемых статистикой роста реальных располагаемых денежных доходах населения улучшения показателей, характеризующих уровень и качество жизни, идет крайне медленными темпами.

Составной частью демографической проблемы является проблема труда и занятости населения. В этих регионах близка к критичной проблема безработицы, ее хронический рост. В Южной Сибири, как и во всех регионах Российской Федерации, продолжается процесс имущественного расслоения общества, углубление социальной дифференциации населения. Таким образом, проблема выравнивания уровня жизни населения разных регионов Российской Федерации продолжает оставаться чрезвычайно актуальной. Необходимо особо отметить, что наблюдаемые в настоящее время кризисные явления в мировой банковской системе, безусловно, отражаются как на этнодемографической ситуации, так и на социально-экономическом положении российского социума, осложняя тем самым без того непростую ситуацию.

Литература

Авраамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М. 1998.

Актуальная статистика Сибири. 2005. Информационно-статистический журнал. Новосибирск, 2006. № 4. Статистический ежегодник Республики Алтай. 2005. Горно-Алтайск. 2006.

Раздел 3. Эколого-антропологические и социально-демографические исследования

Женщина, семья, дети. Кызыл. 2001 – Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тува.

Кышпанакров А.А. Национальный состав населения Хакасии в XX веке // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан. 1998. С.53.

Население Республики Хакасия. 1992-2002 гг. Абакан. 2003. – Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

О положении детей в Республике Хакасия. С. 43-44 – Материалы Министерства труда и социального развития в Республике Хакасия.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Кызыл. 2004 – Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тува.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Кызыл. 2004. С. 3 – Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

Основные показатели работы Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Республике Хакасия за 1991-2000 гг. – Текущий архив Департамента занятости населения Республики Хакасия.

Остапенко Л.В. Динамика социально-профессионального состава этнических групп и проблемы интеграции // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М. 2002.

Отчет о работе правительства Республики Тува в 2006 г. – Материалы получены в Пресс-службе Правительства Республики Тува.

Отчет об итогах работы правительства Республики Хакасия в 2003 г. // Текущий архив правительства Республики Хакасия.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Статистический сборник. М. 2004.

Регионы России: социально-экономические показатели. Статистический сборник. М. 2007.

Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М. 2007.

Социально-экономическое положение Республики Тува. Январь-май 2007г. Кызыл, 2007. – Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тува.

Суразакова С.П., Екеева Н.М. Социально-экономическое положение Республики Алтай // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. М. 2007.

Чижова Л.П. Территориальная социально-экономическая дифференциация уровня жизни населения в Российской Федерации. Белгород. 2005.

Шулбаев В.К. Хакасия в 90-е годы XX века: проблемы социально-экономического развития. Абакан. 2004.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГАГАУЗОВ

Характер протекания демографических процессов, тип сложившегося у того или иного народа демографического поведения, включающего в себя брачное, репродуктивное, самосохранительное и миграционное поведение, являются существеннейшими факторами, которые детерминируют воспроизводство любого этноса. Демографическое воспроизводство, физическое возобновление поколений людей, не гарантируя их функционирования как носителей этнических качеств, является тем не менее необходимой предпосылкой этнокультурного воспроизводства. В свою очередь, сложившийся образ жизни, специфика культуры и особая система ценностных ориентаций этносов влияют на их демографическое поведение.

Чем малочисленнее этнос, тем более существенное влияние на воспроизводство его численности и основных демографических структур (половозрастной, семейной) оказывают изменения, трансформации, происходящие в процессах рождаемости и смертности, брачности и разводимости, а также в процессах миграции. Разнонаправленные миграционные перемещения, существенно влияя на картину расселения народа, на динамику численности этноса на разных территориях, ведут к расширению возможностей для межэтнического взаимодействия, межэтнических контактов на разных уровнях. Они могут способствовать постепенной утрате языка этноса, его традиционных норм поведения, ценностных ориентаций, усилению ассимиляционных процессов, смене этнической идентичности у части представителей этноса, и, в конечном счете, в значительной мере определяют сохранность этноса, перспективы его демографического воспроизводства (см. подробнее: Козлов, 1969; Козлов, 1975; Козлов, 1977).

Распад Советского Союза привел к разделению гагаузского этноса на части. И так малочисленный, народ оказался в массе своей поделенным между тремя государствами – Молдавией, Украиной и Россией, что ослабило статусные позиции разделенного народа, во многом определяемые его численностью, снизило конкурентоспособность этнической группы как в экономической,

так и в политической сферах внутри новых стран ее расселения. Произошло резкое снижение уровня жизни гагаузов, усилилось социальное и имущественное расслоение, ускорился распад семей и снижение рождаемости в гагаузских семьях, постарение населения, снижение доли активного трудоспособного населения. Все это, а также масштабные миграционные перемещения за пределы основного этнического ядра их расселения, за границы пусть условного, зыбкого, но единственного в мире автономно-территориального образования гагаузов — Гагауз-Ери, в том числе выезд наиболее молодого и образованного поколения, создают серьезную опасность целостности этноса, стабильности его воспроизводственных процессов, демографических и социальных перспектив развития гагаузов. Резкое сокращение численности народа, обеднение его структуры, как демографической, так и социально-профессиональной, может осложнить этнокультурное воспроизводство гагаузов, коренным образом изменить их дальнейшую историю.

Актуальность этнического подхода в изучении демографического развития населения, его демографического поведения является очевидной. Важность такого подхода возрастает при исследовании демографических процессов, происходящих в полиэтничных обществах, особенно в среде малочисленных народов. Этническая специфика, касающаяся как сферы брачно-семейных отношений, так и репродуктивного поведения, зачастую достаточно ярко проявляется у этнических групп, живущих в одном регионе, со сходными условиями жизни и хозяйствования. Анализ таких этнических различий в уровнях рождаемости, детности, возрасте вступления в брак, традициях межэтнической брачности, разводимости, миграционной активности и пр. помогает решать сложные проблемы формирования этнической идентичности, истории народов, их этногенеза.

Модели демографического поведения населения формируются под воздействием множества факторов как социально-экономического, так и этнокультурного характера. Образ жизни, быт, традиции и особая система ценностей этносов, меняющиеся гораздо медленнее, чем экономическая ситуация, в немалой мере детерминируют демографическое поведение, демографические установки этнических групп. Под воздействием определенной системы культурных норм и ценностей в тех или иных этни-

ческих общностях формируется свое, особое демографическое поведение, складываются особые установки матримониального и репродуктивного поведения, связанные с особенностями культуры и быта народа, сформировавшимися в процессе его социально-экономического и культурного развития: установки на брак и безбрачие, на оптимальный возраст вступления в брак, на возможность разводов и повторного брака, на положение женщины, ее роль в семье и обществе, на оптимальное количество и место детей в системе социальных ценностей семьи и т.д. Трансформация таких институтов как семья, сельская община, обуславливающих в значительной мере этнокультурное воспроизводство, являющихся хранителями и трансляторами народных традиций, на нынешнем этапе развития общества ведет к значительным изменениям ценностей и норм брачного, репродуктивного и миграционного поведения представителей разных этносов.

Одной из главных задач изучения демографического развития этнических групп является выявление изменений в брачно-репродуктивном поведении, изучение устоявшихся стереотипов, давно сложившихся норм демографического поведения и новых явлений и процессов. В статье, предлагаемой вниманию читателей, мы хотели бы остановиться лишь на некоторых проблемах демографического развития гагаузского этноса: изменениях, произошедших на протяжении полувека в процессах воспроизводства, брачности и рождаемости у гагаузов, живущих в Молдавии, а точнее – на анализе изменений ценностей и норм, идеалов и реалий брачного и репродуктивного поведения гагаузов, на трансформации некоторых брачных и репродуктивных установок.

В основе нашего анализа лежат данные переписей населения СССР 1959, 1970, 1979, 1989 гг., переписи населения Республики Молдова 2004 г., а также материалы текущего учета населения Национального Бюро статистики РМ и этнодемографических исследований автора 1989-90 и 2004 гг., проведенных среди гагаузского населения Молдавии¹.

1 В ходе первого этнодемографического исследования (1989 г.), представительного для всего гагаузского населения Молдавии, было опрошено 1070 гагаузов, от 16 лет и старше, городских и сельских жителей; в ходе второго (2004 г.) – 670 чел. Выборка исследования была подробно описана в вышедшей по его результатам монографии (Субботина, 2007).

Динамика численности

Нынешний демографический кризис на постсоветском пространстве является результатом взаимодействия трех групп факторов – эволюционных, инерционных и пертурбационных. Помимо распада СССР и последовавших за ним социально-экономических и политических реформ, на глубину демографического кризиса оказали свое влияние фундаментальные эволюционные сдвиги, общие для всего мира и обусловленные демографическим переходом, а также сложившиеся еще в последние советские десятилетия и непреодоленные застойные демографические тенденции (Вишневский, 2005). Соотношение этих трех групп факторов, по-разному складывающееся и проявляющееся в отдельных странах и у разных народов, определяет общие и специфические черты их современного демографического развития.

Общая численность населения стран СНГ начала сокращаться с 1995 г. и в 2004 г. была примерно равна численности 1989 г., при этом динамика населения этого периода сильно разнилась от страны к стране. Молдавия, наряду с тремя другими государствами СНГ – Казахстаном, Грузией и Украиной – понесла наибольшие потери демографического потенциала. По результатам проведенной в 2004 г. первой в короткой истории независимой Республики Молдова переписи населения, число ее постоянных жителей составило 3 388 тыс. чел., что было на 208 тыс. меньше, чем в 1989 г., и это объяснялось совокупным действием на численность ее населения двух факторов – значительного миграционного оттока и отрицательного естественного прироста. Кроме того, проведенная в Молдавии перепись не учитывала население Правобережной ее части – Приднестровья.

При общем снижении абсолютной численности населения Республики Молдова (без ПМР) в период 1989-2004 гг., наблюдалось резкое уменьшение численности одних этнических групп и слабый прирост абсолютного числа других (табл. 1). Так, при расчете по сопоставимым территориям, наибольшим снижением численности (в 1,7 раза) отличалось русское население Молдавии, что было детерминировано как активными миграциями русских за пределы страны, так и процессами депопуляции у русских, когда уровень смертности превышал уровень рождаемости, что в наибольшей мере проявилось, начиная с 1994 г. Вторым по абсо-

лютным масштабам снижения численности этносом в Молдавии были украинцы. За 15 лет (1989-2004 гг.) их число сократилось в 1,4 раза. Факторы, обусловившие это снижение, были аналогичны тем, что отмечались при сокращении численности русских в стране. Менее заметным было снижение численности болгарского населения – в 1,1 раза.

Численность титульной национальности республики – молдаван – возросла лишь на 2,0%, что было детерминировано тремя основными факторами: снижением естественного прироста у молдавского населения, интенсивными миграциями за пределы Молдавии, а также сменой у части молдаван этнической идентичности с молдавской на румынскую. Последнее подтверждается значительным приростом в период 1989-2004 гг. числа румын в Молдавии: с 2,5 до 73,3 тыс. чел.

Численность гагаузов в Молдавии за 1989-2004 гг. (по сопоставимым территориям) практически не изменилась: за пятнадцать лет гагаузское население Молдавии не только не возросло численно, но была отмечена убыль абсолютного числа гагаузов, которая составила десятые доли процента (0,8%). Эти явления были следствием масштабных миграций за пределы страны и заметного снижения уровня рождаемости у гагаузов.

Увеличение масштабов временной трудовой миграции гагаузов за пределы Молдавии, разрыв семейных связей и отношений, деформация половозрастной и брачной структур населения значительно повлияли на снижение уровня рождаемости, и как следствие, на уменьшение естественного прироста этноса. Если в 1979 г. годовой естественный прирост гагаузского населения Молдавии достигал 2,1 тысячи человек и к 1989 г. он снизился, но очень незначительно, то к концу XX – началу XXI веков в ходе воспроизводственных процессов у гагаузов произошли огромные изменения. К 2004 г. коэффициент рождаемости у гагаузов сократился, в сравнении с 1989 г., вдвое, а годовой естественный прирост стал отрицательным. Так, в период 1996-2000 гг. среднегодовой естественный прирост у гагаузов составлял уже лишь + 442 человека, а в 2001-2005 гг. он стал отрицательным, достигнув величины в – 61 человек, что при постоянно возрастающих потоках миграции из страны создает картину масштабного снижения демографического потенциала гагаузов.

Таблица 1

**Изменение численности и национального состава населения Республики Молдова
(по данным переписей 1989 и 2004 гг.)**

Национальности	Численность населения РМ (без ПМР)				Численность населения Гагаузии			
	1989 г. (в пересчете)		2004 г.		1989 г. (в пересчете)		2004 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего: в т.ч.	3595660	100	3383332	100	162825	100	155646	100
молдаване	2513447	69,9	2564849	75,8	8884	5,4	7481	4,8
украинцы	405160	11,3	282406	8,4	6768	4,2	4919	3,2
русские	350899	9,8	201218	5,9	8402	5,2	5941	3,8
гагаузы	148679	4,1	147500	4,4	127735	78,4	127835	82,1
румыны	2477	0,1	73276	2,2	38	0,0
болгары	73489	2,0	65662	1,9	8807	5,4	8013	5,1
прочие	101509	2,8	34401	1,0	2229	1,4	1409	0,9

Рассчитано по: Перепись населения 2004. Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики. С. 301, 326.

Рождаемость

Трансформации в рождаемости, произошедшие в течение последних ста лет в России, позднее в Советском Союзе, и, наконец, на постсоветском пространстве, не сводятся лишь к снижению ее уровня. Эти изменения являются «ярким индикатором радикальных и быстрых изменений в семье, обществе и государстве, свершившихся на протяжении жизни всего трех-четырёх демографических поколений» (Захаров, 2005, с. 113).

«С одной стороны, снижение рождаемости было исторически неизбежным ответом на общую и последовательную модернизацию общества во всех сферах, с другой – переход от высокой рождаемости к низкой привел к иным темпам изменения численности населения, к принципиальной трансформации демографического баланса между поколениями (количественного соотношения между возрастными группами детей, родителей и прародителей), что, в свою очередь, инициирует и ускоряет соответствующие социально-экономические и политические перемены» (Захаров, 2005, с. 113).

Наибольшую озабоченность вызывают новейшие тенденции изменения уровня рождаемости, ее сокращения до крайне низкого уровня. Эти изменения в разной степени коснулись стран СНГ, что объясняется неодновременностью начала и разной скоростью прохождения основных этапов демографического перехода. В настоящее время все страны СНГ следует разделить на две группы по сложившемуся уровню рождаемости. В одну группу можно объединить 7 «европейских» стран: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Россия и Украина, хотя нынешний уровень рождаемости, опустившийся в них ниже порога простого замещения поколений, не обеспечивающего устойчивое продолжение человеческого рода, сложился не сразу. Еще в 1960 - 1970-е годы между республиками существовали большие различия, которые сохранялись вплоть до начала 1990-х гг., когда уровень рождаемости в Азербайджане, Армении и Молдавии был несколько выше, чем в других странах выделенной группы. После 1990 г. все страны этой группы прошли новый этап резкого снижения рождаемости, который, отчасти, был связан с проводившимися в это время экономическими и политическими реформами (Вишневский, 2005).

В центрально-азиатских странах СНГ, у титульных народов этих стран демографический переход начался позднее. В 1980–1990-е годы и здесь произошел резкий перелом в прокреационном поведении населения, уровень рождаемости опустился в некоторых из них ниже уровня простого замещения поколений (Казахстан). Правда, падение уровня рождаемости в странах этой группы демографы связывают в большей мере с влиянием внешних обстоятельств, а не с изменением внутренних установок людей, считая, что традиционный тип демографического поведения здесь все еще сохраняет силу (Вишнеvский, 2005).

Рассматривая этот процесс у разных народов, осуществляющих данный переход в разное время и в разных условиях, можно выявить некие общие черты, а также определенные различия и особенности его протекания у тех или иных этносов, в тех или иных поколениях. Этническая дифференциация рождаемости представляет для нас особый интерес, ибо речь пойдет об особенностях этого явления у гагаузов, а следовательно, о связи рождаемости с особенностями культуры и быта этого народа, сформировавшимися в процессе его социально-экономического и культурного развития.

С середины 1950-х годов, а с еще большей силой к их концу, в Советском Союзе после высокой послевоенной компенсаторной волны рождаемости ее уровень стал постепенно снижаться. Это сокращение рождаемости явилось продолжением тех тенденций, которые наметились еще в 1920-е–1930-е гг., но явление это не стало повсеместным в те годы. Тогда же наиболее ярко обозначилась и дифференциация рождаемости, первые признаки которой проявились в нашей стране еще в конце XIX – начале XX вв., когда у городского населения отмечалась более низкая рождаемость, чем у сельского. В тот же период обнаружались и признаки этнической дифференциации, когда снижение рождаемости получило свое развитие главным образом у коренных народов республик Европейской части страны, а большинство титульных народов азиатских республик еще не было затронуто этим процессом.

Проведенные в 1960-е – 1970-е годы демографические обследования показали уже существенные различия в уровнях рождаемости у лиц с разным уровнем образования и социальным статусом, в разных по типу и размерам поселениях, у разных народов и т.д. Нарастающая этническая дифференциация

отражала неодновременность начала перехода к новому типу рождаемости и неодинаковую скорость этого перехода у разных народов. К концу 1970-х годов рост этнической дифференциации рождаемости достиг, по-видимому, кульминации, после чего появились признаки новой тенденции – к ослаблению этой дифференциации (Воспроизводство населения ..., 1983, с. 185-186).

Молдавия в послевоенный период отличалась самыми высокими темпами снижения рождаемости среди союзных республик. Если в 1950 г. она занимала 2-е место (после Туркмении) по уровню рождаемости (коэффициент рождаемости составлял 38,9 ‰ в сравнении с 26,7‰ в среднем по Союзу), то к 1970 г. Молдавия переместилась на 8-е место в ряду союзных республик, которое удерживала до 1987 г. За 20 лет (с 1950 по 1970 гг.) коэффициент рождаемости в Молдавии снизился в 2 раза, в то время как в среднем по Союзу это снижение достигало 1,5 раз, в республиках Прибалтики – 1,2-1,5 раз, в Закавказье – 1,2-1,4 раз, в Средней Азии (за исключением Узбекистана и Таджикистана, где уровень рождаемости повысился) – 1,1 раз, в Казахстане – 1,5 раз, на Украине – 1,4 раз, в Белоруссии – 1,5 раз, в России – 1,7 раз.

После 1970 г., когда был отмечен наименьший уровень рождаемости в Молдавии за весь послевоенный период (19,6 ‰), наметилась тенденция к его возрастанию. Как известно, общий коэффициент рождаемости в значительной степени зависит от возрастной структуры населения, и сильное снижение уровня рождаемости к концу 1960-х – началу 1970-х гг. объяснялось тем, что в брачный и детородный период вступало немногочисленное поколение 1940-х гг., что и определило столь малочисленное их потомство. В 1970-е годы в брак вступали послевоенные поколения, более многочисленные, чем их предшественники, что и повлекло за собой повышение рождаемости. К началу 1990-х годов уровень рождаемости в республике вновь стал падать, ибо в детородный период вступило поколение конца 1960-х годов, когда отмечался самый низкий за послевоенный период уровень рождаемости.

Уровень рождаемости у гагаузов в конце XIX века был выше уровня рождаемости практически всех народов, населявших Бессарабию, и составлял 41,9‰ (число детей до года, отнесенное к

численности населения)². Уровень рождаемости болгар Бессарабии достигал в тот период 39,3‰, а молдаван — 31,3‰. К середине XX века, к 1959 г., коэффициент рождаемости у гагаузов составлял 45‰ и был выше среднереспубликанского уровня в 1,4 раза. Этот показатель был в те годы почти таким же, как у азербайджанцев и народов Средней Азии (43,7‰ - 45,6‰) (Урланис, 1974, с.132). Следующими за гагаузами по уровню рождаемости в республике, но значительно отстающими от них, были молдаване и болгары (соответственно 32,5‰ и 29,3‰) (табл. 2). К 1989 г. при общем снижении уровня рождаемости в Молдавии коэффициент рождаемости гагаузов оставался самым высоким (22,3‰), хотя за прошедшие тридцать лет он уменьшился более чем в 2 раза. Сократился разрыв в показателях рождаемости между гагаузами и другими этносами Молдавии. Как видно из табл. 3, за гагаузами по-прежнему следовали молдаване (20,9‰) и болгары (17,3‰), но снижение рождаемости у этих народов было менее стремительным — в 1,6-1,7 раза. По скорости снижения рождаемости гагаузы обгоняли все другие народы республики, ибо, как известно, повороты и падения рождаемости происходят тем с большей скоростью, чем позже наступают эти перемены. Сократился разрыв в показателях рождаемости между гагаузами и другими этносами Молдавии. Самый низкий уровень рождаемости в республике накануне распада СССР отмечался у русских — 13,1‰.

Постсоветское пятнадцатилетие значительно ускорило снижение рождаемости у гагаузов: следующее двукратное его снижение заняло в два раза меньший временной период, и к 2004 г. коэффициент рождаемости гагаузов впервые за столетний отрезок истории оказался ниже аналогичных показателей по молдавскому населению республики: соответственно 11,2‰ и 12,0‰.

Ученые давно установили, что уровень рождаемости у разных этносов, даже живущих в одинаковых условиях, различен, и назвали это явление «уровнем плодovitости национальностей». Так, рождаемость гагаузов даже в середине XX столетия была выше рождаемости их соседей болгар в 1,5 раза, хотя условия существования в республике этих этнических групп очень близки:

2 На самом деле уровень рождаемости был существенно выше, ибо исчисленный таким образом, он не учитывал смертности детей в возрасте до года, а она была достаточно высока. Но не располагая иными источниками для вычисления уровня рождаемости, кроме данных переписи 1897 г., мы будем пользоваться им в сравнительном анализе по этническим группам.

это и общность исторических судеб, и многолетнее совместное расселение, и близость хозяйственных навыков, многих элементов быта и культуры, религия и т.п.

Таблица 2

**Этническая дифференциация коэффициента рождаемости
в Молдавии (‰)**

Этносы	1959 год	1970 год	1979 год	1989 год	2004 год
Молдаване	35,2	20,8	21,3	20,9	12,0
Украинцы	26,8	17,8	17,4	15,7	8,1
Русские	21,3	15,4	14,6	13,1	7,3
Гагаузы	45,0	21,1	23,8	22,3	11,2
Болгары	29,3	17,9	21,6	17,3	9,3
В целом по Молдавии	31,5	19,4	20,3	18,9	11,3

Составлено по: Бакурский С.В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. Кишинев, 1984, с.3; Перепись населения РМ 2004 г. Статистический сборник, т. 1. Кишинев, 2006. С.300; Материалы текущего архива Госкомстата МССР и Национального Бюро статистики РМ.

Решение загадки этих различий, очевидно, нужно искать в истории, социально-экономической и духовной жизни народов, в бытовавших этнических традициях ранних браков, низкого уровня разводов, поощрения многодетности и проч. В ранней истории, в генезисе гагаузов множество тайн. По мнению некоторых ученых, предками гагаузов были тюрко-язычные кочевники. Только в середине XVII в. гагаузы, состоявшие из разных этнических групп, окончательно осели в северо-восточной части Балканского полуострова. В Бессарабию гагаузы переселились в конце XVIII и в XIX вв., испытав на себе впоследствии сильное влияние культур соседних народов. Но, вероятно, это влияние не смогло изменить первоначального этнического ядра в этногенезе гагаузов, принадлежавшего кочевым тюркам. А если принять во внимание традиции многодетности, присущие этим кочевым племенам, а также сравнительно поздний переход к оседлому образу жизни, нетрудно провести параллель между традициями в далеком прошлом и достаточно высоким уровнем рождаемости в относительно недавнее время (Бакурский, 1984, с. 22).

Стереотипы и нормы брачного поведения гагаузов

1. Идеальный и фактический возраст вступления в брак

Отмечено, что уровень рождаемости во многом зависит от структурных демографических показателей населения: его возрастного состава, соотношения мужчин и женщин, численности женщин фертильного возраста (15-49 лет), а также в значительной мере от уровня брачности. Одним из факторов, оказывающих непосредственное влияние на репродуктивное поведение, на уровень рождаемости населения, является брачный возраст, так как от него зависит длительность брачного и репродуктивного «стажа» семьи, а большинство рождений, несмотря на значительные изменения в этой сфере, все же приходится на женщин, состоящих в браке.

Развитие брачных отношений у гагаузов после переселения их в Буджак было во многом обусловлено особенностями формирования населения Южной Бессарабии (его этническим составом, культурно-бытовыми традициями, социально-экономической спецификой). Полунатуральный характер крестьянского хозяйства в первые годы после переселения в этот регион в конце XVIII – начале XIX вв. обуславливал замкнутость и обособленность гагаузской семьи, сохранявшей патриархальные пережитки, поддерживающей сложившиеся нормы брачного поведения гагаузов, в том числе касающиеся ценности брака и возраста вступления в брак. По данным первой Всеобщей переписи населения России 1897 г., в конце XIX века доля гагаузов, состоявших в браке, была наивысшей среди народов Бессарабии, составляя 41,7%, тогда как в среднем по губернии этот показатель достигал 39,1%, а у соседей-болгар был равен 39,7%. Самый высокий в губернии уровень брачности был характерен как для гагаузских женщин, так и для гагаузских мужчин. Если среди женщин-гагаузок доля замужних составляла 43,6% (по женскому населению губернии в среднем 39,9%), то у мужчин-гагаузов удельный вес женатых достигал 40,1% (в среднем по мужскому населению Бессарабии — 38,4%) (Первая всеобщая ..., 1905, с. 132-133). Эти различия нельзя объяснить только этнической дифференциацией уровня урбанизации этносов. Ведь и среди сельского населения губернии у гагаузов показатели брачности были самыми высокими.

Одним из факторов, влиявших на сохраняющуюся традицию довольно раннего и более полного состояния в браке гагаузов, была существовавшая в их общественном мнении, которое имело чрезвычайно сильное влияние на поведение каждого гагауза, ценность брака, семьи, о чем писал известный русский исследователь культуры и быта гагаузов В.А. Мошков. Существенное влияние на традиции ранней брачности у гагаузов имел и относительный недостаток женщин в гагаузском населении. «Очевидно, что у гагаузов нет такого огромного избытка женщин сравнительно с мужчинами, как у нас», – писал В.А. Мошков (2004, с. 129). И действительно, в силу ли того, что гагаузские мужчины на протяжении многих лет проживания в России на положении иностранных колонистов были освобождены от воинской повинности и «мужской демографический потенциал» был полнее, чем у других народов, или ценность жизни девочек у гагаузов, как это было распространено на Востоке, была не столь высока, как мальчиков, или же особую роль играло тяжелое, приниженное положение женщины в гагаузском обществе, отражавшееся на женском здоровье и продолжительности жизни женщин, но, по данным переписи населения 1897 г., например, на 100 мужчин-гагаузов Бессарабии приходилось лишь 93 женщины, и это было самое низкое соотношение полов, в сравнении с другими народами губернии. У болгар, например, на 100 мужчин приходилось 95 женщин, а у молдаван – 96 (Первая всеобщая ..., 1905, с. 98-99). Может быть, в этом скрывались истоки и наиболее часто встречающейся межэтнической брачности, в большей мере характерные для мужчин-гагаузов в силу недостаточности однонационального рынка невест.

К середине XX века соотношение мужчин и женщин в структуре гагаузского и болгарского населения было очень схожим. Так, на 100 мужчин у болгар в среднем приходилось 108 женщин, а у гагаузов – 107, но и эти структурные показатели были наилучшими среди этнических групп Молдавии. Для сравнения, у русских, потерявших в Великой отечественной войне значительную часть мужского населения, соотношение мужчин и женщин в республике было 100:126, и даже у молдаван оно составляло пропорцию 100:115.

При сходных половозрастных структурах уровень брачности гагаузов и болгар существенно различался: если у болгар среди

мужчин в возрасте 16 лет и старше на 1000 человек приходилось 778 состоящих в браке, а среди женщин – 662, то у гагаузов соответствующие показатели были заметно выше – 813 и 684 состоящих в браке. При этом особенно сильны были различия между этими этническими группами в самых младших возрастных когортах – 16-19 лет и 20-24 года. Среди 16-19-летних уровень брачности гагаузов превышал уровень брачности болгар у мужчин – в 1,6 раза, а у женщин – в 1,2 раза, т.е. ранние браки гагаузских мужчин встречались гораздо чаще, чем у болгар и остального населения республики. Так, в среднем по Молдавии в когорте 16-19-летних мужчин из каждой тысячи человек 36 состояли в браке, тогда как у гагаузов 98 мужчин уже были женаты. В следующей возрастной группе 20-24-летних в среднем по республике из каждой 1000 мужчин 367 состояли в браке, у болгар эти показатели были существенно выше – 497 мужчин из 1000, а у гагаузов превышали среднереспубликанские в 1,8 раза – 649 мужчин из 1000 были женаты. Тогда как по женскому населению этнические различия в уровне брачности были не столь заметны: уровень брачности 20-24-летних гагаузок был лишь в 1,2 раза выше среднереспубликанских показателей и в 1,1 раза превышал уровень брачности болгарок.

Таким образом, сами по себе различия в половой, возрастной структуре гагаузского и болгарского населения Молдавии не были сколько-нибудь значимыми, но при этом уровень брачности гагаузов был существенно выше, нежели у болгар. Особенно сильные различия наблюдались в уровне брачности молодых (16-24 лет) мужчин, которая была у гагаузов значительно выше, чем у других этнических групп в республике. Относительно раннее и более полное состояние в браке гагаузов вело к более высокому уровню рождаемости, детности, ибо абсолютное большинство родов приходилось на рождения в браке.

При анализе демографической ситуации в объяснении динамики брачности, определении ее тенденций и перспектив, важное значение приобретает изучение демографического «идеала» населения в целом и отдельных его групп. Идеальный возраст вступления в брак является одной из существенных характеристик демографического поведения населения, установкой, которая формируется под воздействием множества факторов как объективного, так и субъективного характера: это и возраст, и

этничность, и уровень образования, и социально-профессиональный статус, и место жительства (город или село). Эта установка зависит и от ценностей той среды, где сформировалась личность (социальной, этнической, культурной), тех традиционных брачных норм, стандартов, которые в ней сложились.

Изменение политической, экономической и социальной обстановки, произошедшее за последние полтора десятилетия, глобальные перемены, которые произошли со времени распада Советского Союза, повлекли за собой ухудшение материального положения населения, безработицу, изменение социального настроения населения, утрату чувства стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Они не могли не отразиться и на демографическом, в частности, брачном поведении населения. Хотя брачное поведение очень инерционно, являясь результатом усвоения норм, унаследованных брачным опытом предыдущих поколений, тем не менее результаты двух социально-демографических исследований, проведенных в 1989 и 2004 гг. среди гагаузского населения Молдавии, показывают, какие изменения уже произошли в этой сфере за прошедший период.

В ходе наших этнодемографических исследований 1989 и 2004 гг. мы пытались выяснить, как изменились идеальные представления гагаузских мужчин и женщин, жителей сел и городов, о том, в каком возрасте девушкам и юношам предпочтительнее вступать в брак. Результаты этих исследований представлены в табл. 3.

Как и ожидалось, мнения относительно наилучшего возраста вступления в брак для девушки и для юноши оказались различными. В 1989 г. идеальным возрастом вступления в брак для гагаузской девушки было 20,4 года, а для юноши – 23,7 года. При этом горожане считали, что возраст вступления в брак должен быть выше (для девушки 20,5 года, а для юноши – 23,9 года), а сельские жители, хотя и немного, но понижали идеальный брачный возраст: до 20,3 года для девушки и 23,6 года – для юноши. Но при этом и городские, и сельские гагаузы считали, что юноша должен быть старше девушки в среднем на 3,3 года. Очень немногие (2-4% респондентов) считали, что девушке лучше всего выходить замуж в 16-17 лет. Подавляющее же большинство (около 90%) полагали, что лучший возраст для замужества девушки - от 18 до 23 лет.

Мнения гагаузских мужчин и женщин относительно идеального брачного возраста не совпадали: женщины считали идеальным и для юношей, и для девушек более высокий брачный возраст (соответственно 23,8 и 20,6 года), нежели мужчины, отдававшие предпочтение более молодым возрастам, особенно в отношении брачного возраста девушек (соответственно 23,7 и 20,1 года). Эти тенденции были характерны как для горожан, так и для сельских жителей. Так, например, 20-21% городских и сельских женщин полагали, что наилучшим возрастом вступления в брак для девушки является 18-19 лет, а среди мужчин такого мнения придерживалось почти в два раза больше опрошенных (37%).

Таблица 3

Мнения гагаузов о наилучшем возрасте вступления в брак (число лет)

Наилучший средний возраст вступления в брак	1989 г.				2004 г.			
	Мнения женщин		Мнения мужчин		Мнения женщин		Мнения мужчин	
	Для девушек	Для юношей						
город	20,6	23,9	20,3	23,9	21,7	24,7	20,9	24,0
село	20,6	23,7	20,0	23,5	21,0	24,2	20,7	23,5
всего	20,6	23,8	20,1	23,7	21,3	24,4	20,8	23,7

В прошлом существовали вызванные главным образом сообщениями материального характера браки, в которых невеста была старше жениха. И в настоящее время в общественном мнении гагаузов допустимыми признаются браки, когда невеста старше жениха. Но доля таких мнений чрезвычайно мала (0,5% и 0,9% на селе и в городе).

15 лет спустя, к 2004 году, «идеальная» картина брачного возраста несколько изменилась в сторону его повышения, особенно для девушек – с 20,4 до 21,1 года, или на 0,7 года. В 2004 г. лишь 16% женщин полагали, что девушке лучше вступать в брак в возрасте 18-19 лет, и даже среди мужчин такого мнения

придерживалось уже лишь 22-23% городских и сельских жителей.

Для юношей идеальный брачный возраст тоже увеличился, но не так значительно – с 23,7 до 24,1 года, или на 0,4 года. По-прежнему, городские гагаузы считали наилучшим для заключения брака более высокий возраст (для девушек – 21,3 года, для юношей – 24,3 года), нежели сельчане (соответственно 20,9 и 23,9 года). Более активное повышение идеального брачного возраста для девушек, в сравнении с юношами, привело к сокращению идеальной разницы между полами по возрасту заключения брака с 3,3 года в 1989 г. до 3,0 года в 2004 г. Браки, в которых жена старше мужа, и сейчас не приветствуются большинством гагаузов: за них выступают лишь 0,3-2,1% опрошенных.

В 2004 г. сохранились различия во мнениях гагаузских мужчин и женщин относительно «идеала» брачного возраста: по-прежнему, женщины отдавали предпочтение более высокому брачному возрасту и для девушек, и для юношей (соответственно 21,3 и 24,4 года), в сравнении с мужчинами, понижавшими идеальные брачные возраста до 20,8 года для девушек и 23,7 года для юношей.

Идеальные представления о браке, возрасте брачных партнеров не всегда совпадают с реальностью: жизнь вносит свои коррективы. Фактический возраст вступления в брак у гагаузов, по результатам двух этнодемографических исследований 1989 и 2004 гг., оказался ниже идеального как среди женщин, так и среди мужчин, и в городе, и на селе. Наибольшие различия между идеальным и фактическим возрастом вступления в брак отмечены у мужского гагаузского населения. Если у женщин фактический возраст вступления в брак отличается от идеального на 0,3-0,5 года, то у мужчин разница идеального и фактического возраста достигает 0,6-1,2 года. За прошедшие между обследованиями 15 лет средний фактический возраст вступления в брак возрос на 0,5 года: с 21,3 года в 1989 г. до 21,8 года в 2004 г. При этом увеличение фактического возраста вступления в брак практически одинаково коснулось и женского, и мужского гагаузского населения. Так, за период 1989-2004 гг. он вырос у женщин на 0,7 года (с 20,0 до 20,7 года), а у мужчин – на 0,6 года (с 22,7 до 23,3 года). Соответственно незначительно изменилась и разница в фактическом среднем возрасте вступления в

брак между мужчинами и женщинами (2,7 года в 1989 г. и 2,6 года – в 2004 г.).

При более детальном анализе изменений, происходящих в возрастных показателях брачности у гагаузов, обнаружилось, что наибольшие перемены в средних фактических возрастных показателях вступления в брак произошли в городском женском населении и у сельских мужчин. За 15 лет средний фактический возраст вступления в брак у сельских гагаузок возрос на 0,5 года (с 20,0 до 20,5 года), а у горожанок эти изменения были более значительны – 0,9 года (с 20,0 до 20,9 года). В то же время сельские мужчины, в отличие от городских, стали позже вступать в браки: за 1989-2004 гг. средний фактический возраст вступления в брак у них вырос на 0,9 года (с 22,4 до 23,3 года), а у городских мужчин – лишь на 0,2 года (с 23,1 до 23,3 года) (табл. 4)

Таблица 4

Соотношение идеального и фактического возраста вступления в первый брак гагаузов (число лет)

	1989 г				2004 г.			
	Девушки		юноши		девушки		юноши	
	идеальный	фактический	идеальный	фактический	идеальный	фактический	идеальный	фактический
Город	20,5	20,0	23,9	23,1	21,3	20,9	24,3	23,3
Село	20,3	20,0	23,6	22,4	20,9	20,5	23,9	23,3
Всего	20,4	20,0	23,7	22,7	21,1	20,7	24,1	23,3

Что скрывается за этими средними показателями? Как свидетельствуют результаты исследований, существенно (в 1,5 раза) снизилась доля ранних браков (моложе 18 лет) – с 8,1% в 1989 г. до 5,4% в 2004 г. Если в 1989 г. каждая 7-ая живущая гагаузка, состоявшая в браке, выходила замуж до 18 лет, то в 2004 г. доля женщин, вышедших замуж до 18 лет, снизилась до 9,7% (каждая 10-ая). В 1989 г. среди всех замужних гагаузок было более 3/4 (77,4%) тех, кто вступил в брак до 22 лет, в 2004 г., как свидетельствуют результаты обследования, среди гагаузок было лишь 2/3 (65,5%) вступивших в брак до 22 летнего возраста.

2. Межэтнические браки

Этнические смешанные браки являются тем феноменом демографического поведения этнической группы, который возникает в условиях контактирования двух и более этносов, между которыми не существует отношений такой степени интолерантности, которая мешала бы сосуществованию и взаимодействию в различных областях общественной жизни, в т.ч. и в сфере брачных отношений.

Межэтнические браки, являясь результатом развития демографических и этнических процессов, «перекрестьем» демографической и этнической линий развития народа, оказывают определенное влияние на ход воспроизводственных процессов внутри этноса, определяя в известной мере воспроизводство численности какого-либо этноса на данной территории, в том или ином государстве (см. подробнее: Козлов, 1969; Сусоколов, 1990; Столярова, 2004). Стратегия выбора брачного партнера иной этнической принадлежности, в особенности для представителей малочисленных народов, каковым являются гагаузы – это шаг по пути «размывания», увеличения разнородности, этнокультурной мозаичности своей этнической группы, а позднее и возможной ее ассимиляции, когда потомки от подобных браков вынужденно прерывают этническую линию одного из родителей.

Кроме того, межэтнические браки являются мощным фактором, детерминирующим миграционное поведение гагаузов. Браки с представителями титульной национальности республики - молдаванами – могут снижать уровень потенциальной миграции, уменьшать ориентации на отъезд из страны проживания. И, напротив, браки гагаузов с лицами нетитульного народа, в особенности с русскими, могут в определенных ситуациях ускорять миграции подобных семей за пределы Молдавии, уменьшая тем самым численность гагаузов в районах их компактного проживания в Гагаузии.

Усилившиеся в последние десятилетия внешние миграции гагаузов, направленные главным образом в Россию, Турцию, Украину и другие страны ближнего и дальнего зарубежья, миграции молодых мужчин и женщин, зачастую еще не состоящих в браке, усиливают вероятность вступления в межэтнические браки в странах вынужденной миграции, а тем самым ускорения ассимиляционных процессов среди этой категории мигрантов и их потомков.

Особого внимания заслуживает и изучение динамики эндо-

гамных браков у гагаузов, ибо подобные браки играют значительную роль в самосохранении малочисленного этноса, усилении гомогенности его структуры, воспроизводстве его культуры и идентичности.

По данным переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. Молдавия занимала одно из первых мест в СССР по доле национально-смешанных семей, уступая в этом отношении лишь Латвии, Украине и Казахстану. От переписи к переписи этот показатель увеличивался: с 13,5% в 1959 г. до 21,0% в 1979 г. Города Молдавии превосходили по этому показателю города всех других республик: доля национально-смешанных семей в городском населении за период 1959–1979 гг. возросла с 26,9% до 36,0%, т.е. каждая третья семья в городах Молдавии была национально-смешанной. В селах этот показатель был значительно ниже, но и здесь Молдавия стояла на одном из первых мест, уступая в разные годы лишь Казахстану, Латвии и Киргизии. Правда, необходимо заметить, что при неуклонном росте доли национально-смешанных семей в Молдавии от переписи к переписи, темпы этого прироста неизменно снижались. Так, за период 1959-1970 гг. темпы прироста доли национально-смешанных семей составили 32,5 процентных пункта, а в период 1970-1979 гг. – только 17,3 процентных пункта.

Увеличение доли национально-смешанных семей в населении детерминировано множеством факторов. Не всегда это сопровождается увеличением межэтнической брачности. Свою особую роль в этом процессе играют и миграции населения. Активный миграционный прирост на тех или иных территориях смешанных или гомогенных в этническом плане семей или, напротив, миграционный отток семей разного этнического состава может приводить к росту или снижению доли национально-смешанных семей в том или ином государстве, при этом уровень межэтнической брачности может не меняться, или вектор развития процессов межэтнической брачности может не совпадать с направленностью изменений в доле национально-смешанных семей.

Одновременно с этим, анализируя динамику межэтнической брачности в целом, мы не можем четко разобраться в том, какие же факторы и в какой мере воздействуют на этот синтетический показатель, и только «разъяс» это целое на этнические составляющие, мы сумеем явственнее представить себе ход этого процесса и четче разграничить систему факторов, влияющих на него.

Таблица 5

**Доля национально-смешанных браков у национальностей Молдавии
среди всех заключенных в течение года браков (%)**

Этнические группы	1970 г.		1980 г.		2000 г.		2003 г.	
	Одно-национальные браки	Национально-смешанные						
молдаване	85,1	14,9	86	14	89,2	10,8	89,6	10,4
русские	44,5	55,5	42	58	29,7	70,3	25,9	74,1
украинцы	44,8	55,2	44	56	38,7	61,3	35,7	64,3
гагаузы	72,7	27,3	75	25	76,1	23,9	76,7	23,3
болгары	48,9	51,1	41	59	43,6	56,4	39,2	60,8
Всего по республике	67,9	32,1	72,8	27,2	77,6	22,4	78,2	21,8

Таблица 6

Этническая структура заключаемых браков в Молдавии (%)

Национальность супруга(и)	1970 г.						2000 г.						2003 г.					
	Молдаване	Русские	Украинцы	Гагаузы	Болгары	Итого	Молдаване	Русские	Украинцы	Гагаузы	Болгары	Итого	Молдаване	Русские	Украинцы	Гагаузы	Болгары	Итого
	Мужчины																	
молдаване	86	5	7	1	1	100	90	3	4	1	1	100	91	3	4	1	1	100
русские	25	43	24	2	2	100	40	31	20	3	3	100	43	26	20	4	3	100
украинцы	29	21	45	1	2	100	41	14	39	2	2	100	43	14	35	4	2	100
гагаузы	11	6	6	73	5	100	11	4	4	75	5	100	9	4	3	78	5	100
болгары	19	14	10	7	50	100	23	12	8	10	46	100	28	6	10	15	39	100
Женщины																		
молдаване	84	6	8	1	1	100	88	3	4	1	1	100	88	3	4	1	1	100
русские	21	46	24	1	2	100	38	29	18	3	3	100	42	26	19	4	2	100
украинцы	27	23	45	1	1	100	38	14	39	2	2	100	38	15	36	3	3	100
гагаузы	10	8	4	72	4	100	9	4	3	77	4	100	8	4	5	75	5	100
болгары	16	16	12	7	48	100	24	10	9	11	41	100	26	9	6	14	40	100

Материалы, предложенные читателю в табл. 5, дают представление о том, как неоднозначно развивались процессы межнациональной брачности у разных национальностей Молдавии в период 1970-2003 гг. В целом по республике доля национально-смешанных браков среди всех браков, заключенных в течение года, последовательно снижалась: с 32,1% в 1970 г. до 21,8% в 2003 г. Это снижение было детерминировано уменьшением доли межнациональных браков у основной, наиболее многочисленной титульной нации республики – молдаван: с 14,9% в 1970 г. до 10,4% в 2003 г. Такой же процесс снижения доли национально-смешанных браков в общем числе заключаемых в течение года браков был характерен и для гагаузского населения республики: здесь аналогичные показатели составили 27,3% и 23,3%. Правда, у гагаузов это снижение шло гораздо более медленными темпами, чем у молдаван: если за период 1970-2003 гг. сокращение доли национально-смешанных браков в общем числе заключаемых в год браков у молдаван составило 30 процентных пунктов, то у гагаузов в два раза меньше – лишь 15 процентных пунктов. Для остальных наиболее многочисленных национальностей Молдавии (русских, украинцев, болгар) характерна была противоположная тенденция - увеличение доли межнациональных браков. Наиболее стремительно эти процессы проходили у русского населения: если в 1970 г. каждый второй заключаемый брак у русских был национально-смешанным, что и так было очень высоким показателем и свидетельствовало о прорыве эндогамии, то в 2003 году уже каждые три брака из четырех, заключенных русскими, были межэтническими. У украинцев и болгар эти процессы шли примерно одинаковыми темпами, но немного медленнее, чем у русских.

Кто и с кем предпочитает вступать в межнациональные браки в Молдавии?

В 1970 г., как показывают материалы табл. 6, у молдавского населения абсолютно преобладали (среди заключаемых браков) однонациональные браки (84-86% у женщин и мужчин соответственно), в межнациональные браки молдаване, как мужчины, так и женщины, чаще всего вступали с украинцами (7-8%) и несколько реже с русскими (5-6%). То же преобладание гомогенных в национальном отношении браков наблюдалось и у гагаузов

(72-73%); в межнациональной брачности наиболее часто встречались брачные союзы гагаузов с молдаванами (10-11%), второе место у гагаузских женщин занимали браки с русскими мужчинами (8%), а у гагаузских мужчин – в равной мере с русскими и украинскими женщинами (6%).

У болгар наблюдалось равновесие между гомогенными и гетерогенными браками, с небольшим преобладанием смешанных браков у болгарских женщин. Наиболее часто заключаемыми в те годы межнациональными браками у болгарских мужчин и женщин были браки с молдаванами (16-19%) и русскими (14-16%).

Русское и украинское население Молдавии, в отличие от молдаван и гагаузов, чаще вступало в межнациональные союзы, нежели в однонациональные. Русские мужчины одинаково часто заключали брачные союзы с молдаванками и украинками, а русские женщины чаще вступали в брак с украинцами, нежели с молдаванами. У украинцев, как мужчин, так и женщин, чаще встречались брачные союзы с молдаванами, нежели с русскими.

Таким образом, делая общий вывод, можно было констатировать, что в межэтнической брачности, среди всех заключаемых в данный год браков у всех нетитульных народов советской Молдавии чаще встречались браки с молдаванами, наиболее многочисленным этносом республики. Исключение составляли лишь браки русских женщин, чаще заключаемые с украинскими мужчинами.

Спустя тридцать лет, к началу XXI века, этническая картина браков в Молдавии очень существенно изменилась. У титульного этноса республики, а также у гагаузов отчетливо проявилась тенденция к увеличению доли моноэтнических браков, у остальных национальностей Молдавии – к значительному росту доли межэтнических браков. Общей тенденцией для всех национальностей Молдавии было снижение доли браков, заключаемых с русскими. Уменьшение удельного веса браков с украинцами отмечалось практически у всех национальностей, кроме болгарских мужчин. Возросла доля браков с представителями титульной национальности у всех национальных групп Молдавии, кроме гагаузов. У болгарского населения, как мужчин, так и женщин, в структуре брачности возросла почти в два раза доля межнациональных брачных союзов с гагаузами.

Анализируя динамику национально-смешанных браков, заключенных в сельской местности и в городах Молдавии, особенно в таких крупных как столица, можно было увидеть четкую зависимость этого показателя у той или иной национальности от ее доли в составе этносоциальной среды: чем ниже доля определенной национальности в той или иной среде, и чем уже, следовательно, эндогамный брачный рынок, тем выше у этой национальности доля межэтнических браков. Так, скажем, в Кишиневе у молдаван, доля которых выше доли всех иных этнических групп, самый низкий удельный вес национально-смешанных браков. У гагаузов и болгар Кишинева, численность и соответственно доля которых в населении столицы минимальная, наблюдается самый высокий уровень межнациональной брачности. Если проанализировать степень распространения межнациональных браков у любой из этнических групп, проживающих в Молдавии, например, у титульной национальности по разным социальным средам, то обнаружится, что в сельской местности, где население более однородно в этническом отношении, где удельный вес молдаван выше, чем в городской местности и тем более в Кишиневе, доля межнациональных браков у молдаван будет самой низкой; в городах – чуть выше и, наконец, в столице, где доля молдаван в населении ниже, чем в селе и в городах в целом, удельный вес браков молдаван с другими национальностями среди всех браков, заключенных молдаванами в этом городе, будет самым высоким (табл. 7). Эти тенденции характерны для всех этнических групп Молдавии.

Если рассмотреть эти тенденции в перспективе за период 1970-2000 гг., то обнаружится, что вместе с понижением в населении Молдавии доли русского, украинского и болгарского населения у этих национальностей соответственно росла доля межнациональных браков, а у молдаван и гагаузов, чья доля в населении Республики Молдова за этот период возросла, снизилась и доля межэтнической брачности

Происходящие мощные изменения в динамике и структуре брачности у разных национальностей Молдавии детерминированы общим повышением моноэтничности населения республики, обусловленным целым рядом факторов, в числе которых наиболее значимыми выступают снижение рождаемости, идущее более быстрыми темпами у русского, украинского и болгарского насе-

Таблица 7

Доля национально-смешанных браков у национальностей Молдавии, в разных социально-этнических средах (среди всех браков, заключенных в течение года) (%)

Этнические группы	1970 г.			1980 г.			2000 г.		
	села	города	Кишинев	села	города	Кишинев	села	города	Кишинев
<i>мужчины</i>									
молдаване	8	31	31	7	25	24	5	18	18
русские	71	53	49	71	56	52	71	69	66
украинцы	47	62	75	49	64	74	48	70	76
гагаузы	21	35	82	17	37	84	17	40	96
болгары	41	64	85	53	69	92	42	66	98
<i>женщины</i>									
молдаване	10	34	34	9	30	28	5	23	23
русские	67	51	50	71	53	51	70	72	68
украинцы	47	62	75	44	63	72	48	70	77
гагаузы	20	37	86	19	36	87	15	38	97
болгары	42	67	83	50	69	89	47	71	98
<i>оба пола</i>									
молдаване	9	33	33	8	28	26	5	21	21
русские	69	52	50	71	54	51	70	71	67
украинцы	47	62	75	46	63	73	48	70	77
гагаузы	20	36	84	18	36	86	16	39	97
болгары	42	66	84	51	69	90	45	69	98

ления республики, безвозвратные миграции русского и другого славянского (украинцев, белорусов) населения за пределы Молдавии, начавшееся с конца 1980-х годов, а также проводимая в республике этноориентированная политика с приоритетом прав титульной нации.

Первый фактор – снижение рождаемости у русского, украинского и болгарского населения, происходящее на протяжении нескольких десятков лет темпами, превосходящими эти процессы у молдаван и гагаузов, и второй фактор – миграция русского и другого славянского населения за пределы Молдавии – привели к снижению доли молодежи вышеназванных национальностей в населении и, как следствие, к сужению однонационального рынка брачных партнеров у славянского населения в целом, ибо именно эта межнациональная брачность славянских народов составляла существенную долю в общей межэтнической брачности республики. И третий фактор – политика этноцентризма, стремление к созданию моноэтнического государства, когда становится «выгодным» быть представителем титульной национальности государства. Это не могло не привести к определенному увеличению числа браков нетитульного населения республики с молдаванами, когда альтернативой миграции из страны выступает стратегия на ассимиляцию, если не для самих брачных партнеров, то для их детей.

Остановимся подробнее на анализе межэтнической брачности у гагаузов. Нам удалось установить, что при неизменно снижающейся доле межэтнических браков в целом по Молдавии в рассматриваемый период (1970-2000 годы), удельный вес этнически смешанных браков у гагаузов тоже плавно сокращался. Но эта общая для гагаузского этноса тенденция по-разному проявлялась в различных этносоциальных средах республики. Так, в селах Молдавии, а вернее, Гагаузии (ибо именно здесь компактно проживает большинство гагаузского населения), где гагаузы составляли абсолютное большинство и этнический состав населения был однороден, эта тенденция обнаруживала себя наиболее ярко: с 1970 по 2000 гг. доля межэтнических браков у сельских гагаузов снизилась с 20% до 16% из числа всех заключенных гагаузами в течение года браков. Это было характерно как для мужского, так и для женского гагаузского населения. Снижение доли межэтнических браков у гагаузов в сельской местности

было детерминировано их более высоким уровнем рождаемости, в сравнении с другими этническими группами республики, и связанным с этим процессом расширения моноэтничного «гагаузского» брачного рынка.

В городах республики наблюдалась противоположная тенденция: наряду со снижением уровня межэтнической брачности у гагаузов в целом, у городских гагаузов доля этнически смешанных браков за указанный период выросла с 36% до 39% в общем числе заключенных гагаузами в течение года браков. И это явление было связано с полиэтничным составом населения городов Молдавии, где доля гагаузов была невелика и однонациональный брачный рынок был сужен, что способствовало (или вынуждало) заключению гагаузами этнически смешанных браков.

И, наконец, в столице республики – Кишиневе – наблюдалась та же тенденция, что и в городах республики, но многократно усиленная: за 1970-2000 гг. доля межэтнических браков у гагаузов Кишинева возросла с 84% до 97% среди всех заключенных гагаузами браков, т.е. в полиэтничном Кишиневе, где удельный вес гагаузов минимален, а следовательно, моноэтничный брачный рынок чрезвычайно узок, к началу XX века практически все гагаузы, жившие в столице республики, вступали в межэтнические браки (табл. 7).

У специалистов-этнологов, занимающихся проблемами межэтнической брачности, одним из важных вопросов был вопрос стабильности этнически смешанных семей. Одни ученые считали, что «поскольку межэтнические браки представляют собой позитивный опыт межнационального общения и в них вступают люди, лишённые националистических предрассудков, то они должны быть и являются более стабильными» (Столярова, 2004, с. 220).

Оппоненты этой точки зрения считают, что «этнически смешанные браки должны быть менее прочными, чем однонациональные, поскольку различия, связанные с этничностью, настолько велики, что рано или поздно они взорвут семейный коллектив изнутри» (Столярова, 2004, с. 220).

Не претендуя на решение этого спорного и сложного вопроса, детерминированного множеством факторов, внутренних и внешних, нам хотелось бы остановить внимание читателей на статистических и социологических выкладках по этой пробле-

ме на примере гагаузов и других этнических групп Молдавии (табл. 8).

Материалы ежегодного учета брачности и разводимости населения Молдавии за 1998-2000 гг. дали возможность показать соотношение браков и разводов этнически однородных и этнически смешанных пар. Допуская некоторую условность использования этих показателей, все же удалось выявить определенные закономерности: по всем этническим группам Молдавии (кроме русских) проявляется общая тенденция большей устойчивости однонациональных браков, в сравнении с этнически смешанными. Так, при самом низком в республике уровне разводимости однонациональных гагаузских союзов (314 разводов на 1000 браков), в этнически смешанных браках этот показатель возрастает до 549 у гагаузских мужчин и 688 у гагаузских женщин, состоявших в смешанных союзах.

У молдаван, уровень разводимости которых в однонациональных союзах близок к гагаузам (356 разводов на 1000 браков), в этнически смешанных союзах аналогичный показатель возрастает до 684 у женщин и 696 у мужчин. Схожие тенденции проявляются у болгар и украинцев, когда уровень разводимости этнически смешанных союзов оказывается в 1,5-2 раза выше уровня разводимости гомогенных в этническом плане браков.

Таблица 8

**Соотношение браков и разводов у этнических групп Молдавии
(на 1000 браков приходится разводов) (2000 год)**

Национальность мужа	Всего	Национальность жены				
		молдаванка	русская	украинка	гагаузка	болгарка
Всего	448	395	735	577	399	477
молдаванин	388	356	714	552	558	606
русский	776	717	812	754	703	564
украинец	596	613	688	475	833	571
гагауз	373	515	553	583	314	489
болгарин	487	671	465	600	618	331

У русских, живущих в Молдавии, наблюдается противоположная тенденция: при самом высоком уровне разводимости однопациональных русских брачных союзов (812 разводов на 1000 браков), в этнически смешанных браках этот показатель падает до 760 у русских мужчин и 704 у русских женщин.

«Русская составляющая» в любом этнически смешанном браке усиливает нестабильность этого союза, причем «мужская русская составляющая» еще в большей степени дестабилизирует брак, чем женская. Так, у гагаузских женщин, например, состоявших в браках с русскими мужчинами, на 1000 браков приходится 703 развода, в то время как в браках с другими этническими партнерами эти показатели разводимости ниже.

3. Разводы у гагаузов: мифы и реальность

Установки гагаузов на развод

Существует мнение, что брак у гагаузов – это очень стабильный и консервативный институт. Так ли это в действительности? Какие трансформации происходят в настоящее время с процессами брачности и разводимости у гагаузов? Обратимся вначале к материалам статистики, текущего учета браков и разводов, который на протяжении многих десятилетий ведется статистическими органами Молдавии.

По данным только последнего десятилетия, в этой сфере произошли серьезные изменения. Так, в последнее пятилетие XX века у гагаузских мужчин на 1000 браков приходилось 315 разводов, у женщин — 335. В начале XXI в. (2001-2005 гг.) в среднем в год на тысячу браков приходилось уже 668 разводов у мужчин-гагаузов и 715 разводов у гагаузских женщин, т.е. относительное число разводов выросло более чем в 2 раза за короткий отрезок времени.

Статистика — вещь лукавая, и опираясь только на эти цифры, трудно разобраться в происходящих процессах. Как известно, на уровень разводимости гагаузов большое влияние оказала трудовая миграция. Она, безусловно, приводит к фактическому распаду семей мигрантов, но здесь нужно учитывать и то обстоятельство, что далеко не все оформляемые гастарбайтерами разводы были фактическим расторжением браков. Довольно часто разводы (а за ними и смена фамилий разводящихся) являлись

лишь единственным способом вторичного выезда мигрантов за границу на заработки.

Но что же в действительности скрывается за этими цифрами? Изменилось ли в последнее время отношение гагаузов к стабильности семьи, к возможности разводов? Мы попробовали разобраться в этом с помощью материалов, полученных в ходе проведения этнодемографического исследования среди гагаузского населения Молдавии в 2004 г. В программу анкетирования этого исследования был включен вопрос, позволивший выяснить установки гагаузов на возможность расторжения брака. Вопрос формулировался следующим образом: «Как Вы считаете, следует ли сохранять семью, если отношения между супругами не сложились или разладились?». Были предусмотрены следующие варианты ответов: 1. «необходимо сохранять семью в любом случае»; 2. «необходимо сохранять, если в семье есть маленькие дети»; 3. «необходимо сохранять, если в семье есть несовершеннолетние дети»; 4. «нет, не следует сохранять».

С помощью этого вопроса мы попытались развеять или укрепить миф о том, что гагаузы не разводятся (или практически не разводились до недавнего времени) и в этом секрет высокой рождаемости и детности гагаузских семей.

Таблица 9

Установки на разводы у гагаузов Молдавии (%)

	Все население	Городское население	Сельское население
1. необходимо сохранять семью в любом случае	52	43	58
2. необходимо сохранять, если в семье есть маленькие дети	14	22	8
3. необходимо сохранять, если в семье есть несовершеннолетние дети	6	8	5
4. нет, не следует сохранять	24	23	25
5. другое мнение	2	3	2
6. нет ответа	2	1	2
Итого	100	100	100

Материалы, предложенные в таблице 9, дают представление об установках на развод как всего гагаузского населения, так и горожан и сельских жителей. Первый же взгляд на представленные данные приводит к шокирующему выводу: четверть опрошенного гагаузского населения, вне зависимости от того, живут ли они в городе или на селе, считают, что семью не следует сохранять, если отношения между супругами не сложились или разладились.

Сильной традиционной установкой на незыблемость семьи и необходимость сохранять ее в любом случае придерживаются только половина опрошенных гагаузов (52%). Но здесь различия между горожанами и сельскими жителями довольно велики: в селе людей, придерживающихся традиционной, консервативной установки на сохранность семьи, в 1,4 раза больше, нежели в городе (соответственно 58% и 43%) (табл. 9). Городское гагаузское население более склонно к компромиссам в решении вопроса о разводе. Вот почему среди горожан довольно велика доля тех, кто считает, что брак (семью) нужно сохранять, если в ней есть маленькие (или несовершеннолетние) дети. У городских гагаузов доля лиц, придерживающихся подобного мнения в 2,3 раза больше, чем на селе (соответственно 30% и 13%).

Таблица 10

Установки на разводы гагаузских мужчин и женщин (%)

	Все население		Село		Город	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
1. необходимо сохранять семью в любом случае	54	50	63	53	41	44
2. необходимо сохранять, если в семье есть маленькие дети	15	12	8	9	26	17
3. необходимо сохранять, если в семье есть несовершеннолетние дети	6	6	5	5	7	9
4. нет, сохранять не следует	21	27	20	30	23	23
5. другое мнение	2	3	2	1	2	5
6. нет ответа	2	2	2	2	1	2
Итого	100	100	100	100	100	100

Посмотрим, как различаются в своих установках на разводе мужское и женское гагаузское население. И здесь результаты шокируют. Женщины, традиционно хранительницы семьи, домашнего очага, в своих установках более радикальны, чем мужчины. Свыше четверти опрошенных гагаузок считают, что сохранять семью не следует, если отношения между супругами разладились, у мужчин такого мнения придерживается лишь пятая часть опрошенных. При этом установки на развод в селе встречаются у женщин в полтора раза чаще, чем у мужчин (30% против 20%), а в городе гендерных различий практически не наблюдается. Вероятно, в происходящих изменениях в значительной мере «повинна» трудовая миграция гагаузов. В традиционном патриархальном обществе гагаузская женщина в своем поведении руководствовалась сложившимися и устоявшимися общественными ценностями, нормами и стереотипами в большей мере, чем индивидуальной мотивацией. Общественное мнение гагаузов негативно реагировало на независимые жизненные стратегии женщин, касавшиеся как их брачного, репродуктивного, так и миграционного поведения. Традиционным, устоявшимся вариантом распределения ролей в семье было такое, когда мужчина обеспечивал семью, зарабатывая деньги, а женщина выполняла репродуктивные функции, начиная от рождения и воспитания детей и заканчивая ведением домашнего хозяйства. В настоящее время появляется все большее количество женщин, вынужденных, в силу разных причин, самостоятельно зарабатывать деньги и зачастую для этого участвовать в миграционном движении. Факторов, обуславливающих усиливающуюся феминизацию миграционных процессов, достаточно много, но особенно важно то, что усилилась трансформация гендерных ролей в обществе, в семье. Немаловажную роль играют и долгосрочные социально-демографические факторы. Активные безвозвратные миграции молодого поколения, главным образом мужчин брачного возраста, за пределы Молдавии, повышенная смертность мужчин повлекли за собой нарушение половозрастной структуры гагаузского населения, создали диспропорции в соотношении людей брачных возрастов в городе и на селе, что осложнило создание новых семей. Остающиеся в стране молодые женщины зачастую не могут вступить в брак из-за отсутствия подходящих брач-

ных партнеров, повышается удельный вес одиноких незамужних женщин, увеличивается количество детей, рожденных женщинами, не состоящими в браке, растет доля разведенных женщин, часто остающихся с детьми, мужа которых находят себе новую брачную пару в странах приема мигрантов, т.е. возрастает доля в населении неполных семей, возглавляемых женщиной, и, как следствие, семей с очень низким уровнем материального достатка, ибо единственным кормильцем в таких семьях выступает женщина. Все это вызывает и усиливает женскую миграционную составляющую, причем не только временной трудовой миграции, но и потенциала безвозвратной миграции, эмиграции, когда женщина, используя различные поведенческие стратегии, стремится остаться в стране приема на постоянное жительство. Многолетнее пребывание женщин вне дома, вне семьи рушит привычное мировоззрение женщин, меняет их моральные и этические установки и нормы поведения, в том числе брачного, трансформирует семейные ценности, разрушает саму семью.

Таблица 11

**Установки на развод гагаузов Молдавии
по возрастам (%)**

	16-29 лет	30-49 лет	50 и старше
1. необходимо сохранять семью в любом случае	40	61	63
2. необходимо сохранять, если в семье есть дети	22	19	15
3. нет, не следует сохранять	31	18	21
4. другое мнение	4	1	2
5. нет ответа	3	1	0
Итого	100	100	100

Резко различаются установками на развод гагаузы разных поколений. У молодежи (до 30 лет) установки на сохранение семьи в любом случае встречаются в полтора раза реже, нежели у лиц более старших возрастов.

Таблица 12

**Установки на развод гагаузов Молдавии
в зависимости от уровня образования (%)**

	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее и н/высшее
1. необходимо сохранять семью в любом случае	51	55	54	44
2. необходимо сохранять, если в семье есть дети	26	19	13	24
3. нет, не следует сохранять	20	21	28	29
4. другое мнение	0	3	2	3
5. нет ответа	3	2	3	0
Итого	100	100	100	100

Предсказуемым оказался результат дифференцированности установок на развод у гагаузов в зависимости от состояния в браке. Наиболее высоки традиционные установки на безусловное сохранение семьи у вдовых, лиц, лишившихся супруга в результате его смерти.

Таблица 13

**Установки на развод гагаузов
в зависимости от состояния в браке (%)**

	Все население			
	Холостые, незамужние	Состоящие в браке	Разведенные	Вдовы
1. следует сохранять семью в любом случае	43	56	27	75
2. следует сохранять, если в семье есть дети	24	18	14	14
3. не следует сохранять	26	23	50	11
4. другое мнение	4	2	0	0
5. нет ответа	3	1	9	0
Итого	100	100	100	100

У вдов и вдовцов примерно три четверти опрошенных высказались за сохранение семьи в любом случае. Это в значительной мере детерминировано и возрастными показателями, так как среди вдов и вдовцов преобладают люди старших возрастных групп. Прослеживается прямо пропорциональная зависимость установок гагаузов на развод от количества детей: чем больше детей в семье, тем большее количество опрошенных полагает, что семью следует сохранять в любом случае.

Таблица 14

**Установки на развод у гагаузов
в зависимости от количества детей (%)**

	Все население			
	нет детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более
1. следует сохранять семью в любом случае	39	45	58	64
2. следует сохранять, если в семье есть дети	17	23	19	15
3. не следует сохранять	39	29	20	19
4. другое мнение	5	1	2	1
5. нет ответа	0	2	1	1
Итого	100	100	100	100

Совершенно неожиданным для исследователей оказался результат, полученный по установкам на брак гагаузов, состоящих в однонациональных и этнически-смешанных брачных союзах. Четко выявляется потенциал большей стабильности национально-смешанных браков. Так, в этнически-однородных гагаузских союзах в 1,6 раза чаще встречается установка на развод, в сравнении с этнически смешанными брачными союзами гагаузов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что брачные установки, представления о возрасте вступления в брак, национальности будущего супруга, о разводах у гагаузов оказались

Таблица 15

**Установки на развод у гагаузов
в зависимости от национальности супругов (%)**

	Все население		Город		Село	
	однациональные браки	этнически-смешанные браки	однациональные браки	этнически-смешанные браки	однациональные браки	этнически-смешанные браки
1. необходимо сохранять семью в любом случае	54	67	37	52	61	89
2. необходимо сохранять, если в семье маленькие дети	16	9	33	15	8	0
3. необходимо сохранять, если в семье несовершеннолетние дети	5	5	6	6	4	3
4. не следует сохранять	24	14	23	17	25	8
5. другое мнение	1	5	1	10	0	0
6. нет ответа	0	0	0	0	2	0
Итого	100	100	100	100	100	100

довольно динамичными. Понесенные «репродуктивные утраты», относительно поздно проявившееся снижение уровня рождаемости и трансформации ценностей и норм демографического, в том числе брачного, поведения гагаузского населения являются собой результат взаимодействия стремительно изменяющихся социальных и этнокультурных факторов с традиционными социокультурными нормами гагаузского общества, которые под влиянием урбанизационных и миграционных процессов, роста образования населения, изменения материальных условий жизни, нового этнического окружения довольно быстро утрачивают свое значение, что отражается в общественном сознании гагаузского народа.

Литература

- Бакурский С.В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. Кишинев, 1984.
- Вишневский А.Г. Демографический кризис в странах СНГ // Демоскоп Weekly. 2005. № 197-198.
- Воспроизводство населения СССР. М., 1983.
- Захаров С. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке: территория, расселение, миграции. М., 2005.
- Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969.
- Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1975.
- Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
- Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905.
- Перепись населения 2004. Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики.
- Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М., 2007.
- Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань, 2004.
- Сусоколов А.А. Национально-смешанные браки и семьи в СССР. М., 1990.
- Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

**РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ МОСКВЫ
В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КОНТАКТЫ БЕЗ КОНФЛИКТОВ.**

Рост иноэтничной миграции и усиление межнациональной напряженности в российской столице в последние годы повысили интерес к вопросам развития межэтнического взаимодействия в Москве, как со стороны журналистов, политиков, ученых, так и рядовых москвичей. В средствах массовой информации с пугающим постоянством стали озвучиваться факты некорректного поведения людей разной этнической принадлежности по отношению друг к другу, в том числе примеры ущемления интересов и прав этнических меньшинств, вплоть до применения к ним физического насилия. Общим местом стало обвинение в отсутствии толерантных чувств к представителям иных народов русской столичной молодежи, что, на наш взгляд, не всегда верно.

В период советской власти для многих молодых москвичей вопрос этнической принадлежности вообще не стоял. Мало того, молодежь 1950-1970-х годов в условиях «железного занавеса» с огромным интересом относилась к иноэтничной культуре, к жизни населения других стран. Школьники и студенты с негодованием воспринимали информацию об угнетении негров в Америке, сочувствовали голодающим Индии и стран Африки, с энтузиазмом распевали песни о Че Геваре и т.п. Воспитанные с детского сада на идеях интернационализма и дружбы народов, столичные юноши и девушки в своем большинстве воспринимали представителей всех живущих в Союзе национальностей в качестве равноправных граждан общей большой страны. Конечно, отношение к людям той или иной этнической принадлежности было неодинаковым, сказывалось и влияние прошлых представлений и установок, и этнокультурные различия, и особенности в социально-экономических позициях людей и т.п. Но при этом жители Москвы, численно доминирующие в своем городе, нередко лояльнее относились к представителям иной национальности, нежели русские, живущие в союзных и автономных республиках, главным образом, из-за заметной разницы в социальном статусе и об-

разовательном уровне местного русского и титульного населения последних.

После распада Союза ситуация кардинально изменилась. Для нынешней столичной молодежи, социализация которой проходила уже в постсоветское время, жители Молдовы или Узбекистана превратились из бывших «братьев» в иностранцев, мало того, - в представителей бедных стран, что в условиях небывало возросшей значимости богатства как жизненной ценности, особенно в относительно зажиточной Москве, несомненно, отразилось на восприятии молодыми москвичами выходцев из большинства стран нового зарубежья. В этом направлении действовало и резко усилившееся имущественное расслоение населения, крайне резко и болезненно проявившееся в российской столице. На этом фоне значительное расширение в конце 1990-х – начале 2000-х годов притока в Москву инациональных мигрантов спровоцировало заметное охлаждение со стороны москвичей как к приезжим, в особенности не русским, так и к людям иной этнической принадлежности.

Многочисленные исследования, посвященные проблемам миграции и ее влиянию на межэтническую ситуацию в столице и других крупных российских городах, убедительно показали рост негативного отношения москвичей к лицам не русской национальности. Были выделены этнические группы, вызывающие наибольшее неприятие у столичных жителей, изучены факторы, формирующие «образ врага» у русских и представителей других этнических групп и т.д.

В данной статье проблема рассматривается в несколько ином ракурсе, делается попытка осветить, прежде всего, вопросы поведенческого плана. Предполагается выявить наличие и характер реальных контактов молодых русских москвичей с людьми других национальностей в различных сферах жизнедеятельности, а также восприятие ими этих контактов и ориентацию на них.

В основу анализа были положены данные опроса столичных жителей русской национальности, имеющих срок проживания в Москве не менее 10 лет, проведенного в 2006 г. (опрошено 300 человек), а также русской молодежи от 16 до 30 лет (учащихся школ, студентов вузов и работающих), осуществленного осенью 2008 г. (опрошено 500 человек). Для сравнения были привлечены материалы исследования русских москвичей 1997 г.

Сфера труда

Наиболее широкими межэтническими контактами отличается сфера труда. Согласно итогам опроса 2006 г., более 60% москвичей работало или училось в многонациональных коллективах (табл. 1). Если учесть, что доля этнических меньшинств в составе трудовых ресурсов столицы (по данным переписи 2002 г.) не превышала 15%, этот показатель выглядит достаточно солидным. Особенно часто в межэтнические контакты вступали представители возрастной группы 30-49 лет. Но и для тех, то был моложе, они оказались достаточно характерны – в мононациональной среде работало и училось лишь около трети русской молодежи.

Таблица 1

Люди иной этнической принадлежности среди коллег по работе и учебе, %

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше (работающие)
1. есть	65	60	75	58
2. нет	29	31	21	35
3.затруднились ответить	6	9	4	7
Итого	100	100	100	100

Хотелось бы особо отметить тот факт, что сферы подготовки кадров и труда оказались не только полиэтничными, но и относительно мало конфликтными. Хотя люди далеко не всегда имеют возможность выбирать себе коллег по работе или учебе по своему усмотрению, национальный состав сотрудников, согласно данным многих исследований, в том числе и нашего, редко вызывает серьезные возражения, как со стороны русских, так и представителей других народов (Русские, 1992, с. 419). Подавляющее большинство респондентов удовлетворено отношениями в трудовых (учебных) коллективах. И русская молодежь в этом отношении не стала исключением.

Мало того, среди русских оказалось немало тех, кто отдал предпочтение работе с представителями иной национальности. Хотя основная часть москвичей (свыше 60%) высказала желание иметь коллегами русских (табл. 2), наряду с ними в качестве вполне подходящих кандидатур назывались и представители других этнических

общностей, чаще всего украинцы, евреи и татары. Исключительно в русском коллективе хотела бы работать лишь треть респондентов.

Заметим также, что по сравнению с 1997 г. характер этнических предпочтений русских москвичей в сфере труда несколько изменился в сторону большего многообразия. Доля считавших, что национальный состав трудового коллектива не имеет значения, не слишком возросла, но и не уменьшилась, составив в 1997 г. 23%, а в 2006 г. – 25%, процент же выбравших в качестве коллег по работе не только русских, но и людей других национальностей вырос – с 42 до 61%.

Наиболее этнически толерантными выглядели москвичи 30-49 лет. В их составе было не только сравнительно много людей, назвавших в качестве желаемых трудовых партнеров, наряду с русскими, представителей другой национальности, но и примерно каждый десятый вообще не упомянул русских в качестве «напарников», выбирая лиц иной этнической принадлежности.

Таблица 2

Предпочтения людей той или иной этнической принадлежности в качестве коллег по работе (учебе), %

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
А. предпочитают работать с:				
Русскими	65	62	61	72
Украинцами	15	10	21	12
Евреями	9	5	13	7
Татарами	6	9	6	4
Армянами	3	2	4	4
Грузинами	2	2	2	2
Чеченцами	1	2	1	0
Азербайджанцами	0	0	0	0
Таджиками	0	0	0	0
Узбеками	0	0	0	0
Молдаванами	0	0	0	0
Людьми другой национальности	1	2	0	0
2. национальность безразлична	25	28	27	19
3. затруднились ответить	6	9	3	7

Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.

Важно, что и русская молодежь по своим ориентациям приближалась к этой возрастной группе, чаще проявляя положительный настрой на межэтническое общение в сфере труда и образования, нежели люди старшего возраста (50 лет и старше). Особенно заметной была разница между крайними возрастными группами в доле высказавших безразличное отношение к национальному составу трудового коллектива (28% у 18-29-летних против 19% у пожилых).

Эти различия во многом базировались на более негативной, чем у молодежи, реакции москвичей старшего возраста на иноэтническую миграцию. В то же время людей не русской национальности, давно живущих в российской столице, старшее поколение воспринимало достаточно лояльно. Можно высказать и другое предположение – молодые люди, вышедшие из нерусской среды и оказавшиеся в Москве, были слабее втянуты в свою традиционную культуру, скорее и полнее усваивали новые стандарты поведения и адаптировались к новым условиям жизни. В молодежной среде, где они чаще всего общались, они находили много общего со своими русскими сверстниками, что влияло и на этнические ориентации последних.

Более спокойно, по сравнению с пожилыми, молодые москвичи относились и к национальности руководителя трудового коллектива, хотя в этом случае ее значение возрастало (табл. 3). Почти треть 18-29-летних считали, что национальность руководителя (работодателя) не имеет значения или называли в качестве вполне приемлемого варианта представителей других народов. Среди русских старшего возраста подобного мнения придерживалось менее четверти.

В целом, хотелось бы подчеркнуть, что отношения в трудовых коллективах определялись, прежде всего, деловыми качествами работников, а не их этнической принадлежностью. Как говорили нам москвичи во время интервью, если армянин является хорошим зубным врачом, его национальность не волнует ни его клиентов, ни его коллег. Но, если он недостаточно квалифицированно выполняет свои профессиональные обязанности, о нем могут сказать: он плохой врач, потому что армянин.

Таблица 3

**Предпочтения людей той или иной этнической принадлежности
в качестве непосредственного начальника, работодателя, %**

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
1. предпочитают:				
Русского	68	62	69	71
Еврея	2	2	3	1
Украинца	2	0	3	2
Татарина	1	1	1	0
Армянина	1	2	0	1
Грузина	1	2	0	2
Азербайджанца	0	0	0	0
Чеченца	0	0	0	0
Таджика	0	0	0	0
Узбека	0	0	0	0
Молдаванина	0	0	0	0
Человека другой национальности	1	2	2	0
2. национальность безразлична	21	22	25	17
3. затруднились ответить	8	14	5	8

Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.

Большое влияние на характер межэтнического взаимодействия в трудовых коллективах оказывала острота там конкурентной ситуации, наличие или отсутствие привилегий в карьерном росте для лиц тех или иных национальностей. Важно, что в настоящее время русские москвичи не чувствовали себя ущемленными в сфере труда и образования по этническому признаку (табл. 4). В этом отношении перемены во взглядах русского населения, произошедшие за последние 10 лет, оказались достаточно впечатляющими. Так, в 1997 г. на вопрос анкеты, имеют ли какие-либо преимущества при занятии высокооплачиваемых, престижных должностей люди тех или иных национальностей, ответ «преимуществ не имеет никто» был получен лишь от 15% русских. Более трети отдало приоритет евреям и только 8% русским. К середине первого десятилетия 2000-х гг. ситуация изменилась. Лагерь сторонников «равных возможностей» расширился в полтора раза, достигнув 24%, а доля москвичей, считавших, что русские,

наряду с некоторыми другими национальностями, имеют те или иные привилегии в социальном росте, возросла втрое.

Евреи, хотя и остались на лидирующих позициях, уже не столь резко, по мнению опрошенных, «опережали» русских. Но на их место, по мнению москвичей, стали претендовать грузины и армяне. Представители же других этнических общностей Москвы, как раньше, так и теперь, назывались в числе людей, обладающих большими шансами получить высокую должность и зарплату, сравнительно редко.

Показательно, что горожане старшего возраста, многие из которых уже были на пенсии и, отвечая на данный вопрос, экстраполировали свой прошлый трудовой опыт на нынешнее время, особо выделяли евреев. По оценкам же москвичей из средней возрастной группы, евреи уже не слишком опережали русских в шансах социальной мобильности. В то же время русские среднего возраста придерживались достаточно высокого мнения о мобильности грузин.

Таблица 4

Мнения москвичей о преимуществах в карьерном росте у людей той или иной этнической принадлежности, %

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
1. преимущества имеют:				
Евреи	33	34	31	37
Русские	27	19	27	30
Грузины	14	15	18	10
Армяне	13	21	15	7
Татары	5	3	6	5
Азербайджанцы	3	0	5	2
Украинцы	2	2	1	2
Чеченцы	2	2	2	2
Таджики	0	0	0	1
Узбеки	0	0	0	0
Молдаване	0	0	0	0
Люди другой национальности	1	0	1	1
2. преимуществ не имеет никто	24	23	27	22
3. затруднились ответить	24	26	23	23

Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.

Московская молодежь продемонстрировала несколько меньшую уверенность в перспективах социального роста людей своей национальности. Так, доля юношей и девушек, отметивших преимущества русских при занятии престижных высокооплачиваемых должностей, оказалась ниже не только по сравнению с данным показателем в старших возрастных группах, но и с относительной численностью людей, отдавших «пальму первенства» евреям и армянам, среди самой русской молодежи. Очевидно, что этот фактор стал одним из звеньев в цепи причин, препятствующих укреплению чувства этнической толерантности у молодых москвичей. И имел он вполне объективную основу. Понятно, что человек, только начинающий свою трудовую карьеру, испытывает гораздо больше трудностей в борьбе за «место под солнцем», нежели представители «соседней» возрастной группы, уже имеющие необходимые трудовые навыки и опыт, занявшие определенные трудовые ниши. Вступающие же на трудовой путь должны были не только успешно конкурировать с более опытными коллегами своей этнической принадлежности, но и с молодежью, хлынувшей в Москву из других регионов.

Обобщая данные о межэтнических контактах русской молодежи в сфере труда и образования, еще раз обратим внимание на следующие цифры: 60% русских юношей и девушек учатся или работают в полиэтничных коллективах, среди них около 80% удовлетворены отношениями, складывающимися с коллегами, 55% хотели бы или были согласны работать (учиться) вместе с представителями других народов, около трети готовы иметь в качестве своего непосредственного руководителя человека иной этнической принадлежности, более 40% не ощущают какого-либо давления со стороны работников не русской национальности при осуществлении своей трудовой карьеры. Конечно, приведенные показатели нельзя назвать оптимальными. Но и говорить на их основании о низком уровне этнической толерантности у молодых русских москвичей вряд ли возможно.

Дружеские и соседские контакты

Если коллег по работе чаще всего не выбирают, то состав друзей определяется исключительно предпочтениями и интересами самого человека. И в этом случае шовинизм русских, если бы он был, мог бы проявиться во всей полноте. Между тем, половина

русских москвичей в молодом и среднем возрасте (до 50 лет) имели друзей иной этнической принадлежности (табл. 5). Напомним, что доля не русских в Москве по данным переписи 2002 г. была на уровне 15%, другими словами, при желании русская молодежь могла бы без труда найти себе круг общения, состоящий из лиц своей национальности.

Хотелось бы отметить определенную связь между наличием у москвичей друзей из иной этнической среды и отношением к инонациональной миграции. Хотя друзья разной этнической принадлежности присутствовали и у тех москвичей, кто относился к инонациональным мигрантам положительно и безразлично, и у тех, кто воспринимал их крайне негативно, во втором случае доля имеющих в составе ближайшего дружеского окружения людей не русской национальности, снижалась. Так, если среди горожан, безразлично реагирующих на иноэтничную миграцию, около 70% имело друзей из среды этнических меньшинств, то в составе оценивающих этот процесс отрицательно – треть. Как видно, отношение к мигрантам, хотя и было значимым фактором при выборе человеком друзей, оно далеко не всегда и не для всех становилось решающим.

Многие русские москвичи определяли свое отношение к представителям этнических меньшинств даже вне зависимости от того, приезжие те или местные, или к какой этнической группе относятся, а от тесноты и характера личных контактов с ними, позволяющих позиционировать человека в качестве «своего» или «чужого». По словам одного из наших молодых респондентов, он терпеть не может «кавказцев», но на Гиви это отношение не распространяется, так как это его друг, он в его «команде», в его «тусовке», он «свой».

Таблица 5

**Люди иной этнической принадлежности
среди близких друзей, %**

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
1. есть	45	50	51	35
2. нет	53	47	48	63
3. затруднились ответить	2	3	1	2
Итого	100	100	100	100

Нередко такой «Гиви» был не просто другом, но и соседом по дому, подъезду, лестничной площадке. Доля русских горожан, чьи соседи были не русскими, оказалась довольно солидной - около 60% (табл. 6), и это при том, что, по официальным данным, инонациональное население составляет в Москве, как уже говорилось, сравнительно небольшую величину, а мигранты предпочитают селиться рядом со своими земляками.

Таблица 6

Люди иной этнической принадлежности среди соседей, %

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
1. есть	56	57	60	53
2. нет	41	41	37	44
3. затруднились ответить	3	2	3	3
Итого	100	100	100	100

Показательно, что соседство людей иной этнической принадлежности русские москвичи воспринимали весьма индифферентно, даже если это были приезжие. Правда, никто не отнесся к нему положительно, но и доля отрицательных оценок была невысокой. Однако, нельзя не отметить, что значимость этнической принадлежности соседей для старожилов столицы оказалась актуальной (табл. 7).

Таблица 7

Отношение к соседям иной национальности, %

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и ст.
1. положительное	0	0	0	0
2. безразличное	38	39	48	26
3. отрицательное	23	14	14	37
4. в зависимости от национальности соседа	34	38	34	32
5.затруднились ответить	5	9	4	5
Итого	100	100	100	100

Желание или нежелание иметь соседей из числа людей нерусской национальности довольно заметно варьировало в зависимости

ти от возрастного фактора. Если в младшей и средней возрастных группах относительная численность русских, негативно воспринимавших соседей из иной этнической среды, составляла чуть более 10%, то среди пожилых людей она достигала почти 40%.

Болезненное восприятие пожилыми москвичами не русских соседей во многом можно объяснить, помимо других факторов, их более частыми бытовыми контактами. Понятно, что неработающие горожане чаще сталкивались в быту с людьми, живущими по соседству, с кругом их друзей и родственников, наблюдали особенности их обычаев, поведения, которые многим не нравились и даже раздражали. Горожане же молодого и среднего возраста, основное время проводящие вне дома, часто вообще не знали своих соседей и мало интересовались ими.

Межэтнические контакты в семейно-бытовой сфере

Одним из важнейших показателей отношения друг к другу людей разной этнической принадлежности могут служить их ориентации на этнически смешанные браки. В этом случае представители различных культур вступают в наиболее тесные контакты, происходит процесс заметного межкультурного взаимодействия. Многим это видится достаточно болезненным. Ведь, чтобы принять в свою семью человека иной национальности, культуры, веры, необходимо переступить через многие условности и стереотипы, выйти на более высокий уровень сознания. Все это гораздо сложнее, чем иметь позитивный настрой на работу в многонациональном коллективе или, например, на соседей из Таджикистана.

Согласно данным этносоциологических опросов прошлых лет, русским, в отличие от ряда других титульных народов постсоветского пространства, в особенности приверженцев ислама, было присуще толерантное отношение к бракам своих близких с людьми иной этнической принадлежности. В конце 1980-х гг. более 60% русских в российских городах и свыше половины в столицах бывших союзных республик считало, что национальность в браке не имеет значения. Это мнение имело и практическое выражение. В книге «Русские», в частности отмечалось, что «число смешанных браков с участием русских оказывается зачастую ближе к теоретической вероятности, чем смешанные браки другого национального состава» (Русские, 1992, с. 191, 419).

В постсоветские годы ситуация в Москве заметно изменилась, в чем существенную роль сыграл неконтролируемый приток в столицу иноэтничных мигрантов. Казалось бы, пополнение «постаревшего» московского населения приезжими, среди которых немалую часть составляют молодые энергичные мужчины, должно было позитивно сказаться на «брачном рынке».

Таблица 8

Отношение москвичей к межнациональным бракам, %

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
1. считают брак нежелательным	27	24	18	39
2. предпочли бы человека своей национальности, но возражать бы не стали	47	41	59	40
3. считают, что национальность не имеет значения	23	29	21	19
4. затруднились ответить	3	6	2	2
Итого	100	100	100	100

Однако, реальные последствия оказались несколько иными. С одной стороны, негативное отношение к нерусским мигрантам значительной доли русских москвичей, обострение межэтнической ситуации в городе, ухудшили восприятие горожанами людей иной этнической принадлежности вообще и в качестве брачных партнеров, в частности. С другой, – несмотря на более лояльное мнение русских женщин об иноэтничных приезжих, сами мигранты далеко не всегда стремились к официальным бракам с москвичками. При этом гражданских союзов было достаточно много, особенно между «новыми» хозяевами различных торговых точек, складов, предприятий бытового обслуживания и т.п. и их наемными работницами из местных жителей. Препятствием же для того, чтобы узаконить эти отношения, нередко служили уже имеющиеся у мужчин на их родине семьи, ради поддержки которых они и приезжали в Москву, конфессиональные различия, резко отрицательный настрой на подобные браки старшего поколения москвичей и т.д.

По данным нашего опроса 2006 г, основная масса русских относилась к межэтническим бракам с определенной долей скеп-

тицизма, но и не отрицала их категорически (табл.8). Доминировал ответ: «предпочел бы человека своей национальности, но возражать бы не стал». Доля этнически толерантных людей, ответивших, что национальность в браке не имеет значения, в целом по массиву оказалась примерно такой же, как и процент тех, для кого браки их близких с представителями иной этнической принадлежности были полностью нежелательными (в пределах четверти).

Важно, что среди людей сравнительно молодого возраста негативные взгляды на этнически смешанные союзы получили несколько менее широкое распространение, нежели среди пожилых. Относительная численность москвичей, для которых национальность брачного партнера была безразличной, и среди молодежи, и среди людей 30-49 лет была ниже доли тех, кто имел на этот счет противоположное мнение.

Опрос 2008 г. выявил, что сфера межэтнического взаимодействия в Москве стала развиваться более позитивно. За прошедшее, хотя и небольшое время, влияние основного раздражающего москвичей фактора – непредсказуемой и нерегулируемой массовой миграции в Москву инонационального населения, начало снижаться. Приезжие заняли свои трудовые «ниши», стали приспосабливаться к новой среде, пытаясь учитывать и претензии к ним москвичей, а те, в свою очередь, - привыкать к этническому многообразию своего города, к продавцам – азербайджанцам, дворникам – таджикам, строителям – молдаванам и т.п. Почти в полтора раза повысилась доля русской молодежи, позитивно воспринимающей браки с людьми не русской национальности, а относительная численность тех, кто выступал против подобных союзов, снизилась.

Принципиально важно, что молодые москвичи не только сравнительно более спокойно относились к людям иной этнической принадлежности в качестве брачных партнеров, нежели представители старшего поколения, но и реализовывали это отношение на практике. Согласно опросу Ю.В. Арутюняна, среди русских 18-29 лет 14% людей имели супруга (супругу) не русской национальности. Хотя в целом эту цифру трудно назвать достаточно солидной, она превышала соответствующий показатель и у москвичей среднего (9%), и пожилого возраста (6%) (Арутюнян, с. 53). По сведениям официальной статистики в 2004 г. среди всех

родившихся у русских женщин Москвы детей почти пятая часть была рождена от не русских отцов (Естественное движение населения города Москвы, 2005).

Итоги нашего опроса показали также, что межэтнические семейные связи у молодых людей выглядели довольно широкими. Почти 40% москвичей в возрасте 18-29 лет имели родственников иной этнической принадлежности (табл. 9).

Таблица 9

**Люди иной этнической принадлежности
среди родственников, %**

Варианты ответа	Всего	Возраст		
		18-29	30-49	50 и старше
1. есть	25	36	21	22
2. нет	73	64	75	77
3. затруднились ответить	2	0	4	1
Итого	100	100	100	100

В заключение этого раздела можно сделать основной вывод о том, что значительная часть русских столичных жителей, в том числе немало молодежи, не испытывает к людям иной этнической принадлежности особого недоброжелательства и агрессивных чувств, продолжая и расширяя контакты с ними как в сфере труда, так и в быту. Межэтническое общение у русских юношей и девушек можно назвать достаточно массовым. По итогам опроса 2008 г. более 50% среди них ежедневно или очень часто контактировали с представителями не русской национальности и около 40% – изредка. Лишь каждый десятый не имел таких контактов.

Принципиально важно, что на вопрос анкеты: «Какие чувства у Вас вызывает общение с людьми других национальностей?», почти половина респондентов ответила, что главное в общении не национальность человека, а его личные качества, у четверти молодых людей подобное общение вызывало интерес, желание поближе познакомиться с иной культурой. Примерно для пятой части было важно, какой именно национальности человек и лишь менее 10% ощущали при общении с выходцами из чужой этнической среды неприязнь и раздражение. На наш взгляд, это достаточно выразительные цифры, показывающие, что в реаль-

ной жизни, при реальном общении русская молодежь вполне адекватна и этнически толерантна, хотя в своих ориентациях и предпочтениях часть ее может отдавать пальму первенства людям своей национальности, как, кстати, и представители многих других народов.

В то же время, как было видно, москвичи, в том числе и молодые, продолжают дифференцированно относиться к представителям разных этнических общностей, одни воспринимаются ими вполне доброжелательно, другие – крайне негативно. Интересно в связи с этим привести в качестве примера ответы одного молодого человека – члена РНЕ, который в весьма агрессивной форме говорил о «кавказцах», особенно чеченцах, но на вопрос о том, кто для него «свой» назвал, помимо русских, (при полной свободе выбора) татар и украинцев.

Даже те молодые москвичи, которые имели ксенофобные установки по отношению к лицам определенных национальностей (прежде всего, к азербайджанцам и чеченцам), отвечая на вопрос о присущих представителям этих народов качествах, нередко отмечали не только отрицательные, но и положительные черты. Например, о чеченцах говорили, что они ведут правильный образ жизни, верны своим внутренним законам и традициям, что они смелые, сплоченные, радушные, щедрые, верные, любят свои семьи и свой народ, имеют чувство долга и честь, уважают старших, хорошие друзья и т.п. Подобные ответы встречаются почти в каждой второй анкете. Признание этих качеств русскими юношами и девушками может служить определенным показателем того, что налаживание отношений между молодежью разной этнической принадлежности возможно даже в тех ситуациях, которые сейчас считаются неразрешимыми.

Литература

- Арутюнян Ю.В. Москвичи глазами этносоциолога. М., 2006.
Естественное движение населения города Москвы. № 62. М., 2005.
Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.

ТРАДИЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННОЙ УБЫЛИ НАСЕЛЕНИЯ

Как с научной, так и с практической точек зрения важно проследить, как происходил отбор тех или иных элементов питания, методов обработки продуктов и их потребления. Результаты подобных исследований могут служить основой ретроспективного анализа условий жизни и питания населения в различных регионах. Проблему традиционных напитков в связи с феноменом мужской «сверхсмертности» в России представляется целесообразным рассматривать прежде всего в этноэкологическом ракурсе. По В.И. Козлову, «этническая экология – научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнической антропологией и этнической демографией. Она ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социокультурных условиях их обитания, а также влияния сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем» (Козлов, 1987). Представляется, что изучение питания (и напитков, как его элемента), является частью всех перечисленных задач, которые поставлены В.И. Козловым перед этнической экологией.

В своей ставшей уже классической монографии «Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы» В.И. Козлов обращает внимание на необходимость решения актуальных жизненных проблем: «в этом случае особенно возрастает значение этнической экологии, которая призвана включить в круг своих задач изучение всей системы материального обеспечения жизни, скажем от обработки пашни до выпечки хлеба и оценки влияния его потребления на жизнь людей» (Козлов, 1994, с. 80).

Что касается зависимости традиционного питания от специфики использования этносами природной среды, то наиболее четко она проявлялась в первобытном обществе как на стадии

охоты и собирательства, так и на начальной стадии земледелия и животноводства, когда использовались растения и животные, распространенные в местной флоре и фауне (Козлов, 1977, с. 204). В старину на Руси пили те напитки, которые готовили в семьях. Так как большая часть территории древней Руси была покрыта лесом, богатым дикими пчелами, люди занимались бортничеством. За столом главным алкогольным напитком был мед – древнейший и любимый напиток всех славянских племен. Мед был первым напитком и делался столь крепким, что «от него упивались, как от водки. Великая княгиня Ольга, будучи у древлян (945 г.) повелела жителям Искоростеня приготовить для нее меду, коим она хотела угостить их самих. Это свидетельствует о том, что мед был в изобилии и варился при первой надобности» (Терещенко, 2008, с. 51).

Многие иностранцы удивлялись искусству приготовления медов, их крепости и разнообразию. Меды были «вишневый, смородиновый, можжевеловый, сборный, приварный, красный, белый, белый паточный, малиновый, черемуховый, старый, вешний, мед с гвоздикой, княжий и боярский» (Терещенко, 2008, с. 52). Из хлеба готовили квас, в который также иногда добавляли мед. Показательно, что бортничество очень редко, но все же встречалось у восточных славян еще в конце XIX – начале XX вв. Об этом в своем энциклопедическом труде, посвященном восточнославянской этнографии, пишет Дмитрий Зеленин: «Древние *бортни*, т.е. пчелиные улья в расположенных на большой высоте дуплах деревьев, в наши дни встречаются очень редко. Ранней весной пчеловоды осматривают южные лесные опушки, разыскивая в тающем снегу отбросы, которые дикие пчелы (белорус. *слепгат*) выкидывают в это время из расположенных в дуплах жилищ. Найдя по этому признаку пчелиное гнездо, они вырезают его и несут домой. Реже пчеловоды ставят в этих случаях на бортъ свою *тамгу*¹ (севрус.) и каждую осень выбирают из дупла соты... Если же хотят устроить в деревне искусственную бортъ, обрубают его вершину: такое дерево (так называемый севрус. *верхоруб*) становится толще, а кроме того это одновременно служит знаком, что никто не вправе его срубить» (Зеленин, 1991, с.108).

1 Клеймо, знак, штемпель; рукоприкладный знак татар, башкир, а местами и русских (Даль, 1980, с. 389).

После переселения в Закавказье, там, где были подходящие условия (в горах, вблизи лесов и ручьев), русские крестьяне как и у себя на родине, продолжали заниматься пчеловодством и борничеством. В Ленкоранском уезде в лесных предгорьях и той части лесисто-берегового района, где имелись лесные насаждения, нередко можно было встретить пасеки, состоящие из 100 и более ульев (Очерк..., 1914, с. 81, 121). П. Надеждин писал, что духовоборцы, следуя русской традиции, на Спасов день (16 августа) охотно угощались медом из закавказских пчельников, как некогда лакомились им в липовых лесах под Тамбовом (Надеждин, 1869, с. 306).

В Шемахинском и Геокчайском уездах Бакинской губернии русские старожилы использовали в качестве ульев выдолбленные пни, а местное население – плетенки цилиндрической формы, обмазанные глиной. В горной части Геокчайского уезда было до 1500 ульев, Шемахинского – до 2800. 1 улей давал за сезон от 10 до 20 фунтов меда. У русских крестьян пчеловодство было развито сильнее, чем у коренного населения, благодаря обширным лугам с богатыми медоносами (Абелов, 1887, с.131; Петров, 1909, с. 226). Русские переселенцы завезли в Закавказье рамочные ульи. По белизне, аромату и приятному вкусу в Закавказье особой известностью пользовался Лорийский мед. У некоторых молокан с. Воронцовка число ульев доходило до 100. В конце 80-х гг. XIX в. в Лорийском приставстве на каждое армянское село приходилось средним числом около 36 ульев, а на русское – по 153 улья. Доход русских крестьян Борчалинского уезда от пчеловодства составлял почти 5000 руб. (Ерицов, 1886, 152).

Мед употреблялся русскими в пищу как естественный продукт, заменяющий сахар. Кроме того, он использовался для приготовления традиционных блюд и напитков, добавлялся в начинку для сладких пирогов. В духовоборческом селе Славянка Елисаветпольского уезда из меда и восковых остатков готовили напиток «воронец», напоминавший русский хмельной мед. Пчеловодство в Закавказье, достигнув некоего пика в конце XIX – начале XX вв., постепенно стало свертываться. Не последнюю роль в этом сыграло вовлечение в хозяйственный оборот новых земель. Сокращение лугов и обращение лесных полей в пахоту подорвало базу пчеловодства и повлекло за собой его значительное сокращение (Ерицов, 1886, 154).

Мед широко употребляли для изготовления бражек и других алкогольных напитков. Смесь вина, пива и меда на пряных кореньях называлась *варенухой*. Процесс приготовления *ставленных* медов затягивался иногда на десятилетия. Такие меды, выдержанные при постоянной температуре от 10 до 40 лет, шли на стол князей и бояр. Традиция языческих пиршеств и праздников на Руси сменилась *братчинами* и пирами. Н.И. Костомаров так объяснял различие между ними: «Русские пиршества были двух родов: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вторые были складчины многих хозяев и преимущественно существовали между поселянами» (Костомаров, 1992, с. 224). На пирах хозяин старался напоить гостей до беспамятства, а кто мало пил – огорчал хозяина.

Менее крепкие напитки (меды, квасы и пиво) постепенно уступили место более крепким – преимущественно водке и самогону. С XIV в., усиливаясь все более и более, вводятся налоги на *брагу*, *пиво*, *мед*, на *квас*, а с конца XIV в. (когда в России в первый раз появилась *водка*) и на *водку*. В это время напитки в больших городах продавались в корчмах. В XIV и в XV вв. корчмы можно было встретить в Новгороде, Твери, Смоленске, Пскове. В других городах и, тем более в сельской местности, корчем не было. Но когда появилась водка, корчмы стали распространяться, и кое-где появилось пьянство. Со всех сторон послышались голоса против него духовных владык и князей. Иногда князь, чтобы ослабить пьянство в *тайных корчмах*, уничтожит их и заведет свою *казенную корчму*, но узнает про это владыка и пишет ему: «Князь, не хорошо, снеси прочь корчму», – и князь корчму сносит (Прыжов, 1934, с. 197). Крестьянские пирушки назывались особым пивцом, потому что тогда разрешалось варить пиво, брагу и мед для домашнего питья. Обычно это разрешение давалось четыре раза в год: на Пасху, Дмитриевскую субботу, на масленицу и на Рождество. Можно было выпить и в другой день, вместо какого-нибудь из этих праздников. «Право это крестьянин имел на три дня, иногда же и на неделю; сверх того такое же разрешение давалось по поводу крестин и свадеб. Крестьянин должен был каждый раз испрашивать разрешение начальства, и это дозволение давалось с разбором – только лучшим людям. По окончании льготного времени кабацкий голова печатал оставшееся питье до другого праздника» (Костомаров, 1992, с. 229). Братчины собира-

лись по большей части в праздники и поэтому назывались именами праздников: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская. «Развеселившиеся гости поднимают чарки и провозглашают:

За здоровье того,
Кто любит кого;
На погибель тому,
Кто завидует кому!

Пирующие, все более разгораясь вином, часто употребляют выражения довольно нескромные. Конец застолья ссыпчины или братчины иногда становится причиной ссор и новых попок на мировую» (Терещенко, 1848, с. 153). Поэтому благочестивые люди не советовали участвовать в этих пирушках, так как «братчины еще чаще, чем частные пиры, сопровождалась бесчинствами, и на них нередко происходили драки и убийства» (Костомаров, 1992, с. 231).

Иван Грозный на Балчуге поставил избу, где бы опричники могли пить и гулять, сколько им угодно, и назвал эту избу *кабаком*. Известный исследователь истории кабачества на Руси Иван Гаврилович Прыжов так объяснял происхождение этого слова: «*Кабаком* (слово татарское) у татар называлось сначала *село*, *имение* и потом *постоялый двор*, где кроме съестных припасов, продавались и напитки, употребляемые татарами до 1389 г., когда, приняв магометанскую веру, они должны были отказаться от вина. В Казани, во время взятия ее Иваном Грозным, в 1552 г., упоминаются *кабацкие врата*» (Прыжов, 1934, с. 198). Так как кабаки оказались делом весьма выгодным для казны, наместникам областей было предписано уничтожить везде вольную (свободную) торговлю напитками и заводить *царские кабаки*. Но «чиста и здорова еще была народная жизнь, и царев *кабак* на Балчуге, по выражению современных памятников, возбудил многая нарекания и погибель». Царь Федор Иоаннович велел сломать этот *кабак*, но, с другой стороны, сразу же по смерти отца пожаловал Ивана Петровича Шуйского великим жалованьем, отдав ему город Псков «с пригородами, и с *тамгою*, и с *кабак*» (Прыжов, 1934, с. 197).

Борис Годунов запретил употребление вина и содержание корчем, и в то же время вновь открыл *кабак* на Балчуге, который

получил название *большого царева кабака*. В эти времена народ, заплатив налог на пиво и мед, варил его дома и пил, сколько ему угодно. Но когда курить вино и варить пиво и мед было запрещено, когда все эти напитки стали продаваться в *царевых кабаках*, народ поневоле потянулся к ним и пьянство увеличилось. «Кабак, – говорили в народе, – пр’опась, – тут и проп’ась».

Кабаки внедрялись с большим трудом. Часто случалось, что отдают кабак на откуп, а в целом округе не найдется ни одного откупщика. В деревнях кабаки были строго запрещены до конца XVII в. Находились честные русские люди, как например, Ордын-Нащокин, который, видя зло, распространявшееся от казенных кабаков, в 1665 г. призывал вернуться к прежней свободной продаже напитков.

С введением кабаков, спиртные напитки из разряда празднично-сакральных переходят в разряд повседневно-будничных. Если раньше прием алкоголя регламентировала община, то теперь он всецело зависел от воли конкретного человека, для которого это зачастую был единственный способ снять стресс и забыть о повседневных тяготах. Со временем самым распространенным на Руси крепким напитком стала водка. Кроме сурового климата это можно объяснить и тем, что только она быстро снимает не только холодовой стресс, но и душевный дискомфорт, причин для которого всегда бывает достаточно. Не случайно именно водкой чаще всего поминают ушедших от нас родных и близких. Правда, так было не всегда. «Апостольские правила запрещают употребление вина и других спиртных напитков на поминках. В Священном писании сказано: *Вино веселит сердце человека* (Пс. 103, 15), а мы все-таки собираемся в дни поминовения усопших с другой целью» (Кухня батюшки Гермогена, 2006, с. 45). Водка содержит довольно большое количество калорий, которые легко усваиваются, что немаловажно при тяжелой, монотонной работе. На военных кораблях русского флота до революции существовала традиция ежедневной винной порции или «казенной чарки», которую было принято выдавать в два приема – днем и вечером (Манвелов, 2008, с. 84). В то же время матросы, стоявшие на вахте, такого «удовольствия» были лишены. Морской устав категорически запрещал употребление спиртного при исполнении служебных обязанностей. Не было такой традиции и в дореволюционной русской армии. В 1943 г. на фронтах Великой

Отечественной войны были введены так называемые *фронтовые* или «наркомовские» 100 грамм. Правда, ветераны вспоминают, что временами выдавали их нерегулярно, что, учитывая условия военного времени, не удивительно.

В России, где на протяжении многих веков так или иначе регламентировалось употребление спиртных напитков, тем не менее, почти всегда стояла проблема бытового пьянства. Об этом говорится в сочинениях иностранцев, посещавших Русь в разные годы, а также в наставлениях отечественных духовных и светских лидеров. Владимир Мономах в своем «Поучении» предостерегает детей: «Лжи остерегайтесь и пьянства, от того душа погибает и тело» (Повести Древней Руси, 1963, с. 84). Преподобный Феодосий Печерский (1036-1091), игумен Киево-Печерской обители, чтобы ограничить употребление хмельных напитков иноками, предписывал в конце каждой трапезы произносить трижды здравицу во славу Господа, Богоматери и за здоровье князя, «а более не позволяем» (Слово писанное святым Феодосием Мнихом, 1858, с. 255).

В нескольких главах «Домостроя» (XVI в.) подробно расписано все, что было связано с производством, хранением и потреблением разнообразных спиртных напитков. В главе «Как с благодарением угощать с домочадцами приходящих в доме своем» говорится: «...когда будешь зван на брак, не упивайся до сильного опьянения и не сиди допоздна, потому что в таком пьянстве и в долгом сидении рождается брань, и свара, и драка, а то и кровопролитие». И далее: «Итак, если не протрезвишься и до конца упьешься, скажу так: тело лишишь души. Многие пьяные от вина умирают и замерзают в пути. Не говорю: не пей, – такого не надо; но говорю: не упивайтесь допьяна. Апостол Павел пишет к Тимофею: *Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23), – к нам же пишет: «Пейте мало вина веселия ради, а не для пьянства: *пьяницы Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10)» (Домострой, 2006, с. 51).

Об этом же свидетельствует дошедший до нас в различных списках замечательный памятник литературной сатиры второй половины XVII в. «Праздник кабацких ярыжек»: «*Кто ли пропився до нага не помянет тебя, кабаке непотребне? Како ли кто не воздохнет во многия времена собираемо богатство, а во един*

час все погиге? Каеты много, а воротить нельзе. Кто ли про тебя не молвит, кабаке непотребне, да лишитса не мотче?»

В этой энциклопедии народного быта, по другому еще именуемой «Служба кабаку», подробно описывается путь пьяницы, его духовная и физическая деградация, ведущая к преступлению и полной гибели (Андрианова-Перетц, 1934, с. 47). Кабацкие ярыги или ярыжки – в XVII-XVIII вв. – шайки воров и убийц, иногда из людей хорошего происхождения – дворян и детей боярских, допившихся донага. Они жили во всеобщем презрении, просили милостыню у кабаков и занимались разбоем.

«В Древней Руси хмельные напитки готовили в семьях или всей общиной к определенным празднествам. Со временем возникла продажа спиртных напитков в корчмах. Доходность хмельной продукции побуждала некоторых удельных князей устраивать в вотчинах собственные корчмы». С тех, уже достаточно далеких времен, когда власти монополизировали доходы от питейных заведений и возникла, по-видимому, «беспрерывная, идущая с переменным успехом борьба между стремлением получить возможно больший доход и желанием оградить народ от пагубного воздействия алкоголя» (Липинская, 1997, с. 250). Результаты этой борьбы на разных исторических этапах зависят от того, какое из этих двух «стремлений» победило в данный конкретный момент.

В XVIII в. дворяне, получившие привилегию на винокурение, производили настолько качественную водку, что Екатерина II послала ее в подарок коронованным особам Европы, а также своим знаменитым друзьям, среди которых были Вольтер, Карл Линней, Эммануил Кант, Иоганн Вольфганг Гете и многие другие. Карл Линней пришел от русской водки в такой восторг, что написал о ней целый трактат «Водка в руках философа, врача и простолюдина. Сочинение прелюбопытное и для всякого полезное» (Линней, 1790), в котором подробно анализировал все ее свойства, как полезные, так и вредные.

Хорошую водку делали преимущественно в дворянских усадьбах, где использовался бесплатный труд крепостных крестьян. Таким образом, можно было выгонять большое количество водки высочайшего качества, в процессе производства которой из 1200 л первичного сырья производили всего три с половиной литра конечного продукта. При такой трудоемкости процесса и при его

крайне низком КПД (огромное количество самых разнообразных продуктов шло в отходы), высококачественную водку в больших объемах можно было производить только в условиях нетоварного, нерыночного производства. В противном случае цена ее была бы невероятно высокой. Но эта водка и не предназначалась для продажи.

В своем капитальном труде «История водки» В.В. Похлебкин подробно объясняет, как сложилась такая ситуация: «Для хозяина, получавшего зерно бесплатно от своих крестьян, имевшего даровые дрова из собственного леса и таких же почти даровых работников-винокуров, выход водки, составляющей едва ли две сотых от общей массы затора, то есть первичного сырья, был не страшен и не рассматривался как убыток или крайняя невыгода, поскольку процесс производства был направлен на удовлетворение прихоти хозяина и его потенциальных гостей, а не на получение прибыли... Правительства Петра I, Елизаветы I и Екатерины II, давая и расширяя привилегии дворянства на домашнее винокурение, освобождая его от всякого контроля и налогообложения, в то же время последовательно подчеркивали, что вся готовая продукция водки должна непременно идти только на личные, домашние, семейные потребности дворянства и ни в коем случае не быть предметом торговли» (Похлебкин, 1994, с. 185). Последнее условие, правда, далеко не всегда соблюдалось. Таким образом, винокурение в России на протяжении длительного исторического периода оставалось сословной привилегией дворянства.

Из такой водки на различных травах и кореньях делали замечательные лечебные настойки, подробно описанные, в частности, в «Реестре из дохтурских наук» преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогского и Важского (Флоринский, 1879, с. 211). Если верить автору, то почти все болезни можно излечить снадобьями на основе водки. Многие из этих рецептов и сейчас применяются в народной медицине.

При переходе к капиталистическим отношениям, процесс производства водки упрощается, качество ее падает и, в конце концов, государство (в который уже раз!) в 1894-1902 гг. было вынуждено ввести монополию на ее производство. В 1914 г., в связи с началом первой мировой войны, продажа и производство крепкого алкоголя были запрещены. «Сухой закон» продолжался вплоть до 1924 г. При этом продажа вина и пива разрешались.

Политика государственного контроля качества водки и монополия на ее продажу в советское время продолжалась вплоть до 1986 г. Это, по мнению В.В. Похлебкина, позволило сохранить высокие стандарты водки и, что, пожалуй, самое важное, в какой-то мере предохранило население от тотального спаивания некачественным дешевым алкоголем.

* * *

Традиции потребления водки и других крепких напитков у русских, проживающих в России и таких этно-конфессиональных групп, как молокане, духоборцы, субботники, русские липоване Румынии, которые давно покинули родные земли и живут среди других народов (армян, грузин, абхазов, азербайджанцев, народов Северного Кавказа, румын), достаточно сильно различаются. Последние переняли от своих соседей не только способы изготовления алкогольных напитков, но и традиции их употребления. Так, среди духоборцев и молокан принято произносить длинные тосты в честь гостей. В их среде, так же, как и у народов Кавказа, не принято, чтобы женщины пили, особенно крепкие напитки. Так же, как у кавказских народов, женщины – хозяйки практически не садятся за стол, потчуя гостей.

Русские молокане, жившие в различных районах Закавказья в тесном соседстве с другими народами, отдавали предпочтение хлебному вину (водке) по сравнению с виноградным. В то же время молокане Казахского уезда Елисаветпольской губернии самогон делали не только из пшеницы, но и из виноградных выжимок и сусла, а также из ячменя и диких фруктов (Ерицов, 1886, с. 155). В Ленкоранском уезде виноградарство стало развиваться в 50-х годах XIX столетия. Некоторые армяне и русские делали вино из дикого винограда, прибавляя от пяти до десяти пудов кишмиша на сорокаведерную бочку. В дальнейшем виноградарство достигло наибольшего развития среди сектантского русского населения. Они выращивали в основном виноград сорта «Изабелла», а также черные кахетинские сорта (Очерк сельского и лесного хозяйства..., 1914, с. 137). Наши полевые материалы 1987 г. показывают, что русские молокане села Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана вино и самогон делали из алычи и других фруктов. У соседей – армян они покупали красное (черное) виноградное вино и виноград-

ную же водку (ПМА, 1987). От них же они переняли приемы из приготовления того и другого.

В то же время, описывая садоводство в Шемахинском и Геокчайском уездах Бакинской губернии в конце XIX в., Н.А. Абелов подчеркивал, что у русских старожилов оно не шло дальше разведения вишневых, сливовых и терновых деревьев. А встречающиеся в русских селах виноградники и тутовые сады сдавались в аренду местному населению для ухода и эксплуатации. Русские же из своих садов продавали исключительно одни вишни (Абелов, 1887, с.131). Армяне в Шемахинском и Геокчайском уездах занимались виноградарством, с которым было связано виноделие и винокурение. В селах, близких к лесному поясу, они, кроме того, разводили яблоки, груши и грецкие орехи. Азербайджанцы там же выращивали разнообразные фрукты и виноград (они сажали высокую лозу – «*хиаван*») (Григулевич, 1989, с. 108).

Особые отношения с алкоголем складываются у духоборцев – русских переселенцев в высокогорную Грузию. Не последнюю роль в этих отношениях играет суровый климат их новой Родины. Когда в июне 1988 г. экспедиция сектора этнической экологии Института этнографии АН СССР (ныне – ИЭА РАН) прибыла в Месхет-Джавахегию, мы в полной мере прочувствовали, каково это – жить на высоте альпийских лугов, где даже летом дневная температура редко поднимается выше +15°C, а на яркой зелени травы хорошо просматриваются снежинки.

Лес на такой высоте не растет, его привозят за большие деньги издалека. Полы в домах духоборцев земляные, крыши – из дерева. Выглядят они очень живописно, но жить в них могут только закаленные такими непростыми условиями уроженцы этих красивых, но суровых мест. Отапливают дома кизяком, но только в самые холодные зимние месяцы. Поэтому, каждому входящему в дом, сразу подносят рюмочку виноградной чачи. Согревшись таким образом, можно уже приступить к долгой, иногда на полдня, беседе, не рискуя продрогнуть до костей.

Традицию употреблять и производить виноградное вино и водку, духоборцы, скорее всего, переняли у живших неподалеку от них немцев-менонитов и армян, с которыми их связывали тесные хозяйственные и иногда даже кунацкие отношения. В Грузии немцы жили в Колонке (Болниси) и в Молотове (Цалка). Они производили виноградное вино высокого качества, пользовавшееся

в округе большим спросом. Духоборцы покупали это вино бочками. У немцев же они покупали арбузы, виноград, сухофрукты. У армян духоборцы покупали виноградную водку. В XIX в. они производили водку из ячменной муки. Раньше духоборцы пили только по праздникам, в последние десятилетия для выпивки достаточно любого повода (Григулевич, 1996, с. 71). Особенно много алкоголя употребляют они на свадьбах, проводах в армию и других торжественных случаях. Гнать водку из хлеба в Духоборье начали только в конце 1940-х гг. Падение уровня жизни и послевоенный стресс привели к тому, что покупать ее духоборцы уже не могли.

Русские *липоване* Румынии, будучи старообрядцами, которые, как известно, довольно строго ограничивают единоверцев в употреблении горячительных напитков, тем не менее, выращивают виноград и производят из него большое количество преимущественно красного вина. В мае 1992 г., во время поездки к липованам, живущим в дельте Дуная, нам довелось наблюдать активное употребление ими красного вина сорта «Изабелла», хотя бы и за праздничным столом. Вино собственного приготовления достаточно качественное. Тут, видимо, сказывается влияние соседей-румын, с которыми в старину, по свидетельству наших информаторов, особо близких контактов у них не было. Вплоть до того, что во время традиционных у старообрядцев боев «стенка на стенку», с ними даже не дрались. Но приемы выращивания виноградной лозы и производства виноградного вина русские старообрядцы Румынии переняли у своих соседей-румын (ПМА, 1992).

* * *

В последние годы много говорится о демографическом кризисе в России, который некоторые исследователи уже называют катастрофой. С 1986 по 1994 гг. смертность в России выросла с 10,4‰ в год до 15‰.² С 1987 по 1993 гг. рождаемость в стране сократилась с 2 до 1,3 ребенка (с 17,2 до 9,4 родов на 1000 чел.). Знаковыми в этом отношении оказались годы развала Советского Союза (1991-1992 гг.), когда на фоне резкого снижения уровня

2 Столь аномально высокий уровень смертности наблюдается и в некоторых других восточноевропейских странах, а также в африканских государствах с высокой степенью поражения ВИЧ-инфекцией.

жизни населения, различного рода стрессов, многочисленных локальных конфликтов, вынужденных миграций, смертность сравнивалась с рождаемостью, а вскоре и значительно превысила ее. Процесс депопуляции в постперестроечной России получил название «*русский крест*» (Вишневский, Андреев, Трейвиш, 2003; Римашевская, 2004). Естественная убыль населения с 1995 по 2006 гг. колебалась от 687,1 (2006 г.) до 958,5 (2000 г.) тыс. чел. в год. И только в 2007 г. она снизилась до 470,3 тыс. чел. в год (Роскомстат 1, 2009). Надежда на увеличение населения в России за счет трудовой миграции не оправдалась. С началом экономического кризиса осенью 2008 г. многие гастарбайтеры, особенно занятые в строительстве, попали под сокращение, и были вынуждены вернуться в места постоянного проживания. Еще меньшее значение для увеличения численности населения России играет программа по возвращению на историческую родину тех граждан бывшего СССР, которые длительное время проживали за пределами Российской Федерации, как правило, в странах СНГ.

Основной причиной депопуляции в России является высокая смертность. Уровень рождаемости в Европейском Союзе приблизительно такой же низкий. Но в ЕС в 2000-х гг. низкая рождаемость компенсировалась столь же низкой смертностью, благодаря чему здесь наблюдался даже некоторый естественный прирост населения (Халтурина, Каратаев, 2005). Уже более столетия для развитых стран характерно снижение рождаемости, демографический переход от традиционного типа воспроизводства народонаселения к малодетным семьям. Простой и особенно суженный тип воспроизводства меняют все параметры демографической структуры популяций (Спицына, 2006, с. 159). И весьма существенную роль в этом сложном процессе играют социально-экономические факторы. По данным Росстата, продолжительность жизни мужчин в России в 2005 г. составляла 59 лет, женщин – 72,5 года. Получается, что среднестатистическая женщина в России живет на 13,5 лет дольше среднестатистического мужчины. Чем же можно объяснить этот феномен «сверхсмертности российских мужчин»?

В России, при фактическом отсутствии монополии государства на производство и продажу алкоголя (формально монополия государства на водку, через год после ее отмены 7 июня 1992 г., была вновь введена указом № 918 Б.Н. Ельцина от 11

июня 1993 г.) качество водки резко ухудшилось. Кроме того, малообеспеченные слои населения предпочитают суррогатный алкоголь, как более дешевый. Все это, наряду с другими причинами, привело к резкому росту смертности, прежде всего, среди трудоспособного мужского населения. Так, в России смертность только от случайных отравлений алкоголем, с 1990 по 1994 гг. выросла более, чем в три раза (с 16,1 тыс. чел. до 55,5 тыс. чел.) и с небольшими колебаниями продолжает сохраняться на этом же уровне. С 2000 по 2006 гг. она колебалась от 32,9 тыс. чел. до 45,0 тыс. чел. Только за 2007 г. этот показатель снизился до 25,2 тыс. чел. в год (табл. 1). Это абсолютные цифры. Учитывая же уменьшение численности населения за этот период со 148

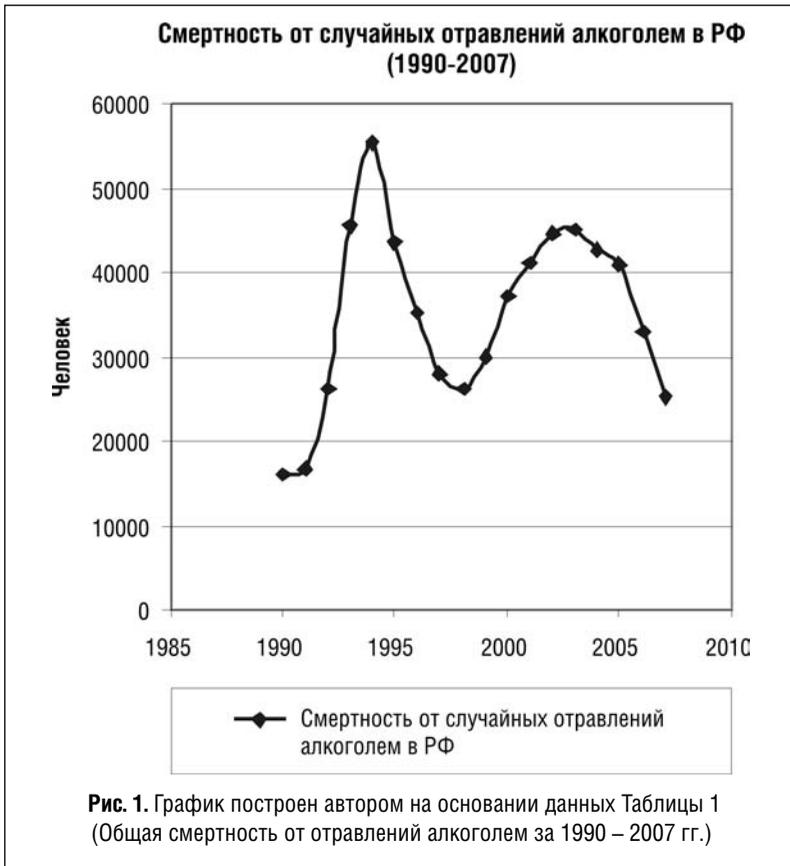

Таблица 1

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год человек,
Российская Федерация**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Все население	16056	16653	26209	45425	55473	43461	35233	27924	26065	29872	37214	41091	44698	45049	40877	32982	25202
Городское население							19642	18601	21481	26948	29346	31196	30889	28967	26890	21779	16851
Сельское население							8282	7464	8391	10266	11745	13502	14160	13748	13987	11203	8351

Источник: Росстат 2, 2009

Таблица 2

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Центральный Федеральный округ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	7623	7015	8062	10065	10809	10922	10979	10704	9798	8516	6830
городское население	5343	4995	5808	7440	7870	7782	7870	7559	6756	5862	4705
сельское население	2280	2020	2254	2625	2939	3140	3109	3145	3042	2654	2125

Источник: Росстат 2, 2009.

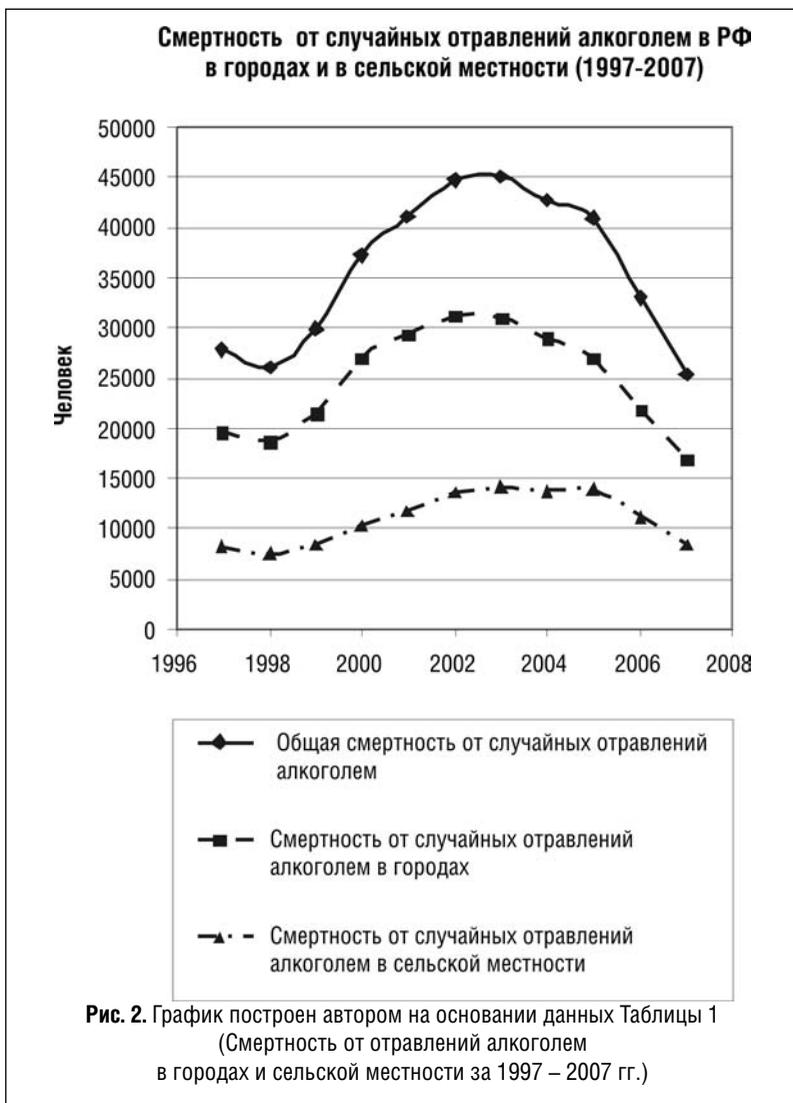
млн. чел. в 1989 г. до 142, 8 млн. чел. в 2005 г., относительные данные будут еще более впечатляющими. В середине 1990-х и в начале 2000-х гг. наблюдался существенный рост смертности от отравления алкоголем. Если рассматривать динамику этой смертности (рис. 1), то хорошо видно, что первый, наиболее резкий рост ее значений начинается в 1990-1992 гг., когда шел процесс распада Советского Союза, а очередной подъем четко совпадает с дефолтом 1998 г., выходя на максимальные значения в 45 тыс. чел. в 2003 г., и постепенно снижаясь к 2007 г. Кроме того, данный показатель весьма неравномерно распределяется по территории страны. Об этом будет сказано ниже. Риском предположить, что начавшийся в 2008 г. экономический кризис, также приведет к существенному росту потребления крепких алкогольных напитков, и, как следствие, к очередному всплеску смертности от алкогольных отравлений. Эти пьяные «русские горки» четко совпадают с кризисными моментами в жизни страны и определяют рост прежде всего мужской смертности и крайне низкую у них же среднюю продолжительность жизни.

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, в 2005 г. от употребления алкоголя в стране умерли 105 тыс. чел. Отравились спиртосодержащей продукцией 40,8 тыс., а у 38 тыс. любителей зелья не выдержало сердце. Но и эти данные врачи считают заниженными как минимум в несколько раз. «В стране не проводятся серьезные социологические исследования по проблемам алкоголизации населения, – считает главный врач московского наркологического диспансера № 5 профессор Игорь Рубченко. – Предполагаю, что все официальные цифры статистики можно смело умножать на 20-30, а то и на сто. Тогда, возможно, узнаем точное число смертельных исходов от алкоголя. Ведь даже инфаркты и новообразования могут случиться по причине неумеренного питания. Кстати, если проанализировать больничные листы, которые выдаются по понедельникам, то увидим: обострения заболеваний сердца, почек, печени связаны с воскресными возлияниями» (Соловьева, 2006).

Если внимательно посмотреть на динамику смертности от случайных отравлений алкоголем в России за 1997-2007 гг. (рис. 2),³ то можно видеть, что графики общей смертности и смертности в

3 Данные отдельно по городским и сельским территориям Росстат дает, начиная только с 1997 г.

городах очень похожи. И там, и там, начиная с 1998 г., наблюдается довольно резкий рост, достигающий максимума к 2003 г. и постепенно снижающийся к 2007 г. В то же время, показатели смертности от случайных отравлений алкоголем в сельской

местности, начиная с 1998 г., также возрастают, но динамика их роста гораздо более плавная. Максимум значений несколько сдвинут к 2004-2005 гг. Таким образом, можно сделать вывод, что рост общей смертности обусловлен ростом смертности от случайных отравлений алкоголем прежде всего в городах. В то же время, 75% процентов населения Российской Федерации проживает в городах, где смертность от отравления алкоголем всего в два раза превышает таковую в сельской местности. Таким образом, можно заключить, что в относительном выражении смертность в сельской местности превышает смертность от отравления алкоголем в городах.

Особенно остро эти негативные процессы протекают на севере страны, в Нечерноземье, на Верхней Волге и в Поволжье, в тех регионах, население которых в наибольшей степени пострадало от перехода к рыночной экономике. Так, число отравившихся суррогатной водкой с начала августа по 6 сентября 2006 г. только в трех российских регионах (Белгородская, Воронежская и Тверская области) превысило 430 чел. Двенадцать из них скончались. Среди них – женщины и дети (Склярова, 2006).

Особую остроту в последние годы приобрела проблема женского алкоголизма. Если в России в 1980-х гг. соотношение мужчин и женщин, больных алкоголизмом, было 9:1, то в 1999 г. оно уже составляло 6:1 (Кошкина, 2001, с.17). По данным Минздравсоцразвития РФ, в стране на начало 2006 г. официально признаны алкоголиками 40 тыс. детей. За пять лет уровень потребления алкоголя среди подростков увеличился на 65%, а около 40% школьников регулярно употребляют алкогольные напитки.

Если сравнить показатели смертности от отравления алкоголем в 1997 – 2007 гг. в различных регионах России (табл. 2-6), то можно увидеть, что в начале 2000-х гг. произошел их значительный рост, который к 2007 г. снизился до уровня 1997 г. Скорее всего, этот всплеск объясняется крайне тяжелой социально-экономической ситуацией в стране конца XX – начала XXI вв. Недаром это время получило в народе название «лихие девяностые». Косвенно этот вывод подтверждается тем, что в Москве, где более высокий уровень жизни, а пенсионеры и инвалиды получают адресную социальную поддержку, показатели случайных от-

Таблица 3

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Приволжский Федеральный округ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	7120	6296	7100	9000	9898	11342	10846	10184	9985	7856	5988
городское население	5003	4421	4964	6238	6798	7603	7052	6521	6214	4921	3922
сельское население	2117	1875	2136	2762	3100	3739	3794	3663	3771	2935	2066

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 4

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Сибирский Федеральный округ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	4729	4787	5016	6560	7519	8887	9265	8447	8963	6878	5436
городское население	3156	3274	3486	4512	5117	6018	6107	5562	5721	4474	3586
сельское население	1573	1513	1530	2048	2402	2869	3158	2885	3242	2404	1850

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 5

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Северо-Западный Федеральный округ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	3302	3390	4114	4948	5358	5324	5404	5240	4730	3663	2863
городское население	2455	2595	3194	3863	4000	3841	3806	3629	3165	2458	1915
сельское население	847	795	920	1085	1358	1483	1598	1611	1565	1205	948

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 6

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Уральский Федеральный округ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	2514	2183	2905	3432	3749	4165	4441	4133	3778	3177	2004
городское население	1985	1711	2333	2772	3027	3287	3445	3189	2771	2291	1455
сельское население	529	472	572	660	722	878	996	944	1007	886	549

Источник: Росстат 2, 2009.

равлений алкоголем весьма низкие, в среднем в четыре-пять раз ниже, чем в Московской области (табл. 7-8). Кроме того, в Москве лучше налажен контроль за продажей нелегальной алкогольной продукцией, включая суррогаты.

Большинство смертей от отравления алкоголем приходится на Центральный, Приволжский, Сибирский, Северо-Западный и Уральский федеральные округа. Абсолютный рекорд – за Приволжским федеральным округом, в котором только в 2002 г. от алкогольных отравлений погибло 11 342 человека (!).

Низкий уровень жизни большинства населения, высокая безработица, и, как следствие – высокая степень распространения алкоголизма. Так, первые места по числу госпитализированных больных с алкогольными психозами занимают территории Северо-Западного, Центрального и Волго-Вятского районов. Особенно тяжелая социально-экономическая ситуация сложилась там в последние десять-пятнадцать лет. Молодежь старается уехать в крупные города, а людям среднего и старшего возраста ничего не остается, как пить водку и перебиваться случайными заработками. Это касается прежде всего сельской местности и малых и средних городов.

Отсутствие каких-либо перспектив и надежд на будущее, низкий социально-экономический уровень, особенно в сельской местности, ведут к еще большей маргинализации сельского населения России и его почти поголовному спаиванию. Это подтверждают слова судьи Кирсановского районного суда Тамбовской области: «...в сельской местности большой вред причиняет пьянство. Спиваются целые семьи, во многих селах процветает самогонварение, а так, чтобы трезвый человек совершил разбой, грабеж, кражу, умышленные, обдуманные преступления, но чаще всего они [преступления совершаются – Н.Г.] в пьяном виде и ради изыскания средств к приобретению спиртного» (Кузнецов, 2006, с. 88). Получается, что воруют и грабят в пьяном виде для того, чтобы изыскать средства на ту же пьянку.

Иная картина складывается в Южном Федеральном округе (табл. 9). Абсолютные показатели отравления алкоголем здесь существенно ниже средних по стране (за 2000 г. – в пять раз). Всплеск начала 2000-х гг. менее выражен, а показатель 2007 г. уже в два раза меньше аналогичного за 2002 г.

Таблица 7

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
г. Москва**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	294	292	396	532	586	487	497	439	376	291	276
городское население	294	292	396	532	586	487	497	439	376	291	276
сельское население	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 8

**Число умерших случайных отравлений алкоголем за год человек,
Московская область**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	1797	1664	1741	2134	2318	2320	2494	2339	2138	1760	1344
городское население	1406	1272	1373	1687	1876	1836	1970	1851	1681	1401	1065
сельское население	391	392	368	447	442	484	524	488	457	359	279

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 9

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Южный Федеральный округ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	1447	1434	1638	1930	2219	2253	2167	1981	1718	1523	1133
городское население	856	904	946	1144	1347	1345	1193	1067	966	842	609
сельское население	591	530	692	786	872	908	974	914	752	681	524

Источник: Росстат 2, 2009.

Это можно объяснить тем, что на юге России в структуре потребления алкоголя, скорее всего, преобладает вино и (или) виноградная водка собственного изготовления. Кроме того, в ряде республик, которые входят в Южный федеральный округ, показатели случайных отравлений алкоголем, по сравнению с другими территориями, чрезвычайно низки (Дагестан, Кабардино-Балкария и др.) или практически равны нулю, как в Ингушетии и Чечне (табл. 10-13). Даже с учетом того, что подобная статистика здесь может быть не вполне достоверна, эти цифры весьма показательны. Вероятно, это объясняется тем, что подавляющее большинство населения этих республик исповедует ислам. Пятая сура Корана, стих 92 гласит: *«О вы, которые уверовали! Вино <...> – мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь же этого, – может быть, вы окажетесь счастливыми»* (Коран, 1990, с. 113).

Показательно, что, несмотря на относительное благополучие на «алкогольном фронте» по сравнению с другими регионами России, в Южных республиках также имеется целый ряд проблем, вызванных неумеренным потреблением крепких спиртных напитков. Руководство Чеченской Республики 17 февраля 2009 г. приняло решение о введении временных ограничений в продаже спиртных напитков на территории Республики. Отныне они будут продаваться лишь с 8 до 10 час. утра по обычным дням, а в течение священного месяца Рамазан вводится полный запрет на продажу алкоголя. Речь идет об алкогольной продукции, содержащей 15 и более процентов спирта. Президент Чечни Рамзан Кадыров, заявив, что эти меры направлены на сохранение морально-нравственных устоев общества, своей культуры, традиций и обычаев чеченского народа. Эта мера обсуждалась в Совете Федерации РФ: некоторые сенаторы высказались за развитие подобного опыта и перенесение его на другие территории страны, в то время как другие – категорически против каких-либо ограничений в этой сфере (Совет Федерации, 2009). Между тем в некоторых регионах России на уровне местных властей также принимаются определенные меры по ограничению продажи и потребления алкогольных напитков, о чем будет сказано ниже.

Рассматривая значение показателей смертности от случайных отравлений алкоголем, можно заключить, что наивысшие их значения приходится на северные и центральные регионы России, а также Поволжье. Единственным исключением здесь

Таблица 10

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Республика Дагестан,**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	15	16	35	22	28	24	20	21	27	29	19
городское население	7	9	20	13	15	15	12	16	19	19	12
сельское население	8	7	15	9	13	9	8	5	8	10	7

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 11

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Кабардино-Балкарская Республика**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	33	23	36	25	22	48	62	63	58	58	37
городское население	19	14	20	15	12	30	40	37	38	45	27
сельское население	14	9	16	10	10	18	22	26	20	13	10

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 12

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год, человек,
Республика Ингушетия**

	1997	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
все население	2	0	0	0	0	0	0	1	0	1
городское население	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
сельское население	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1

Источник: Росстат 2, 2009.

Таблица 12

**Число умерших от случайных отравлений алкоголем за год человек,
Чеченская Республика**

	2005	2006	2007
все население	0	0	2
городское население	0	0	2
сельское население	0	0	0

Источник: Росстат 2, 2009.

является город Москва, где эти показатели минимальны. Вместе с тем, Южный Федеральный округ гораздо более благополучен по этому показателю, хотя, как известно, он характеризуется множеством социально-экономических проблем. Скорее всего, здесь играет роль южный стереотип алкогольных предпочтений, сдвинутый в сторону виноградного вина и водки (чаще всего домашнего изготовления), и практически полное отсутствие проблем с алкоголем в республиках с преимущественно мусульманским населением. Таким образом, показатели смертности от случайных отравлений алкоголем могут служить своеобразным маркером демографической ситуации в том или ином регионе. Так как реальные показатели «алкогольной» смертности могут быть существенно выше официальной статистики, можно предположить, что их вклад в уровень мужской «сверхсмертности» в России весьма велик. Если будут найдены реальные механизмы снижения мужской смертности, это позволит остановить или замедлить депопуляцию, и ослабить связанные с этим негативным процессом последних лет проблемы.

* * *

По самым скромным прикидкам, сегодня в России злоупотребляют алкоголем почти два с половиной миллиона человек. В то время как человек может употреблять без особого вреда для здоровья не более десяти литров алкоголя в год, в России на каждого жителя, включая женщин и детей, приходится в среднем тринадцать-пятнадцать литров (Кошкина, 2001, с. 17). По мнению врачей, это превышает все допустимые нормы. По потреблению же вина на душу населения (по данным Международной организации винограда и вина) страна занимает только 20-е место в мире (в среднем всего 6,1 л вина на человека в год). Отдельную и очень острую проблему представляет не только и, может быть, не столько количество выпиваемого в России алкоголя, сколько его низкое качество.

В последние десять-пятнадцать лет в России самое пагубное влияние на тотальную алкоголизацию населения, особенно молодежи, оказала бесконтрольная и разнузданная реклама так называемых «слабоалкогольных напитков», в частности, пива. Когда власти спохватились, и, хотя бы частично ограничили рекламу, было уже поздно, «джин был выпущен из бутылки». Выросло це-

лое поколение молодых россиян (как юношей, так и девушек), для которых пить пиво на улице из бутылки, закусывая его в лучшем случае чипсами, – скорее норма, чем патология. В результате, 20% алкоголиков в России страдают пивной зависимостью, большинство из них – подростки и молодежь.

Примерно 90 тыс. молодых россиян злоупотребляют алкоголем (данные 2000-х гг.). Это медицинская статистика, которая регистрирует лишь тех пациентов, которые сами обращаются за помощью. А сколько необнаруженных? «Соотношение примерно такое: один выявленный к пяти не выявленным» – поясняет врач Е.А. Кошкина. Наибольшее число пьющих подростков выявлено в Курской, Кемеровской, Нижегородской областях, на Камчатке – там цифры выше среднестатистических по стране в два-три раза (Кошкина, 2001, с. 19). Возможно, это не самые проблемные регионы. Просто службы доверия там работают хорошо и выявляют больше зависимых от алкоголя людей. Для сравнения напомним, что в свободных и демократических США алкоголь продают только лицам, достигшим двадцати одного года, а если гражданин появится на улице с початой бутылкой спиртного, его тут же подвергнут, как минимум, штрафу. Закон, ограничивающий распитие спиртных напитков на улицах Российской Федерации, был принят в 2006 г., но он, впрочем, как и многие другие, практически не соблюдается.

Неумеренное и ничем и никем неограниченное потребление как крепких, так и слабых алкогольных напитков, сказывается на психическом и физическом здоровье молодого поколения. В результате, только в ходе осеннего призыва 2008 г. по данным Минобороны РФ⁴, около 340 тыс. призывников из 1 млн. 80 тыс. освидетельствованных, были освобождены от военной службы по медицинским показаниям.

* * *

Алкоголь был известен народам практически всех цивилизаций, при этом чрезмерное его употребление почти всегда рассматривалось в качестве отрицательной привычки и осуждалось социумом. Тем не менее, представление об алкогольной зависимости, как о болезни, сложилось лишь несколько десятилетий

4 Данные центральной военно-врачебной комиссии Министерства обороны РФ за 2008 г. (<http://www.mil.ru/info/1069/details/index.shtml?id=57424>)

назад. Было установлено, что «алкоголь является наиболее распространенным наркотическим веществом, воздействующим на большинство психомоторных функций и влияющим на совокупность психохимических метаболических процессов» (Спицын и соавт., 2001, с. 698).

Что же касается профилактики и лечения алкоголиков в России, то от старых, проверенных методов, таких, как ЛТП и вытрезвители, во многих местах отказались, как от негуманных и нарушающих права человека, а новых пока предложено не было. Лечение же зачастую стоит таких денег, что не по карману как самому больному, так и его родным, да и эффективных методов лечения, судя по всему, еще не придумали. В советское время существовали временные ограничения для продажи спиртных напитков, которые продавались лишь в определенные часы, а не круглосуточно, как это происходит в настоящее время. Кроме того, в сельской местности во время самых напряженных работ (посевная, уборочная, сенокос) водку не продавали (ПМА, 2008). Иными словами на местном уровне временно фактически вводился сухой закон. Благоприятная конъюнктура цен на углеводороды в 2000-е гг. и, как следствие, относительная экономическая стабильность, позволили государству инициировать целый ряд национальных проектов, направленных на развитие здравоохранения и поддержку семьи и детства. Как повлияют эти проекты на увеличение рождаемости и снижение смертности – покажет время. Пока ясно только, что необходимы срочные меры, которые позволят остановить или хотя бы замедлить естественную убыль населения.

В России, где на протяжении многих веков на разных уровнях (община, религия, государство) достаточно строго регламентировалось употребление спиртных напитков, тем не менее, в той или иной мере почти всегда стояла проблема бытового пьянства. В последние десять – пятнадцать лет эта проблема крайне обострилась. Пока же власти некоторых регионов пытаются хоть как-то оградить своих граждан от «зеленого змия». Так, читинская областная дума в конце 2007 г. установила штрафы для владельцев ночных клубов, баров и дискотек, которые допускают несовершеннолетних после 23 часов вечера летом и 22 часов зимой. Начиная с 2008 г., во вторую субботу сентября в Свердловской области ежегодно будет отмечаться День трезвости, во время которого будут проходить богослужения, крестные ходы желаю-

щие избавиться от вредной привычки примут обет трезвости. В Саратовской и Ульяновской областях, Пермском крае запрещена ночная торговля алкогольными напитками, что положительно сказалось на криминогенной ситуации. Ряд регионов изучает возможность введения на своих территориях подобных ограничительных мер. Ульяновская область – один из самых активных регионов, среди тех, которые разрабатывают антиалкогольные программы. В декабре 2008 г. в Ульяновске состоялся первый Симбирский антиалкогольный конгресс, в итоговую резолюцию которого, направленную в Комитет по охране здоровья Госдумы РФ, были внесены следующие предложения: повышение возрастного ценза на продажу спиртного до 21 года; признание алкогольным любого напитка с долей алкоголя выше 1,5%; запрет на федеральном и региональном уровне любой рекламы алкоголя и табака и ряд других.

Очевидные причины широкого распространения алкоголизма, и как следствие – высокой смертности россиян, состоят «в социальном пессимизме, корни которого в безработице, низких зарплатах, отсутствии реальных жизненных перспектив у значительной части населения» (Миронов, 2007) и признаются они, как мы видим, не только широкой общественностью, но и представителями высшей власти, также весьма заинтересованной в решении этой «вечной» для страны проблемы. Если государство в самое ближайшее время не предпримет соответствующих мер, то процесс депопуляции страны будет продолжаться так же стремительно, как и в последние пятнадцать лет.

Литература

Абелов Н.А. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. 6. Ч.2. Тифлис, 1887.

Андрианова-Перетц В.П. Праздник кабацких ярыжек. Л., 1934.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003

Григулевич Н.И. Традиционное питание азербайджанцев и проблема долгожительства // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.

Григулевич Н.И. Питание русского населения Азербайджана: традиции и инновации // Русские старожилы Азербайджана: материалы по этнической экологии. Ч.1. М., 1990.

- Григулевич Н.И. Этническая экология питания. М., 1996.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т.4.
- Домострой. Как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято \ Под ред. Т.Н. Терещенко. М., 2006.
- Ерицов А.Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии // МИЭБГКЗК. Т. 2, ч. 2. Тифлис, 1886.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
- Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ.1983. №1
- Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994.
- Коран. Пер. с арабского акад. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
- Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.
- Кошкина Е.А. Эпидемиология алкоголизма в России на современном этапе // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. №3. Т.3.
- Кузнецов С.В. Девиантное поведение и правосознание сельского населения Тамбовской и Рязанской областей // ПИИЭ 2004. М., 2006.
- Кухня батюшки Гермогена. М., 2006.
- Линней К. Водка в руках философа, врача и простолюдина. СПб., 1790.
- Липинская В.А. Народная культура питания // Русские. Народная культура (история и современность). Т. 2. М., 1997.
- Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. М., 2008.
- Мионов С.М. Алкоголизм – болезнь бедных. // Сайт Совета Федерации РФ (<http://www.council.gov.ru>).
- Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. С.-Петербург, 1869.
- Очерк сельского и лесного хозяйства Ленкоранского уезда Бакинской губернии. Баку, 1914.
- Петров И.Е. Селения Новосаратовка и Новоивановка Елисаветпольского уезда // Известия Кавказского отдела русского географического общества. Тифлис, 1909. Т.19. N1.
- ПМА, 1987 г. Азербайджан, Исмаиллинский район, село Ивановка
- ПМА, 1992 г. Румыния, дельта Дуная.
- ПМА, 1988 г. Грузинская ССР, Богдановский район, села Гореловка, Родионовка, Спасовка, Орловка.
- ПМА, 2008 г. Тверская, Ярославская области.
- Повести Древней Руси. Л., 1963.
- Похлебкин В. В. История водки. Новосибирск, 1994.
- Прыжов И.Г. Очерки по истории кабачества // Очерки. Статьи. Письма /Под ред. М.С. Альтмана. М.- Л. 1934.
- Реестр из дохтурских наук // Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879.
- Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 3.
- Росстат 1, 2009. База данных Федеральной службы государственной статистики // Естественное движение населения, http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/osn/05-04.htm

Росстат 2, 2009. База данных Федеральной службы государственной статистики // Смертность по основным классам причин смертности, <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2415004>

Склярова И.А. Химия или жизнь! // Время новостей. № 162. 7 сентября 2006.

Слово писанное святым Феодосием Мнихом // Православный собеседник. 1858. Ч 3. С.255 – цит. по: Воронина Т.А. Заздравная чаша: к истории русского застолья (X-XVII века) // Хмельное и иное. Напитки народов мира. М., 2008.

Совет Федерации РФ, 19 февраля 2009, www.council.gov.ru

Соловьева И.А. Похмельный синдром. В борьбе с алкоголизмом врачи остались одни // Российская Газета. 4 октября 2006. № 4187.

Спицын В.А., Нафикова А.Х., Спицына Н.Х., Афанасьева И.С. Генетическая предрасположенность к развитию токсического цирроза печени, обусловленного действием алкоголя // Генетика. 2001. Т. 37. № 5.

Спицына Н.Х. Демографический переход в России. М., 2006.

Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб, 1848. Часть V.

Терещенко А.В. История культуры русского народа. М., 2008.

Халтурина Д.А., Коротаяев А.В. Демографический кризис в России: причины и пути преодоления. 2005, http://www.narkotiki.ru/research_5917.html).

**ЧТО ДАЛЬШЕ?
КУДА И КАКИМ ПУТЕМ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ**

Поместить именно эту заметку в сборнике, посвященном юбилею Виктора Ивановича Козлова, меня побудили два обстоятельства. Прежде всего, то, что Виктор Иванович никогда не был безразличен к судьбе отечественной науки, близко к сердцу воспринимает до сих пор не всегда благоприятные тенденции ее развития. Именно он – один из немногих специалистов среди этнологов, кто своими реальными делами воплощает в жизнь комплексные междисциплинарные, особо пограничные между гуманитарными и естественными науками исследования. А второе – этот тот факт, что, как и многие другие направления человеческого знания, антропология уже несколько лет преодолевает очередную стадию сужения границ своего предметного поля. Более того, как и столетие назад, само название дисциплины хотят «присвоить» себе и гуманитарная, и биологическая науки.

Антропология – наука, находящаяся на стыке естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Именно она, как хорошо известно, прослеживает процесс перехода от биологических закономерностей, которым подчинялось существование животного предка человека, к закономерностям социальным. Но в пограничности заключены и большие сложности. С одной стороны, нельзя уклониться ни в одну, ни в другую сторону – будешь или «биологизатором истории» или «отрицателем» возможности каких-либо эволюционно-значимых изменений человечества. С другой стороны, находясь на стыке, надо уметь понять язык соприкасающихся областей знания, что далеко не всегда оказывается просто.

Как отрасль знания она оформилась в XVIII—XIX вв. На разных этапах границы ее расширялись, включая многие биологические и социальные науки о человеке, и сужались до изучения лишь морфологии. История изменений смыслового значения и употребления термина «антропология» от Аристотеля до наших дней неоднократно была предметом специальных изысканий (см., например: Вишневский, 1928; Левин, 1946; Рогинс-

кий, 1966; Алексеев, 1972, 1979, с. 39-42, 1989, с. 24-35; Зубов, 1982; Дубова, 1983 и мн. др.). Затрагивается она, естественно, и в имеющихся учебниках и учебных пособиях по этой дисциплине (например: Бунак, 1941, с. 5-12; Левин, 1955; Рогинский, Левин, 1963, 1979; Акинщикова, 1973, с. 3; Дерягина, 1994, с. 4; Хрисанфова., Перевозчиков, 1999; Харитонов и др., 2002, с. 4-5; Хомутов, 2002, с. 3-4; Тегако, Марфина, 2003, с. 3-5; Тегако, Кметинский, 2004, с. 4-5 и др.).

Но надо отметить, что содержание понятия «антропология», ее предмет, задачи и методы до сих пор вызывают значительные разногласия. В последние два десятилетия, вслед за американским и французским научным сообществом, особенно среди представителей гуманитарных дисциплин вновь все более распространенным становится применение этого термина для обозначения сразу нескольких научных направлений – физической (или биологической) антропологии (собственно антропологии в традиционном русском смысле этого слова), археологии, этнографии и лингвистики. Все чаще теперь можно встретить и полную смысловую замену «антропологии» (в пограничном между биологией и гуманитарными науками смысле) на социально-культурную антропологию, без использования уточняющих определений. Даже среди специальностей, утвержденных ВАКом РФ, присутствует две «антропологии» с разными кодами: 03.00.14 (антропология среди биологических дисциплин) и 07.00.07 (среди исторических – этнография, этнология, антропология). Характерно также, что, пытаясь противодействовать смысловой замене термина, сами «биологические» или «физические» антропологи все чаще резко сужают предметные границы своей специальности, подчеркивают сугубо биологические ее интересы. Не всегда текстуально, но нередко фактически игнорируются исследования антропологических общностей, сформированных на основе социальных связей. Исследователи по какой-то причине на деле стараются дистанцироваться от работ, затрагивающих пограничные с гуманитарными науками проблемы, хотя в даваемых определениях подчеркивают специфику науки по сравнению с другими биологическими дисциплинами.

Дело доходит до курьезов. Например, в учебнике для вузов «Антропология» (2004), рекомендуемая литература по разделу «Этническая антропология (расоведение)», подготовленному

В.А. Бацевичем и В.М. Харитоновым, включает всего 6 названий, среди которых нашлось место такой библиографической редкости как учебник «Антропология» В.В. Бунака, М.Ф. Нестурха, Я.Я. Рогинского 1941 г. издания (что вполне естественно, учитывая бесспорную содержательную ценность этой книги), но не упомянута ни одна работа академика В.П. Алексеева, в том числе такие его фундаментальные книги, как, например, «Географические очаги образования человеческих рас» (1974) и «Историческая антропология» (1979).¹ Кроме как именно «курьезом» этот факт обозначить невозможно, так как предисловие к этому учебнику написано академиком Т.И. Алексеевой (2004), а сам он подготовлен ведущими отечественными антропологами В.М. Харитоновым, Е.З. Годиной, Е.Н. Хрисанфовой, В.А. Бацевичем, а также А.П. Ожиговой.

Но уже более двух десятилетий назад было подчеркнуто, что проблема человека выдвигается в центр не только обществоведения, но и всей науки: «Она по существу превращается в ту цементирующую основу, на которой формируется тесное единство естественных, общественных и технических наук...» (Чепиков, 1981, с. 226-227). Крупнейший отечественный психолог Б.Г. Ананьев, обосновавший, в частности, необходимость интеграции научных дисциплин и междисциплинарных связей для создания целостной, комплексной концепции человека, говорит не об антропологических проблемах, а о проблемах человекознания (Ананьев, 1977). Мне уже приходилось отмечать, что введение данного термина представляется весьма конструктивным. Тем более что именно интеграции-то наук за минувшие три десятилетия и не произошло, а имеет место явно выраженная обратная тенденция, что может быть расценено как явный регресс знания. Накопленные антропологией знания по вариабельности различных систем организма человека пока, к сожалению, если и востребованы, то фрагментарно, даже такими приближенными к человекознанию направлениями, как, например, теория функциональных систем П.К. Анохина.

Автор уже уделяла специальное внимание тем аспектам, развитие которых могло оказать существенную помощь медицине –

¹ Последняя из упомянутых, кстати, подготовлена на основании курса лекций, прочитанных в Воронежском университете, а первая – вышла двумя изданиями большими тиражами и имела повсеместный успех.

науке, от которой антропология, изучающая пространственную вариацию морфологических особенностей строения тела человека, «отпочковалась» более двух столетий назад (см., например: Дубова, Созинова, 1998; Дубова, 1999, 1999а). Подчеркну здесь главное: именно биология человека и антропология, в частности, дают в руки теории медицины так необходимую ей концепцию человека как целостной системы. Именно благодаря достижениям антропологии, возможно успешнее ориентировать лечение в зависимости от степени реактивности организма на разные внешние воздействия. Тот факт, что степень реактивности организма является индивидуальным показателем, доказан уже давно. Уже более полувека назад отмечались групповые (возможно и расовые) различия в чувствительности к различным лекарственным препаратам (см., например, Vallois, 1952., p. 161). Есть основания полагать, что у представителей разных групп человечества пределы вариации физиологических, гуморальных показателей также различаются. Такие данные накапливаются современной медициной,² но опять же аналитическому синтезу пока не подвергались. Но то, что медицинские фундаментальные исследования в большинстве случаев опираются на абстрактные «группы» населения (например, население такого-то города, представители такой-то национальности, когда место рождения людей игнорируется и т.п.), а не на биологические совокупности, именуемые популяциями, ведет к затушевыванию закономерностей изменчивости и непониманию ее причин.

Появляются, правда, и обнадеживающие суждения: «Определяющим направлением в гуманитаризации и профессионализации современного медицинского образования является, на наш взгляд, антропологизация медицинского знания, теоретической и практической медицины, подготовки медицинских кадров» (Курсаков, 2005, с. 307). Но, увы, под «антропологизацией» имеется в виду ее философская составляющая: «Системный подход к

2 Например, трансплантологи сталкиваются с тем, что почки представителей одной расы имеют большую вероятность отторжения представителями другой; делаются попытки разработки (даже в США!) лекарственных средств, более эффективных для применения, например, только афроамериканцами; техника микрооперации на глазах у населения Ближнего Востока, например, отлична от таковой для средней полосы России, т.к. практически выявлены групповые отличия в расположении мышц века и глаза; имеются свидетельства различной иммунологической реактивности представителей разных рас (Эфроимсон, 1971) и т.д.

человеку и феномену его здоровья дает интегральная медицина, методологической основой которой явилась философская антропология — целостная концепция человека, построенная на новом интегративном подходе (Б.В. Марков), рефлексии мировоззрения и антропологической онтологии, развивающей взгляды о единстве природы и человека, общества и личности, творческой сущности бытия человека (В.Н. Сагатовский)» (Курсаков, 2005, с. 308).

Но почему медицина почти «не замечает» сделанного антропологией, несмотря даже на подготовку специальных изданий (см., например: «Антропология – медицине», 1989)? Наверное, есть и причины внутри самой медицины, которая все же остается нацеленной, прежде всего, на изучение патологии и поиск путей ее искоренения. Но постараемся обратить свое внимание и на тех, кто в России профессионально занимается изучением антропологии. Самый крупный и самый «старший» центр – Научно-исследовательский Институт и Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Аночина. С ним тесно связан научный коллектив кафедры антропологии Биологического факультета МГУ – ныне единственное в стране учебное заведение, где готовятся специалисты в этой области. Но исследования этих учреждений все больше нацелены на проблемы биологии человека, даже еще уже – только морфологии, морфо-физиологии человека. Созданное В.П. и Т.И. Алексеевыми подразделение в Институте археологии РАН также сконцентрировано на решении ограниченного числа задач – палеоэкологии и частично палеоантропологии. Основное направление работ Отдела антропологии МАЭ в г. Санкт-Петербурге – палеоантропология преимущественно северо-запада Европейской части России. Пожалуй, самый крупный региональный антропологический центр организовался ныне в Тюмени, благодаря усилиям В.А. Дремова, А.Р. Кима и А.Н. Багашова, но его круг интересов ограничивается палеоантропологией и палеопатологией. К нему «тяготеет» и лаборатория в Томском государственном университете (М. Рыкун). Также на палеоантропологии сконцентрировала свое внимание антропологическая лаборатория Института истории УНЦ РАН в г. Уфе (Р.М. Юсупов), и «очаги» антропологии в Самарском (А.А. Хохлов), Алтайском (С.С. Тур), Башкирском (А.И. Нечвалода) университетах, в ЮНЦ РАН в г. Ростове-на-Дону (Е. Батиева) и активно развивающееся антро-

пологическое подразделение Волгоградского Государственно-го университета (М. Балабанова, уже имеющая ряд учеников). В Институте общей генетики РАН действуют организованная в 1979 г., благодаря усилиям Ю.Г. Рычкова, лаборатория генетики человека и лаборатория популяционной генетики человека, ведущие те исследования, которые по мысли В.В. Бунака, должны в будущем привести к слиянию антропологического и генетического направлений изучения человека. В Медико-генетическом Научном центре РАМН, в НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков РАМН, в Российской Государственной Академии Физической Культуры (РГАФК), в некоторых других научных учреждениях г. Москвы существуют антропологические «островки» разного размера.

Поскольку только в 2007-2008 гг. потихоньку начинает возрождаться после почти двадцатилетнего перерыва диспансеризация школьников, давно перестали существовать и подавляющее большинство санитарно-гигиенических кабинетов разного подчинения, о которых говорил В.В. Бунак в своей известной работе на симпозиуме «Антропология 70-х годов» (Бунак, 1972), перечисляя научно-исследовательские и учебные кабинеты, лаборатории, кафедры страны. Хотя, конечно, исследования проблемы роста и развития детей и подростков продолжают занимать видное место среди антропологических работ как в Институте антропологии МГУ, так и в РАМН. Хуже обстоит дело с прикладными исследованиями. В 1970-1980-х годах при многих заводах, фабриках, в соответствующих подразделениях Министерства обороны, Министерства гражданской авиации и др. активно проводились работы по эргономичности и стандартизации производимой продукции легкой промышленности (обуви, одежды, мебели и пр.). Развал отечественного производства, вал продукции из зарубежных стран (в большинстве своем низкокачественной не в малой степени из-за падения покупательной способности населения) за прошедшие те же 20 лет привели к тому, что большинство таких лабораторий перестали существовать. Учитывая отсутствие заинтересованных структур, сильно сокращены и исследования в этом направлении.

В регионах России также произошла некоторая «перегруппировка» сил. Антропологическая лаборатория из Томска переместилась в Тюмень. В Уфе вместо антропологической группы в

Музей археологии и этнографии Уфимского НЦ РАН создан уже упомянутый отдел этнографии и антропологии в Институте истории УНЦ РАН. Вновь после небольшого перерыва успешно ведутся антропологические изыскания в Казани (И. Газимзянов). В Институте археологии и этнографии СО РАН работает антропологическая лаборатория (рук. Т.А. Чикишева). Появились новые «антропологические ростки» в Екатеринбурге (Д. Ражев), Майкопе, Красноярске (Т. Рейс), Ставрополе, в Ростовской обл. (В. Кашибадзе). Есть интерес к ауксологии – в Иваново, к изучению этнической антропологии – в Ижевске...

Продолжает изыскания расширившийся за прошедшее время отдел антропологии в Институте истории Национальной академии наук Республики Беларусь в г. Минске (Л.И. Тегако, И.И. Саливон, А.И. Микулич и многие их коллеги, ученики). В весьма сократившемся составе, но разделившийся на две части, функционирует академический антропологический центр в г. Киев на Украине. В Армении, в г. Ереване работает несколько антропологических групп, разместившиеся как в Академии наук, так и в государственном университете. Организованный в Институте истории академии наук Грузии в г. Тбилиси и великолепно оборудованный в 1970-е годы усилиями М.Г. Абдушелишвили отдел антропологии также продолжает свою деятельность, к сожалению, правда, в сильно усеченном виде (рук. Л. Битадзе). Во всем среднеазиатском регионе остался один антрополог – О. Бабаков в г. Ашхабад в Республике Туркменистан, возможности работы которого жестко ограничены границами республики. В г. Алматы Республики Казахстан в таком же «ограниченном» режиме имеет возможность заниматься антропологией несколько более многочисленная группа сотрудников (О. и А. Исмагуловы, К. Сихимбаева). В Литовской республике все большее развитие получают исследования по экологии человека (Р. Янкаускас и его коллеги), сокращены историко-антропологические направления. Центр антропологических исследований Эстонии переместился из г. Таллинна в г. Тарту, большинство исследований посвящено проблемам ауксологии и изучению физического развития человека (Х. Каарма с большой группой коллег), издается серийное издание *Papers on anthropology* (17 выпусков).

Этот беглый обзор пунктирно очертил географию антропологических точек на пространстве бывшего СССР. Конечно, в его

задачи не входила подробная характеристика проблематики, над которой работают антропологи стран СНГ и Балтии. И в других, не упомянутых ведомствах, в регионах также есть отдельные исследователи, которые вносят весомый вклад в антропологию как науку об изменчивости человека во времени и пространстве.

Антропологические подразделения Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН занимают среди этих антропологических центров особое место. Именно здесь М.М. Герасимовым была создана и ныне плодотворно трудится уникальная Лаборатория пластической реконструкции, чьи работы успешно сочетают восстановление облика исторических личностей, людей древнейших эпох с более повседневной – криминалистической – практикой. В 2002 г. именно в ИЭА, благодаря инициативе М.Л. Бутовской, организована группа – Центр эволюционной антропологии, со своими особыми задачами, которая в 2008 г. была объединена с сектором этнической психологии и преобразовалась в сектор кросскультурной психологии и этологии человека. Основными задачами этой групп являются исследования эволюции социальных отношений с использованием, в том числе, и данных физической антропологии. Автор данной работы в меру своих сил пытается предпринимать усилия в направлении экологии человека в рамках сектора этнической экологии Центра междисциплинарных исследований.

И, наконец, отдел антропологии ИЭА РАН, который был создан 66 лет назад и некогда один объединял всех антропологов Института. Он имеет свою богатую историю. Его лицо представляют крупнейшие отечественные ученые, снискавшие и широкую мировую известность – В.В. Бунак, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебеч, В.П. Алексеев, М.М. Герасимов, Т.А. Трофимова, А.А. Зубов, И.М. Золотарева. Как-то принято считать, что главной задачей этого подразделения являются исследования по этнической антропологии. Некоторые (и их немало!) полагают, что этническая антропология – это использование антропологических данных в этногенетических реконструкциях. Мне думается, что это – суженное понимание задач данного направления. Цель этнической антропологии – изучение всего многообразия взаимосвязей биологических совокупностей – человеческих популяций – и социально-культурных, культурно-языковых, историко-культурных общностей – народов, этносов, национальностей... Кроме всего

прочего, и изучение самой проблемы, как и почему в одних случаях границы популяции совпадают с этническими, а в других – с языковыми, а в третьих – с этно-культурными, а в четвертых – с государственными.

Но и в таком расширенном понимании целей и задач этнической антропологии, ею не ограничивались никогда и не могут быть ограничены теперь, когда он получил громкое название «Центра», направления развития антропологии в ИЭА РАН. Главная их специфика мне видится в комплексности разработки проблем, будь то истории или биологии, т.е. именно пограничных, антропологических. Благодаря комплексности подхода к изучаемым проблемам, отдел долгое время был единственным подразделением такого рода в нашей стране.

Антропологические исследования всегда составляли заметную часть в деятельности Института.³ В некогда триединстве археология-антропология-этнография именно антропология занимала особое место, дополняя знания двух гуманитарных дисциплин естественнонаучными достижениями. Если десятилетия назад динамика особенностей внешнего облика населения использовалась смежными науками практически лишь для прояснения спорных вопросов сложения народов, то ныне, благодаря успехам экологии, геохимии, почвоведения, палеопатологии и др., антропология помогает обрисовать образ жизни, систему питания, состояние здоровья, окружающую среду древних популяций, т.е. полнее представить всю их систему жизнеобеспечения. Представляется, что именно комплексный, многосторонний подход к изучению исторического процесса может объективнее охарактеризовать его. Такой подход прекрасно зарекомендовал себя в разных ситуациях: и при исследовании этногенеза народов Средней Азии, когда энергией С.П. Толстова уже в 1940-е годы были организованы археолого-антрополого-этнографические экспедиции в разные ее регионы (см. программную статью: Толстов, 1947, а также серии: Труды ХАЭЭ; Материалы

3 Далее в работе основное внимание уделяется исследованиям по этнической антропологии. Это не означает, однако, что автор считает проблемы антропогенеза, конституциологии, морфологии человека и др. менее важными. Переживания за будущее этой области знания (в том числе уникальной, наработанной не одним поколением отечественных специалистов методики описания внешнего облика современных популяций, «носителями» которой ныне является всего несколько человек) заставили автора сконцентрироваться именно на ней.

ХАЭЭ и мн. др.); и в процессе изучения народов Прибалтики, когда М.В. Витов предпринимал попытки сочетать широкомаштабные антропологические изыскания с применением количественного анализа в этнографической работе (см., например, работу М.В. Витова, изданную, к сожалению, лишь в 1997 г, а также Труды Прибалтийской..., 1959); и в многоплановых выездах Чукотской, Камчатской, Тувинской и др. экспедиций, организованных, благодаря В.П. и Т.И. Алексеевым, содружеством Института этнографии АН СССР и НИИ и Музея антропологии МГУ, успешно сочетавших археологические и этнографические работы не только с антропометрическими, одонтологическими, дерматоглифическими, физиологическими обследованиями, но и с генетико-демографическими и антропогенетическими, серологическими исследованиями (см. сводные тома публикации результатов этих исследований – Антропоэкология Центральной Азии, 2005; Антропоэкология Северо-Восточной Азии, 2008); и по-своему уникальное, но, увы, не доведенное до этапа синтеза данных исследование группы под руководством Ю.Б. Симченко и Г.М. Афанасьевой по медико-генетическому, генеалогическому и этнографическому изучению обособленных популяций Крайнего Севера в содружестве с СО РАН (см. ряд их публикаций: Афанасьева, Симченко, 1992; Афанасьева, 1990; Сукерник и др., 1996 и др.); и, конечно, в грандиозной многолетней экспедиции по изучению популяций с повышенным процентом долгожителей в Абхазии и Азербайджане, в составе которой работали специалисты уже многих, в том числе медицинских, учреждений, да и большая часть сотрудников Института этнографии под общим руководством администрации и В.И. Козлова (Абхазское долгожительство, 1987; Долгожительство в Азербайджане, 1989; Феномен долгожительства, 1982; Proceedings..., 1982 и др.). Эти работы были расширены на изучение этнической экологии переселенческих групп (Духоборцы и молокане, 1992; Русские старожилы Закавказья, 1995; Русские старожилы Азербайджана, 1989 и др.), а затем и современных популяций (например: Современная Абхазия, 2006; Этническая экология..., 2008 и др.). Я перечислила, с моей точки зрения, наиболее крупные проекты, но список, конечно же, может быть расширен.

В этой связи было бы несправедливо не сказать, что проблеме взаимодействия человеческих коллективов между собой, с окру-

жающей природной и социальной средой не уделяется внимание в других учреждениях. Так, именно эта задача является основной для тюменского Института проблем освоения Севера. В нем, наряду с уже упоминавшейся группой антропологии и этнографии, работают лаборатории археологии, палеоэкологии человека, социально-исторических исследований, устойчивости биоценозов, а также ландшафтных и фитоценологических исследований. В г. Горно-Алтайске в 2008 г. была проведена международная конференция «Биоразнообразии, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее» (Биоразнообразие..., 2008). В ее рамках работала секция IV. «Интегративная антропология (Integrative anthropology)», на которой были представлены такие, например, доклады как «Специфика среды существования и развития человека»; «Концептуальный комплекс “человек – природа – культура” в контексте культурно-экологического дискурса»; «Эколого-виктимологические аспекты поведения преступника и агрессии»; «Влияние факторов окружающей среды на организм подростков Республики Алтай» и многие другие.

Нельзя не напомнить и про те усилия, которые предпринимались членом-корреспондентом РАН Б.А. Никитюком в направлении интеграции медицинского, анатомического и антропологического знаний (см, например: Материалы..., 2002). Проект «Взаимодействие этносов на Южном Урале в X-XX вв. Комплексное этнологическое антропологическое исследование», получивший поддержку РГНФ (№ 01-01-00375а, руководитель Р.И. Якупов), предполагал изучение истории формирования населения Южного Урала (прежде всего северной части Республики Башкортостан и прилегающих областей), исторических контактов народов, живших на данной территории и современных этнических процессов по антропологическим и этнокультурным характеристикам. Особый аспект проблемы – изучение древнейшей истории взаимодействия финно-угорских и тюркских народов (Дубова и др., 2004, 2006).

Было проведено и небольшое комплексное исследование (результаты которого, к сожалению, пока не увидели публикации) по проекту «Историческая антропология Молдавии», которое также получило поддержку РГНФ (№ 02-01-00297а, рук. Дубова Н.А.). Главная цель проекта – комплексное антрополого-ге-

нетическое, этнодемографическое и социологическое исследование населения Молдавии (Дубова и др., 2004а; Varsahr et al., 2003; Varsari et al., in print). И еще один пример: проект «Историческая антропологии и экология населения Туркменистана с эпохи бронзы до современности»⁴. Этот проект отличается от двух предыдущих прежде всего тем, что в нем данные антропологии древнего и современного населения (одонтология, кефалометрия, кефалоскопия, палеоантропология, палеопатология, остеология) анализируются вместе с археологическими сведениями. В основе работы – новейшие уникальные палеоантропологические материалы эпохи бронзы – могильник Гонур (Южная Туркмения, раскопки В.И. Сарияниди), в котором описано около 4000 погребений, а также имеющиеся у автора заделы по антропологии современного населения всех областей Средней Азии (более 60 выборок). Основная задача проекта – изучение этого материала и анализ процесса сложения антропологического облика населения региона с эпохи бронзы до современности с учетом демографических процессов и экологической ситуации. Можно упомянуть и еще один проект, попадающий в рамки такого рода исследований. Это обобщение имеющегося материала по антропологии ногайцев (Антропология ногайцев, 2003). В подготовленной книге нашли место и палеоантропологические данные, и результаты изучения современных жителей, одонтология древнего и современного населения, демографические, остеометрические и генетические сведения.

Число примеров, бесспорно можно умножить, но важно подчеркнуть: с одной стороны, речь идет о понимании необходимости интеграции разных знаний о человеке, а с другой – что в большинстве случаев собственно синтеза данных даже внутри самой антропологии, увы, не происходит – специалисты разных специ-

4 В разные годы части этой большой программы получали финансовую поддержку разных фондов: РГНФ (№ 00-01-18034е Сбор полевых материалов по теме «Этническая антропология Средней Азии»; № 07-01-18017е Сбор полевых материалов по теме «Социально-культурные и биологические факторы формирования антропологического состава населения Средней Азии»); РФФИ № 07-06-00062а «Комплексное исследование памятника бронзового века Гонур-депе (археология, палеозоология, палеоантропология, геохимия, металлургия и радиоуглеродное датирование)»; Программа Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие народов Евразии» проект «Историческая антропологии и экология населения Туркменистана с эпохи бронзы до современности» (2003-2005).

альностей работают самостоятельно, не координируя свои исследования с «соседями». Крайне удручает то обстоятельство, что исследования по этнической антропологии, особенно касающиеся изучения современного населения, практически прекращены. Более того, они по каким-то явно не научным обстоятельствам получают в последнее время разную оценку не только специалистов смежных специальностей, но и самих антропологов. Причин этому, конечно, много. И среди них главная – именно то, о чем говорилось в самом начале: сужение границ научных направлений, узкая углубленная специализация, непонимание языков даже близких смежников. Немаловажную роль играет здесь и политика (подробнее см., например: Дубова, 2009).

Тем не менее, исследователи, накопившие к настоящему времени большой объем специализированных знаний, чтобы в полной мере их оценить и осмыслить, обращаются к достижениям пограничных дисциплин. Очень показательна в этом отношении, например, генетика человека, которая в начале бурного своего развития пыталась отрицать многие концепции морфологии, антропологии, физиологии, но сейчас поворачивается именно к этим направлениям, чтобы от атомизированного гена, кодирующего синтез того или иного белка, подойти к представлениям о передаче по наследству системных особенностей.

Представляется весьма печальным тот факт, что направления комплексных исследований, основой которых являются антропологические, практически не развиваются. Именно поэтому хотелось бы хотя бы в форме пожелания наметить перспективы развития антропологии в ИЭА РАН. Исходя из вышесказанного, первое, что важно подчеркнуть – это сохранение именно комплексности и антропогенетических, и этногенетических исследований. Безусловно, целесообразно сохранить все многообразие подходов к изучению человеческой изменчивости – дерматоглифики, одонтологии, остеологии, соматологии, кефалометрии, краниометрии и проч., пытаясь дополнять их современными методами – молекулярно-генетическими, физиологическими, биохимическими, микроморфологическими... Уже сейчас антропологи ИЭА обладают уникальными материалами, собранными с применением многих из перечисленных методик в одной и той же популяции, на одних и тех же индивидуумах: это резуль-

таты только что упоминавшихся многоплановых Чукотской, Камчатской, Тувинской и др. экспедиций, проекта по изучению обособленных популяций Крайнего Севера и по исследованию популяций с повышенным процентом долгожителей в Абхазии и Азербайджане. Еще раз хочу обратить внимание на то, что в каждой из перечисленных экспедиций были собраны, а ныне в значительной степени и обобщены, данные, позволяющие уже сейчас попытаться от изучения наследования атомизированного гена, кодирующего синтез того или иного белка, подойти к представлениям о передаче по наследству системных особенностей, причем не у весьма «поднадоевшей» генетикам мушки-дрозофилы, а у человека. Мне представляется, что в настоящее время это – одно из передовых направлений науки, в которое именно антропологи, в том числе и нашего института, сотрудничая с генетиками, могли бы внести весьма весомый вклад.

Не менее важно и более узкое, глядя с какой-то стороны, направление исследований, нередко считающееся единственной задачей этнической антропологии, – изучение антропологического состава населения земного шара. Широко распространено представление, что все главные проблемы в этой сфере знаний решены, основные группы народов на всех континентах изучены, и, в общем-то оригинального предмета у этнической антропологии, да и у расоведения в целом, как бы и нет. Думается, что на таком же основании вполне могут быть «закрыты» и география, и геология, ряд фундаментальных биологических дисциплин (например, ботаника, зоология) и т.д., в которых тоже уже давным-давно так называемые основные проблемы решены... Одним из оснований для создания подобного рода иллюзий в области изучения антропологического состава народов мира был широкий размах исследований в нашей стране в 1950-1970-х годах. Простое перечисление только монографических публикаций на эти темы заняло бы не одну страницу. И, тем не менее, кефалометрия, кефалоскопия, одонтология и др. системы даже аборигенного населения большинства стран мира, в том числе Европы, не говоря уж о современных городских жителях или, например, мигрантах, не могут считаться изученными даже в первом приближении. Все имеющиеся зачерпывания или безнадежно устарели (относятся, например, к 1920 – 1930 гг. – это не менее 3-х поколений до современности, Вторая мировая война, развал СССР, политические

изменения на Африканском, Европейском, Южноамериканском, Азиатском континентах...), или подробно характеризуют лишь популяции отдельных государств или их регионов (например, Болгарии, Польши, Японии, Китая и др.). Каковы антропологические особенности, например, современных французов или итальянцев разных областей, чем отличаются французы-парижане от французов-жителей Алжира или Корсики, чем современное население Осло отличается от такого в начале века и проч. не знает в настоящее время никто. Путем логических заключений, вероятно, можно предположить возможные направления различий, но реальные показатели (по большинству антропологических систем) в публикациях отсутствуют. А ведь в архиве ИЭА РАН уже более 50 лет хранятся результаты обследования представителей почти всех народов Европы, проведенные крупнейшими антропологами нашей страны – В.В. Бунаком, Г.Ф. Дебецем, М.Г. Левиным и др. Данные по населению Японии были проанализированы М.Г. Левиным (Левин, 1975), а вот европейские материалы, будучи даже в значительной степени статистически обработанными, до сих пор ждут своей очереди.

Можно привести и более частные примеры. Антропологический состав коми описан Н.Н. Чебоксаровым в 1946 г. на основании изучения студентов сельскохозяйственного института г. Сыктывкара (!) (Чебоксаров, 1946). К специальному изучению этого народа обратилась лишь Советско-финляндская комплексная экспедиция 1976 г. (*The Physical anthropology...*, 1978), и ряд локальных их групп были исследованы в качестве сравнительных. Изданная не так давно книга «Антропология коми» (2005) обобщила все данные, которые имеются в настоящее время. Ответственный редактор тома Г.А. Аксянова сама отмечает, что локальные группы этого народа неравномерно изучены по разным системам признаков (Антропология коми, 2005, с. 260). Тем не менее, эта публикация обобщила материалы, собранные в разное время, не всегда, увы, представляющие одни и те популяции по разным системам признаков, и ввела в оборот данные по антропoэстетике, новые палеoантропологические и генетико-демографические сведения.

То же можно сказать о многих народах Поволжья и Приуралья, включая даже башкир и татар. Заканчивая описание антропологии современного населения Башкортостана, М.С. Акимова

в своих последних работах конца 1960-х гг. писала, что для окончательного решения очень сложной проблемы этногенеза народов этой территории необходимо иметь значительно большие антропологические материалы (Акимова, 1974, с. 96). Работа Т.А. Трофимовой 1949 г., являвшаяся ее кандидатской диссертацией (Трофимова, 1949), до сих пор остается основной по этнической антропологии татар Поволжья. В научной литературе практически нет сведений о женщинах и детях Африки. Пока сводка Ж. Эрно 1968 г., охватывающая лишь часть мужского населения континента (Hiernaux, 1968), остается практически исчерпывающей характеристикой степени изученности антропологии всего этого региона. Думаю, что исследователь любого уголка мира может продолжить этот список. Не в такой ли «полной изученности» коренится нерешенность многих основных проблем антропологии: например, полового диморфизма, закономерности возрастной динамики кефалометрических признаков, наличия или отсутствия иерархии человеческих популяций, расового деления современного и древнего человечества и многие другие!? Поэтому, как мне представляется, важнейшая задача – изучение антропологического состава народов мира, заполнение белых пятен на антропологической карте – остается приоритетной среди прочих, стоящей ныне перед антропологией.

Представляется также, что для выделения в этой большой задаче «генеральных направлений» необходимо продолжить и завершить начинание В.П. Алексеева по подготовке многотомной, справочной, богато иллюстрированной и написанной доступным для специалистов разных дисциплин языком, сводки «Антропология народов России и сопредельных стран», начало которой, благодаря усилиям Т.И. Алексеевой, положено выходом в свет книги «Восточные славяне: антропология и этническая история» (1999). По степени изученности и готовности данных в ближайшее время могли бы быть, наверное, доведены до публикации аналогичные сводки как раз по Приуральско-Поволжскому региону, по Сибири.

Следует обратить внимание и на то, что «полностью и окончательно» изучить антропологический состав народов земного шара вообще невозможно. Через любой, даже очень незначительный, промежуток времени внешний облик земных жителей изменяется – в этом и заключается историчность многих антропологичес-

ких категорий, тем более так или иначе увязанных с социально-культурными, культурно-языковыми и другими общностями, которые сами не менее изменчивы. И в этом «всеобщем движении и изменении» антропология может сказать свое слово. Так, в разделе «Общий обзор расообразовательного процесса» одной из своих работ В.П. Алексеев выделил четыре этапа расообразования или, как можно было бы сказать шире – формирования внутривидовой изменчивости (Алексеев, 1985, с. 281-284). Первый отнесен им к эпохе нижнего или среднего палеолита и связан с выделением первичных очагов расообразования, сложением основных расовых стволов – западного (объединяет европеоидов, негроидов и австралоидов) и восточного (азиатские монголоиды и американоиды); второй – к эпохе верхнего палеолита и частично мезолита и связан с выделением вторичных очагов и расширением ойкумены; третий – к концу мезолита и неолиту, связан с увеличением численности человечества, более интенсивной хозяйственной эксплуатацией уже освоенных районов, с освоением новых экологических ниш в пределах ранее заселенных территорий, с формированием третичных очагов расообразования и в их пределах – локальных рас и, наконец, четвертый – к эпохе бронзы и частично раннего железа, связан с оформлением той картины расового состава человечества, которую мы застаем в настоящее время. Важными характеристиками всех этих этапов В.П. Алексеев считает демографическую ситуацию (в том числе плотность населения и миграции), давление факторов среды и смешение. Но эти факторы существенно изменяют свое влияние и на формирование историко-культурных общностей, и на популяционную структуру человечества, начиная уже со IV тыс. до н.э. (а может быть, и ранее), когда важнейшую роль начинают играть населенные пункты с особой структурой населения – города. Мне приходилось специально останавливаться на антропологических аспектах процесса урбанизации. Кстати сказать, сама тема и направление исследования были подсказаны автору А.А. Зубовым. Автором была высказана мысль, что города, которые являются очагами нового типа формообразования внутри вида *Homo sapiens*, где происходит интеграция генетической информации с определенной территории (Дубова, 1989), можно считать новым, в рамках концепции, предложенной В.П. Алексеевым, этапом формообразования внутри вида *Homo sapiens*. Ведущими факторами

этого этапа следует считать: а) процесс метисации различных генофондов, особенностью которого по сравнению с предыдущими эпохами является смешение между собой не различных целых (или крупных частей) популяций, а только отдельных представителей таковых, и б) формирование нового морфо-функционального комплекса особенностей (по-видимому, сопряженного и с своеобразными психо-соматическими и психологическими характеристиками), наиболее приспособленного к городской среде обитания, в значительной степени созданной самим человеком.

Население города на современном этапе представляет собой сложную систему популяций, находящихся между собой в тесном взаимодействии. Результатом этого взаимодействия являются появление и закрепление новых своеобразных, свойственных только городскому населению, особенностей физического типа. Поэтому, с другой стороны, вполне возможно говорить о выделении, наравне с тропическим, арктическим, аридным и другими адаптивными типами в рамках концепции, предложенной Т.И. Алексеевой, и особого – городского адаптивного типа. Но, как справедливо отмечено Т.И. Алексеевой, «антропология городских популяций, как проблема современной науки, пока еще находится в стадии становления» (Урбоэкология, 1990). Здесь не место подробно останавливаться именно на этом аспекте антропологических исследований, но важно подчеркнуть, что как экологические сюжеты в целом, так и урбанистические, в частности, могли бы занять достойное место в тематике специалистов этой отрасли знания, в том числе и в ИЭА РАН. Кроме всего прочего, именно экологическая тематика могла бы быть интересным, важным продолжением и развитием идей академика В.П. Алексеева, имя которого носит кабинет-музей, входящий в состав отдела антропологии института.

Развивая эту же идею, в более общем плане можно было бы остановиться также на возможности кооперации и проведения коллективных прикладных исследований с физиологами, психологами, медиками разных специальностей, т.к. именно в этих областях, как показывает участие в совместных научных мероприятиях, специалисты уже вплотную подошли к осознанию вариативности нормы, т.е. фактически к необходимости применения антропологических наработок в своих отраслях. Другими словами повторю то, что сказано в начале – перспективы разви-

тия антропологии вообще и в ИЭА РАН в частности, мне видятся не просто в сохранении комплексных пограничных исследований на стыке разных разделов знания, а в расширении объема работ именно такого рода.

Увы, коммерциализация всего и вся в стране, отсутствие реального финансирования фундаментальных исследований, изменение приоритетов приводят к невозможности расширения или хотя бы продолжения в том же масштабе работ, как это было, например, в 1950-е или 1970-е годы. Соответственно происходит и снижение реальной ценности фундаментальных научных изысканий в целом. Можно, конечно, говоря о перспективах развития антропологии, исходить только из весьма ограниченных кадровых возможностей, которые ныне имеют многие научные коллективы. Будут ли это собственно перспективы – большой вопрос. Не формулируя для себя актуальных проблем науки, не обрисовывая каких-либо ориентиров, к которым можно было бы стремиться, не предпринимая усилий для улучшения ситуации (в том числе кадрово-возрастной), вряд ли можно успешно преодолеть явно имеющиеся место кризисные явления.

Однажды в обычной беседе один из ведущих антропологов России д.б.н. Илья Васильевич Перевозчиков сказал очень важные слова: «Мы - антропологи – владельцы уникального знания. Нас очень мало и мы должны сделать все, чтобы сохранить это знание и передать следующим поколениям». Я целиком согласна с этим, кроме одного – сохранить путем «консервации» знания можно, но они со временем могут потерять свою «всхожесть». Мне кажется, мы должны не только сохранять достигнутое основателями, но и преумножать, развивать это, переходя на новые иерархические уровни, применяя современные знания, используя вновь открываемые, в том числе и в пограничных биологических и гуманитарных дисциплинах, закономерности.

Литература

- Абхазское долгожительство \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987.
Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геогеография. М., 1974.
Акинщикова Г.И. Антропология. Учебное пособие. Л., 1973.

- Алексеев В.П. Горизонты антропологии // Будущее науки. Вып. 5. М., 1972.
- Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979.
- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
- Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М., 1985.
- Алексеева Т.И. Предисловие // Антропология. Учебник для вузов. М., 2004. С. 3.
- Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- Антропологический словарь. М., 2003.
- Антропология. Хрестоматия. Учебное пособие для студентов. \ Сост. Рыбалов Л.Б., Россоломо Т.Е., Москвина-Тарханова И.А. М.-Воронеж, 2002.
- Антропология коми \ Отв. ред. Г.А. Аксянова. М., 2005.
- Антропология ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия северного Кавказа. Вып. IV \ Отв. ред. выпуска М.М. Герасимова. М., 2003.
- Антропология – медицине \ Ред. Т.И. Алексеева. М., 1989.
- Антропозология Центральной Азии \ Ред. Т.И. Алексеева, Р.М. Мунчаев, О.М. Павловский, Б.Б. Прохоров, В.А. Спицин. М., 2005.
- Антропозология Северо-Восточной Азии \ Ред. Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, М.В. Добровольская. М., 2008
- Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (Проблемы репродукции обособленных популяций). М., 1990. Ч. 1-3.
- Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXI: Методика этнологических и антропологических исследований. Кн. 1. М., 1992.
- Биоразнообразие, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее. Материалы Международной конференции (22-26 сентября 2008 г.). Горно-Алтайск, 2008.
- Бунак В.В. Антропология, ее разделы и содержание // Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я. Антропология. М., 1941. С. 5-12.
- Бунак В.В. О перспективах развития антропологии как особой науки // Антропология 70-х годов. М., 1972. С. 3-24.
- Витов М.В. Этнография Русского Севера. М., 1997.
- Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология восточной Прибалтики // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959. Т. 2.
- Вишневский Б.Н. Естественная история человека (Очерк исторического развития антропологии) // Вселенная и человечество. Кн. 6. Л., 1928.
- Восточные славяне: антропология и этническая история \ Ред. Алексеева Т.И. М, 1999.
- Дерягина М.А. Антропология. Эволюция и биология человека. Курс лекций. М., 1994.
- Долгожительство в Азербайджане \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1989.
- Дубова Н.А. О некоторых аспектах содержания антропологической науки // СЭ. 1983. № 6. С. 62-67.
- Дубова Н.А. Антропологические аспекты урбанизации // СЭ. 1989. № 6. С. 76-89.
- Дубова Н.А. О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 30-40;

- Дубова Н.А. Этномедицинское обследование населения // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999а. С. 254-294.
- Дубова Н.А. Биологическая и социально-культурная дифференциация человечества. (История, экология и политика) // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009.
- Дубова Н.А., Варзарь А.М., Суворова Н.А., Рожанская Е.А. Антропологические исследования на юге Молдавии // ПИИЭ. 2002. М., 2004а. С. 87-101
- Дубова Н.А., Нечвалода А.И., Рожанская Е.А., Суворова Н.А., Якупов Р.И. Комплексные этнолого-антропологические исследования в Башкортостане // ПИИЭ 2002. М., 2004. С. 71-86
- Дубова Н.А., Нечвалода А.И., Рожанская Е.А., Суворова Н.А. Комплексные этнолого-антропологические исследования в северном Башкортостане // Взаимодействие этносов на Южном Урале. Комплексные этнолого-антропологические исследования. Уфа, 2006. С. 24-37.
- Дубова Н.А., Созинова Н.Д. Антропологический подход к характеристике заболеваемости // Вестник антропологии. Вып. 4. М., 1998. С. 17-29.
- Духоборцы и молокане в Закавказье \ Ред. Козлов В.И., Павленко А.П. М., 1992.
- Зубов А.А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР // СЭ. 1982. № 5.
- Курсаков В.И. Антропологизация медицинского знания // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Выпуск 3 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб, 2005. С. 307-312.
- Левин М.Г. А.П. Богданов и русская антропология // СЭ, 1946. № 1.
- Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1975.
- Левин М.Г., Рогинский Я.Я. Основы антропологии. М., 1955.
- Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. СПб., 2002.
- Рогинский Я.Я. Методологические основы антропологии // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1966. № 3.
- Рогинский Я.Я. Левин М.Г. Антропология. М., 1963, 1979.
- Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии \ Ред. Козлов В.И., Дубова Н.А. М., 1989. Ч. 1, 2.
- Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы \ Ред. В.И. Козлов. М., 1995.
- Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования \ Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М., 2006.
- Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. \ Ред. С. П. Толстов, Т. А. Жданко. М., 1954; Вып. II. М., 1959.
- Сукерник Р.И., Шур Т.Г., Стариковская Е.Б. Уоллес Д.С. Изменчивость митохондриальных ДНК у коренных жителей Сибири в связи с реконструкцией эволюционной истории американских индейцев // Генетика. 1996. Т. 32. № 3. С. 432-439.
- Тегако Л.И., Кметинский Е. Антропология. Учебное пособие. М., 2004.
- Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // СЭ. 1947. VI-VII. Сб. статей. М.-Л., 1947.
- Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТриЭ. Т. VII. М., 1949.
- Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1, 2. М., 1959.
- Урбозкология. М., 1990.

- Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования \ Отв. ред. С.И. Брук. М., 1982.
- Харитонов В.М., Ожигова А.П., Година Е.З. и др. Антропология. Учебник для вузов. М., 2004.
- Хомутов А.Е. Антропология. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2002.
- Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М., 1999.
- Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2.
- Чепиков М.Г. Интеграция науки. М., 1981.
- Этническая экология: народы и их культура \ Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М., 2008.
- Эфроимсон В.П. Иммуногенетика. М., 1971.
- Hiernaux I. La diversite humaine en Afrique subsaharienne. Bruxelles, 1968.
- Proceedings of the First Joint US-USSR Symposium on Aging and Longevity. Vol. 1–2. N.Y., 1982.
- Vallois H.V. Race // Anthropology Today. Chicago, 1952.
- Varsahr A.M., Dubova N.A., Kutuyev I.A. Serological researches in the south of Moldavia in connection with the problem of the ethnogeny of the Gagauzes, the Moldavians and the Bulgarians // Anthropologische Anzeiger. 2003. Dec; 61(4). S. 395-411.
- Varzari A., Kharkov V., Stephan W., Dergachev V., Puzyrev V., Weiss E.H., Stepanov V. **Searching for the origin of Gagauzes: Inferences from Y-chromosome analysis** // Am. Journal of Human Biology (in print)

*Е.З. Година, Л.В. Задорожная, И.А. Хомякова,
А.Л. Пурунджан, О.А. Гилярова, А.В. Степанова*

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ СРЕДЫ НА ПРОЦЕССЫ РОСТА И РАЗВИТИЯ У ЧЕЛОВЕКА¹

Рост обусловлен взаимодействием эндогенных генетических факторов (*детерминантов*), эндогенных парагенетических факторов (*стимуляторов*) и экзогенных, средовых факторов – *модификаторов* (Malinowski, 2004). К последним относятся биогеографические (климат, сезонность и др.), социально-экономические (образование и профессия родителей, доход и социально-экономический статус семьи, жилищные условия и т.д.), психологические (например, психологический климат в семье), антропогенные (урбанизация, индустриализация, промышленное загрязнение, шум и др.).

Человек отличается от других приматов не только большей продолжительностью периода роста, но и большей чувствительностью ростовых характеристик к факторам окружающей среды – большей *экосенситивностью*. Изучение влияния факторов среды на организм человека представляет в наши дни, помимо академического интереса, чисто практическую задачу, связанную с выживанием человека как биологического вида. Всем известно множество примеров отрицательного влияния недостаточного питания, неадекватного социально-экономического уровня, загрязнения и т.д. на биологический статус человека, в том числе на процессы роста и развития.

Остановимся на некоторых средовых факторах, оказывающих наибольшее влияние на рост и развитие. (Более подробно о влиянии экологических факторов на рост и развитие см. обзор: Година, Миклашевская, 1989).

Биогеографические (природные) факторы

Вопрос о влиянии географической среды обитания на рост и развитие представляется особенно важным, поскольку он является существенной частью общей проблемы адаптации человека к условиям внешней среды, занимающей одно из центральных мест в комплексе наук о человеке.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00410-а

Эта группа факторов включает такие характеристики, как химический состав воды и почвы, температура, влажность, количество кислорода во вдыхаемом воздухе, инсоляция и т.д.

В современном мире исследователи крайне редко сталкиваются с влиянием одних только природных условий, так как человек прямо или косвенно меняет свой биотоп. Именно поэтому в большинстве работ учитывается и культурный компонент адаптации, т.е. комплекс социально-экономических факторов, которые изменяют воздействие биогеографических условий на человеческую популяцию.

Связь между климатическими переменными и морфологическими особенностями населения различных географических зон изучалась многими исследователями. В ряде работ показана справедливость экологических «правил» Бергмана и Аллена для населения Земли: люди, живущие в жарком тропическом климате, в среднем характеризуются меньшим весом, большей длиной конечностей по сравнению с обитателями более холодных широт. Т.И. Алексеева (1986) приходит к выводу о том, что особенности телосложения и пропорций тела, типичные для коренного населения тропиков, умеренной зоны и Арктики, проявляются на ранних стадиях роста и развития.

Одним из наиболее четких примеров, демонстрирующих влияние климато-географических условий на процессы роста и развития, является высокогорная гипоксия, адаптация к которой осуществляется в основном за счет морфофункциональных перестроек самого организма и не может быть компенсирована социальными факторами.

Исследования, посвященные изучению особенностей роста и развития детей в условиях высокогорья, проводились в самых разных регионах нашей планеты. Они показали, что недостаток кислорода сказывается на строении плаценты и внутриутробном развитии плода. Отставание, выраженное у новорожденных, сохраняется и в дальнейшем. Констатировано замедление процессов роста и полового созревания у детей высокогорья, причем это относится практически ко всем обитателям гор – индейцам-кечуа и аймара Южной Америки, жителям Тибета, Памира и Непала. Из всех показателей физического развития только размеры грудной клетки у детей высокогорья увеличиваются быстрее, чем в низкогорье, причем для первых характерна более выпуклая фор-

ма грудной клетки (Бейкер, 1981). Хотя обнаруженная ретардация соматического развития и является характерной чертой высокогорных популяций, она может быть также связана или опосредована некоторой неполноценностью питания, типичной для большинства изученных групп.

Еще один пример влияния географической среды обитания на процессы роста и развития получен при изучении антропометрических показателей детей и подростков, проживающих в условиях йодного дефицита. Установлена тесная связь между концентрацией микроэлементов в окружающей среде и морфофункциональным состоянием организма. Повышенная концентрация необходимых микроэлементов способствует ростовым процессам, а их недостаток может замедлять процессы роста и развития организма. Наиболее существенное значение имеют соли железа, меди, цинка, марганца, хрома, селена, молибдена, кобальта и йода.

Для нормального роста и жизнедеятельности организма особенно необходим определенный суточный минимум солей йода. Содержание йода в окружающей среде представляет собой один из мощных природных факторов, оказывающих влияние на процессы роста и развития через посредство гормонов щитовидной железы. Около 1,5 миллиардов людей на планете подвержены действию этого фактора (Bogin, 1999). Недостаток йода вызывает увеличение объема щитовидной железы (зоб), нарушение ее функций, развитие ряда заболеваний, ухудшение физического и умственного здоровья.

Многочисленными исследованиями показано воздействие йодного дефицита на процессы роста и развития на разных стадиях онтогенеза: во внутриутробном периоде развития, у новорожденных, в период раннего и позднего детства, в подростковый и юношеский период (Курмачева, 2003; Свиначев, 2002; Щеплягина и др., 1995, 2000, 2001, 2003; Binns, 1998; The Prevention and Control..., 1987; Kavishe, 1999; Scott, Duncan, 2003). Выраженный эффект этого воздействия сохраняется вплоть до взрослого состояния. Американский исследователь Л. Грин (Greene, 1973), обследовавший жителей Эквадора, обитавших в условиях хронического йодного дефицита, обнаружил различия в 9,5 см по длине тела между двумя группами мужчин одного и того же возраста с четкими клиническими проявлениями тиреоидной

патологии и при отсутствии этих признаков. Сходные различия были выявлены и для соответствующих групп женщин. Этим же исследователем были показаны популяционные различия между группами индейцев сходного генетического состава, но отличающихся по особенностям места обитания. Индейцы, живущие в йод дефицитной местности, были в среднем на 4 см (женщины) и 5 см (мужчины) ниже, чем их сородичи того же социально-экономического статуса, но не испытывающие на себе неблагоприятного воздействия на организм низкого содержания йода (Greene, 1973).

Социально-экономические факторы

Существует серьезная антропологическая традиция изучения влияния социальных факторов на различные биологические параметры, в первую очередь связанные с процессами роста и развития, так как именно эти последние служат своеобразным индикатором, «зеркалом», происходящих в обществе процессов (Tanner, 1986). Впервые различия между детьми, относящимися к разным социальным слоям, были отмечены еще в XVIII в. В XIX в. подобные факты были выявлены и в других странах, например, в Италии, США, России, где было отмечено, что дети, родители которых занимаются физическим трудом, ниже ростом, чем их сверстники из семей более высокого социального уровня.

В XX в. число исследований, посвященных влиянию социально-экономических факторов на размеры тела у подрастающего поколения, очень велико и получено во многих странах, причем наиболее важным детерминантом признано образование родителей. Для жителей практически всех стран мира выявлена следующая закономерность: дети из более обеспеченных семей выше и тяжелее, чем дети из малообеспеченных семей, однако масштаб различий сильно варьирует и зависит как от выбора критериев, положенных в основу социальной стратификации, так и от фактических условий жизни в рассматриваемых популяциях. Во многих случаях речь идет о кумулятивном действии разных факторов: больше доход, лучше питание, жилищные условия, гигиенические навыки, меньше братьев и сестер, более внимательный уход за ребенком, ниже уровень инфекционных заболеваний и т.д. Как правило, отмечена прямая зависимость между уровнем образования родителей и экономическим стату-

сом семьи и обратная – между уровнем образования и количеством детей в семье. Этот последний показатель связан обратной зависимостью с размерами тела, т.е. длина тела тем меньше, чем больше детей в семье.

О существовании значимых различий между детьми, родители которых относятся к различным социальным слоям, сообщает Таннер (Tanner, 1986). Эти различия сохраняются вплоть до взрослого состояния и составляют у 20-летних англичан 3 см для мужчин и 2 см для женщин (для анализа были взяты только две категории: представители умственного и неквалифицированного физического труда). В национальном исследовании здоровья и роста детей, проведенном в Великобритании в начале 1980-х гг., выявлены существенные различия в размерах тела между детьми безработных и работающих отцов, относящихся к различным социальным классам. Эти различия выражены у детей, начиная с 5-летнего возраста, и достигают в среднем 3,3 см. Показан также устойчивый градиент в снижении длины тела от высшего социального класса к низшему. Различия статистически значимы и достигают 2 см у 5-летних и 3 см у 10-летних детей (Biosocial Aspects..., 1989).

Работы британских ученых в отношении изучения биологии социального класса и вообще социобиологических исследований можно считать классическими, в первую очередь потому, что ими разработана четкая система дефиниций для определения социального класса (Heath, 1989). Например, в одном из самых популярных классификаторов, которым и по сей день пользуются социологи, экономисты и антропологи Великобритании - «Общем регистраторе» Стивенсона, (цит. по: Heath, 1989), предусматривается стратификация общества на пять классов, объединяющих следующие виды деятельности: 1) профессиональный труд (professional and similar occupations); 2) промежуточные занятия (intermediate occupations); 3) квалифицированный труд (skilled occupations); нефизический (non-manual); физический (manual); 4) полуквалифицированный труд (partly skilled occupations); 5) неквалифицированный труд (unskilled occupations). При этом в основу деления на классы положены так называемый принцип «социальной значимости», критерием которой, в свою очередь, становились «культура или ее отсутствие», «интеллект и образование» (Stevenson, 1928, цит. по: Heath, 1989). Использование

этой схемы вовсе не означает превосходства одних классов над другими, но служит удобным инструментом стратификации общества для официальных или исследовательских целей. Отметим, что в целом для западных стран есть соответствие между более высоким социальным классом, иными словами более высоким уровнем образования, и уровнем дохода. Иные закономерности характеризуют бурно протекающий процесс социальной стратификации, происходящий в последние 20 лет в России, где более высокий уровень образования и культуры вовсе не обязательно связан с более высоким материальным положением.

Помимо анализа возрастной динамики размеров тела и интенсивности ростовых процессов для подтверждения социальной обусловленности ростовых закономерностей используется уровень полового созревания, являющийся одним из самых информативных критериев биологического возраста. Влияние социально-экономических факторов на сроки и темпы полового созревания настолько велико, что часто перекрывает возможные этнотерриториальные и климатогеографические различия. Очевидно, что с понижением социального класса значительно возрастают сроки достижения соответствующих стадий зрелости, независимо от этнической принадлежности обследованных групп.

В большинстве исследований в качестве наиболее чувствительного индикатора к воздействию условий среды используется возраст начала менструирования. Отчетливая зависимость более высокого возраста менархе у девочек из менее обеспеченных слоев во внутригрупповом масштабе отмечается в Польше, Судане, Венгрии, Великобритании, Ирландии, Чехии, Японии, Испании, Индии, Нигерии, Бельгии и других странах (Година, Миклашевская, 1989).

Интересно отметить, что попытка выявить зависимость между социальными детерминантами в виде образования и профессии родителей с показателями роста и развития на материалах московских школьников 1980-х годов практически не дала никаких результатов (Година, Задорожная, 1990). За исключением тонкого слоя недосыгаемых и «неизмеряемых» детей номенклатурной элиты, остальная масса московской детской популяции оказалась на удивление гомогенной, что можно объяснить примерно одинаковыми условиями жизни для большей части населения при социализме в Советском Союзе. В настоящее время в нашей

стране активно формируются различные социальные слои, что, несомненно, приводит и к дифференциации различных биологических показателей у детей и подростков.

Среди других показателей, отличающих представителей высших и низших классов, – развитие жировотложения, которое может рассматриваться в развитых индустриальных обществах как свидетельство социального неблагополучия в случае выраженного ожирения. В слабо развитых странах признаком социальной депривации служат крайне низкие величины толщины подкожно-жирового слоя. В обоих случаях речь идет о воздействии питания – несбалансированного или недостаточного.

Таковы, в самых общих чертах, некоторые характеристики биологических показателей, зависящие от социального класса. Как было показано, существуют несомненные доказательства влияния уровня образования и профессии на целый ряд антропологических переменных. Исследования последних лет неопровержимо свидетельствуют о существовании связи между социально-экономическими факторами и соматическим развитием подрастающего поколения. Это также подтверждают морфологические различия между детьми, живущими в городах и сельских местностях.

Урбанизация и рост

Урбанизация – один из наиболее мощных процессов, испытываемых современным человечеством. Вот некоторые цифры: за два столетия городское население Земли возросло в 128 раз, против 6-кратного естественного прироста населения за этот же период. На протяжении XX в. процесс урбанизации привел к концентрации половины населения Земли в городах. Данные по динамике прироста городского подросткового населения в развивающихся странах в конце XX – начале XXI в. свидетельствуют, что еще в 1990-х гг. численность сельского населения была почти на 300 млн. человек больше городского. Однако в начале XXI в. эта тенденция меняется на противоположную, и уже к 2020 г. численность подростков в городах будет на 100 млн. выше, чем на селе (Mayall, 2002).

Городское население формируется под воздействием разнообразных генетических и средовых факторов, причем эти последние носят в основном антропогенный характер. Комплекс усло-

вий, свойственных современному городу, образует экосистему, специфические особенности которой характеризуются влиянием различных воздействий, как положительных (социально-гигиенические условия, медицинская помощь и т.д.), так и отрицательных воздействий (загрязнение среды, психо-эмоциональные стрессы и т.д.).

Изучение процессов роста и развития в городских популяциях в противоположность сельским имеет длительную историю. В XVIII и XIX вв. в большинстве стран Европы и США сельские дети были выше своих городских сверстников. Однако в XX в. эта тенденция меняется на противоположную, что, очевидно, было связано с улучшением условий жизни городского населения. Нередко это результат суммарного действия тех закономерностей, которые были предметом нашего рассмотрения в предыдущем разделе. Так, разница по длине тела между детьми варшавской интеллигенции и польских фермеров составляет в 19-летнем возрасте 6,5 см, что фактически равно величине среднеквадратического отклонения. Эта цифра складывается из различий между сыновьями работников умственного и физического труда, различий по числу детей в семье и различий в связи с размерами населенного пункта (Tanner, 1986).

Городские дети превосходят сельских по длине и массе тела, развитию жирового компонента и другим антропометрическим показателям. Эта тенденция характерна для большинства как экономически развитых, так и развивающихся стран (см. обзор: Година, Миклашевская, 1989).

Различия между городскими и сельскими детьми наблюдаются в разные периоды онтогенеза: у новорожденных, в грудном возрасте, у дошкольников, младших школьников и подростков. У городских детей выявлены более быстрые темпы роста, что выражается в более интенсивных годичных прибавках и более раннем наступлении пубертатного скачка роста. Установлены различия в распределении конституциональных типов: сельские дети более коренасты и брахиморфны. Уступая городским сверстникам по длине и массе тела, они не отстают от них по окружности грудной клетки, демонстрируя тем самым повышенную крепость организма, по сравнению с горожанами. Отметим, что в качестве одного из факторов, отрицательно влияющих на физическое развитие современных горожан, приводится гиподинамия.

Помимо различий в росте размеров тела, городские и сельские школьники характеризуются разными сроками полового созревания. Существует отчетливая зависимость между размерами населенного пункта и возрастом начала менструирования в сторону его снижения с ростом числа жителей.

В одном из последних обзоров, посвященных возрасту менархе у девочек различных этнотерриториальных групп бывшего СССР, нами показаны систематические различия, характерные для сельских и городских девочек во всех без исключения популяциях: будь то русские, белорусы, армяне, абхазы, туркмены, таджики, буряты, коми и т.д. (Година и др., 1995).

Разумеется, выделенными факторами не ограничивается диапазон средовых воздействий на рост. Однако выбор их не случаен: ниже приводится анализ действия этих факторов в рамках конкретного исследовательского проекта. В 2002-2004 гг. авторами было обследовано свыше 4000 детей и подростков обоего пола в возрасте 8-17 лет в трех населенных пунктах Саратовской области: городах Хвалынске (численность обследованных – 742 мальчика и 736 девочек), Балакове (756 мальчиков и 711 девочек) и Саратове (668 мальчиков и 660 девочек). Материал был собран методом «поперечного сечения» популяции.

Для России проблема йодного дефицита чрезвычайно актуальна, так как более 70% густонаселенных территорий страны имеют недостаток йода в воде, почве и продуктах питания местного происхождения. Один из регионов, испытывающих на себе мощное воздействие этого фактора, – это Саратовская область, на территории которой отмечены зоны резкого неблагополучия по анализируемому признаку. Так, в почвах Хвалынского района Саратовской области содержатся достоверно низкие концентрации йода ($0,78 \pm 0,32$ при норме 5-7 мкг/кг), ничтожно малы количества микроэлементов и в питьевой воде (Болотова, 1995). Особенность микроэлементного состава данного района Поволжья, эндемичного по зубу, характеризуется также низким содержанием меди, кобальта и цинка. По мнению Н.В. Болотовой, эти факторы отягощают воздействие йодного дефицита и способствуют формированию тиреоидной недостаточности. Исходя из вышеизложенного, была поставлена задача проведения антропологического обследования детей и подростков Саратовской области с целью выявления воздействия экологически неблагоприятных факторов.

Хвалынский характеризуется пограничным с тяжелым дефицитом йода в окружающей среде: медиана йодурии у детей препубертатного возраста составляет 24 мкг/л. В Балакове и Саратове (медиана йодурии у школьников 42,9 мкг/л и 32,4 мкг/л соответственно) – умеренный йодный дефицит (Свинарев, 2002).

Помимо отличий по содержанию йода в окружающей среде, три населенных пункта сильно разнятся по степени урбанизации и индустриализации: население г. Хвалынска составляет около 15 тыс. чел., промышленные предприятия отсутствуют; в г. Балаково проживает около 220 тыс., этот город характеризуется высоким уровнем индустриализации; г. Саратов – областной центр с населением около 1 млн. чел., высокая степень уровня индустриализации. Подобные различия не могли не сказаться на демографической структуре и социально-экономических характеристиках населения, являющихся в свою очередь одними из модификаторов процессов роста и развития (Malinowski, 2004).

Антропометрическая программа обследования включала свыше 20 измерительных и описательных признаков, которые определялись по принятым в НИИ антропологии МГУ методикам. Помимо антропометрической программы проводилось *анкетирование*, учитывающее профессию и образование обоих родителей обследованного ребенка, их трудоустроенность, состав семьи, количество детей в семье, благоустроенность быта семьи обследованного, некоторые показатели физического развития ребенка в младенчестве. При обработке полученных материалов данные были разделены на категории, которым присваивался определенный балл, следующим образом:

■ в зависимости от уровня образования матери или отца (1 – без образования (школьное); 2 – наличие среднего специального образования; 3 – наличие высшего образования);

■ в зависимости от профессионального уровня матери или отца (1 – неквалифицированный физический труд; 2 – квалифицированные рабочие и мелкие служащие; 3 – специалисты и управленцы);

■ по количеству детей в семье также выделили три группы: 1 – один ребенок; 2 – два ребенка; 3 – три и более детей.

Статистическая обработка материала проводилась с использованием пакета Statistica 6.0. Вычислялись оценки основных ста-

статистических параметров – средние арифметические величины (\bar{X}), средние квадратические отклонения (S), коэффициенты вариации (V), коэффициенты асимметрии (As) и эксцесса (Ex). При обработке описательных признаков вычислялись средний балл и процент наличия каждого из этих признаков. Для оценки сроков полового созревания определяли средний возраст появления вторичных половых признаков, т.е. возраст, в котором у 50% обследованных детей данный признак уже выражен, а у остальных 50% наблюдается нулевая стадия развития признака.

Одним из основных статистических приемов, как для межгруппового, так и для внутригруппового анализа стала *процедура нормирования (Z-score)*. Этот способ представления величин признаков позволяет унифицировать ряды распределений вне зависимости от единиц измерений, где $X=0$, а $S=1$. Такое распределение получают путем представления индивидуальных измерений в виде отклонения их от групповой средней арифметической величины в единицах среднего квадратического отклонения: $x_j = (x_j - \bar{X}_j) / s_j$.

При анализе детского материала, представленного в широком возрастном интервале, нормирование первичных данных часто является единственно возможной процедурой, позволяющей, в частности, объединить возрастные группы при расчете усредненных параметров корреляции. Эта процедура позволяет проводить межгрупповые и внутригрупповые сравнения с большей степенью достоверности, чем аналогичные анализы погодных сопоставлений. Нормирование позволяет определить порядок расположения групп, сформированных по какому-либо новому признаку (например, социально-экономическим характеристикам), относительно среднего уровня.

Для достижения поставленных задач использовались методы многомерной статистики: *метод главных компонент, канонический анализ* и др. Оценка *достоверности различий* осуществлялась с помощью критерия *t* Стьюдента и *дисперсионного анализа* с использованием критерия Шеффе.

В анализ были включены данные по 2166 мальчикам и 2107 девочкам в возрасте от 7 до 17 лет, проживающим в указанных выше городах. Около 78% детей были русской национальности, 4% обследованных составили украинцы и белорусы; 86% обследованных родились в данном населенном пункте.

Дети Хвалынска, как мальчики, так и девочки, уступают своим сверстникам из двух других городов по длине тела и весу, но оказываются впереди (мальчики) или, по крайней мере, не уступают им (девочки) по обхвату груди. Эти данные в целом согласуются с результатами, полученными рядом авторов (Година, 2001; Ямпольская, 2000; Щеплягина и др., 2003), о более интенсивных процессах астенизации и лептосомизации жителей крупных городов. По индексу массы тела (ИМТ), саратовские дети обгоняют хвалынских и балаковских примерно до наступления периода полового созревания, а затем сравниваются или даже уступают им. Так, у 7-летних девочек Саратова среднее значение ИМТ равно 16,46; у девочек Хвалынска и Балакова – 15,04 и 15,36 соответственно. В 17 лет значения ИМТ у саратовских девочек наименьшие: 19,99; 20,50 (Балаково), 20,08 (Хвалыnsk). Эти тенденции отчетливо прослеживаются на рисунках 1 и 2.

Хотя материалы, собранные методом поперечного сечения, в отличие от продольных, не могут дать четкого представления о механизмах роста, нами проанализированы абсолютные и относительные годовые прибавки (скорости роста) у мальчиков и девочек трех изученных групп. В г. Хвалынске наибольшие приросты по длине тела отмечены у девочек в 9-10 и 11-12 лет: 9,09 и 7,19 см (22,31 и 17,65%); у мальчиков – в 12-13 и 14-15 лет: 7,66 и 6,45 см (14,74 и 12,41%). Сходный характер прибавок отмечен и для возрастных изменений веса тела.

В г. Балаково наиболее интенсивные прибавки длины тела отмечены у девочек в 9-10 и 10-11 лет: 7,71 и 8,21 см (18,71 и 19,92%); у мальчиков – в 12-13 и 13-14 лет: 6,57 и 7,30 см (12,94 и 14,38%). По весу тела прибавки почти одинаковой интенсивности отмечены у девочек в 9-10, 10-11 и 11-12 лет, а у мальчиков, начиная с 13 лет.

У детей Саратова гораздо более выражены единичные пики скоростей роста: по длине тела в 11-12 лет у девочек (7,91 см или 20,57%) и в 13-14 лет у мальчиков (8,79 см или 16,93%). По весу тела девочки обнаруживают максимальный прирост в 12-13 лет (5,79 см или 21,17%), а мальчики – в 14-15 и 15-16 лет (6,93 и 7,34 см или 18,2 и 19,28%). Таким образом, для Саратова можно отметить большую интенсивность роста у мальчиков по сравнению с девочками. Отмеченный разрыв в 2-3 года также является

одной из характерных особенностей онтогенеза человека (см., например, *The Cambridge Encyclopedia...*, 1998).

Ход ростовых кривых по весу тела (рис. 3) характеризуется тем, что девочки Балакова и, в особенности Саратова, практически не обгоняют мальчиков. Подобные тенденции отмечены нами и у московских детей (Година, 2001). Дети Хвалынска в этом смысле более традиционны: их ростовые кривые характеризуются присутствием двух перекрестов – около 10 и 13 лет. По таким продольным размерам тела, как длина корпуса и длина ноги, дети Хвалынска оказываются наиболее коротконогими. Так, в 17 лет средние значения этого параметра для юношей Хвалынска, Балакова и Саратова составляют соответственно 94, 71, 96,05 и 96,61 см; для девушек – 85,76, 89,76 и 87,72 см. При этом различия по длине корпуса существенно ниже, что свидетельствует о ведущем вкладе длины ноги в формирование различий по длине тела.

Дети Хвалынска на протяжении всего возрастного ряда характеризуются более узкими плечами и более широким тазом (различия систематические, хотя и незначительные). Наименьшие значения поперечного и сагиттального диаметров грудной клетки отмечены у мальчиков Хвалынска. У девочек по сагиттальному диаметру в некоторых возрастах наименьшие значения показателя отмечены у обследованного контингента г. Балаково. Отметим, что у них же более низкие значения обхвата груди и грудного указателя (большая уплотненность грудной клетки).

Не имея возможности подробно анализировать изменения скоростей роста и ход ростовых кривых у мальчиков и девочек для всех показателей, отметим лишь, что для гг. Балакова и Саратова, как и для детей Москвы, изученных нами в конце прошлого века (Година, 2001), характерны два перекреста ростовых кривых по ширине таза. У детей г. Хвалынска ход ростовых кривых носит более традиционный характер: девочки опережают мальчиков по этому показателю, начиная с пубертата и на протяжении всего ростового периода, как это неоднократно подчеркивалось в литературе (Урысон, 1973; Toth, Eiben, 2004).

Наличие 2-го перекреста у детей Балакова и Саратова лишний раз демонстрирует уже описанные тенденции к лептосомизации телосложения городских девочек, выражающиеся в уменьшении ряда обхватных и широтных размеров (Година, 2001; Ямпольская, 2000).

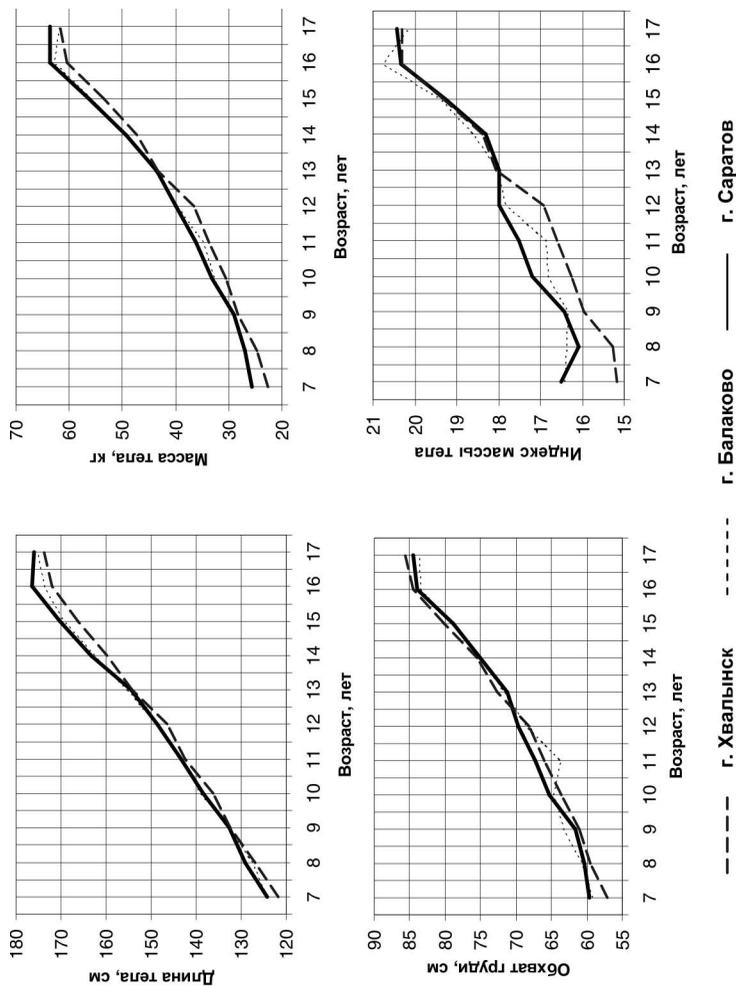

Рис. 1. Роствые кривые размерных признаков у мальчиков Саратовской области

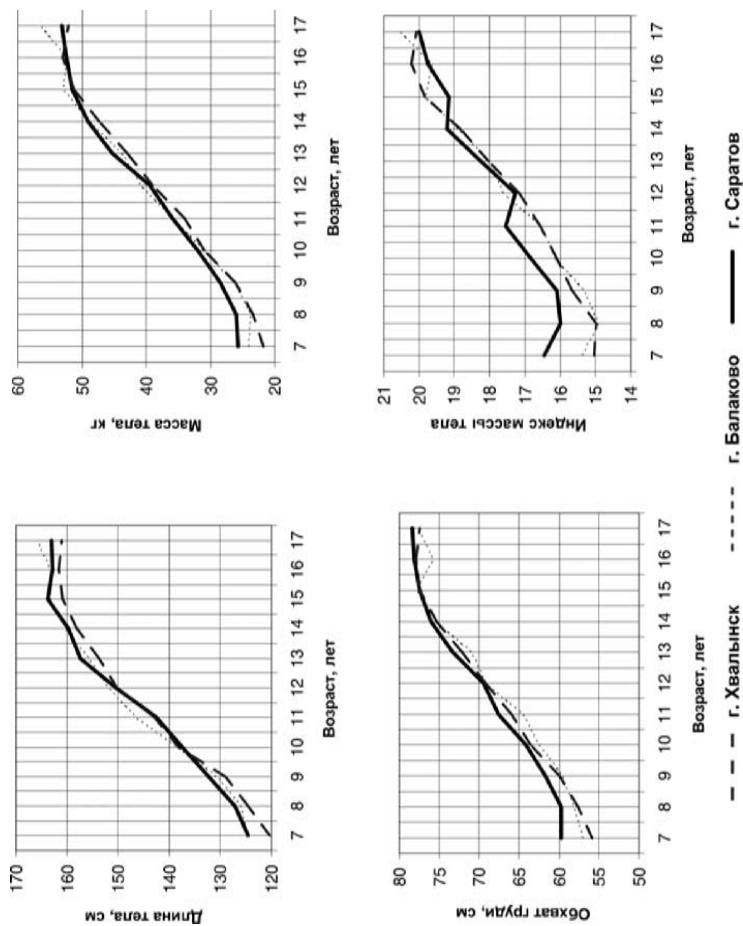

Рис. 2. Ростовые кривые размерных признаков у девочек Саратовской области

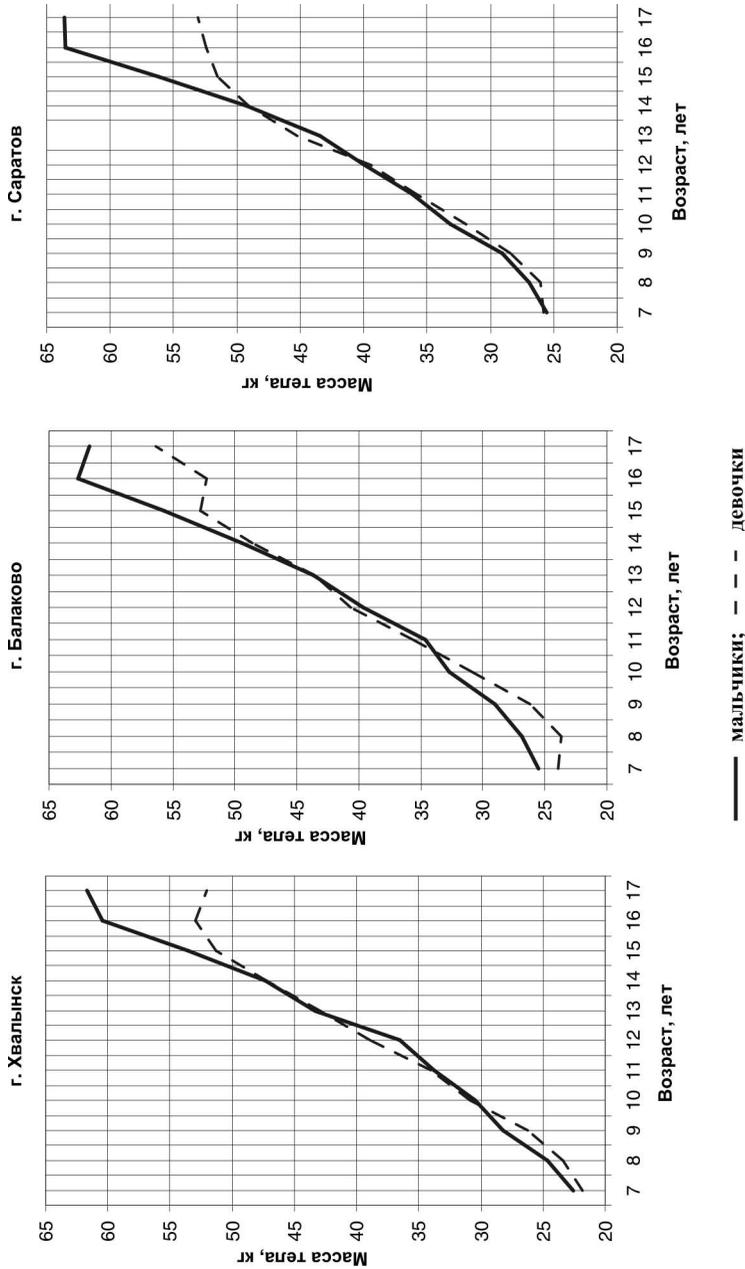

Рис. 3. Роствые кривые массы тела у детей Саратовской области

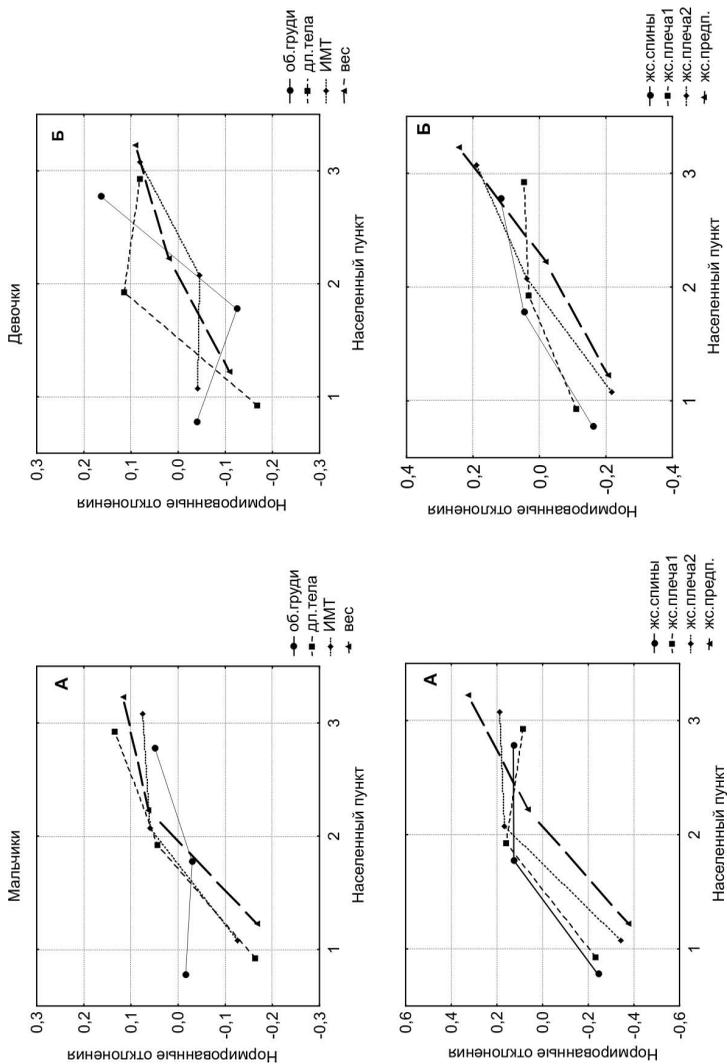

Рис. 4. Изменчивость морфологических показателей у детей Саратовской области:
1 – г. Хвалынский, 2 – г. Балаково, 3 – г. Саратов

Конечно, анализировать динамику столь большого количества антропометрических показателей на протяжении значительного отрезка постнатального онтогенеза отдельно для мальчиков и девочек трех изученных групп путем простого сопоставления цифр довольно затруднительно. Именно с целью выделения совокупностей вне зависимости от возраста была проведена процедура нормирования внутри каждой из изученных групп (о методике нормирования см. выше), а затем полученные результаты были подвергнуты процедуре дисперсионного анализа (one-way ANOVA) с оценкой достоверности полученных результатов.

Рассмотрим некоторые из них. Как видно из рисунка 4, мальчики Хвалынска характеризуются снижением длины и массы тела, а также индекса массы тела (ИМТ) ($p < 0,001$); по обхвату груди различия недостоверны. У девочек различия носят четко выраженный характер по длине тела ($p < 0,001$); по массе тела и ИМТ достоверных различий между жительницами Балакова и Хвалынска не отмечено; по обхвату груди наименьшими значе-

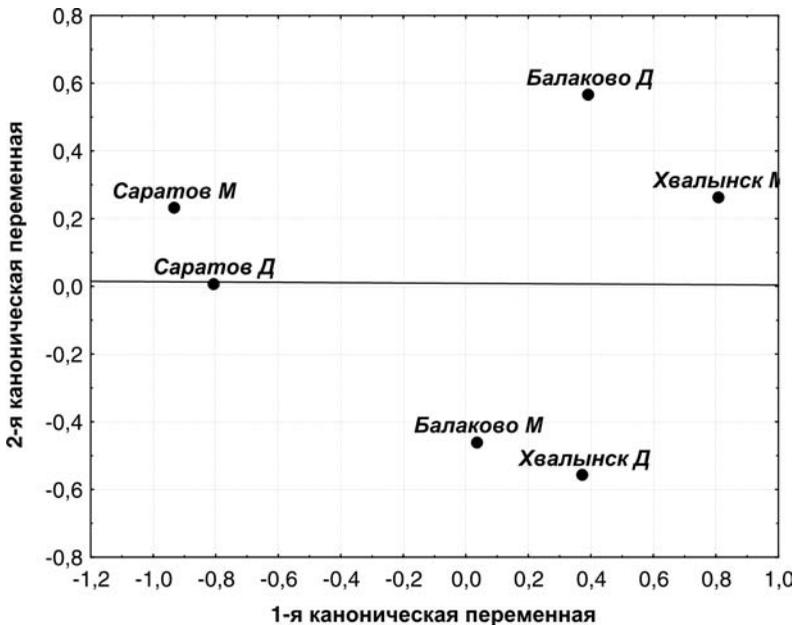

Рис. 5. Расположение групп мальчиков и девочек Саратовской области в пространстве канонических переменных

ниями характеризуются девочки Балакова. Отличия по этому показателю жительниц Хвалынска и Балакова, с одной стороны, и Саратова, с другой, достоверны на высоком уровне значимости ($p < 0,001$).

Структура групп по различиям в жиротложении обнаруживает четкое снижение показателей у мальчиков и девочек Хвалынска по всем жировым складкам с разной степенью достоверности. По жировым складкам на передней поверхности плеча и предплечья девочки Балакова достоверно отличаются от саратовских ($p < 0,001$).

Таким образом, можно констатировать, что при четкой морфологической дифференциации между детьми трех изученных групп, степень этих различий варьирует: дети Балакова по некоторым признакам в большей степени сближаются с жителями Хвалынска, а по другим – с жителями Саратова. При этом имеются и выраженные гендерные различия, проявляющиеся в некоторых специфических отличиях между мальчиками и девочками изученных групп.

Наконец, для комплексного описания изменчивости, с целью установления взаиморасположения групп в пространстве большого числа исследуемых параметров применялся множественный дискриминантный (канонический) анализ (рис.5). Примечательно, что простое сравнение средних величин рассматриваемых признаков указывало на некоторую близость детей Балакова и Саратова, что представляется вполне логичным, учитывая сопоставимость численности населения, уклад жизни и пр. Тем не менее, комплексный анализ более четко дифференцирует особенности протекания онтогенеза в каждой из групп. Мальчики и девочки Саратова, с одной стороны, очень близки друг к другу, а с другой, четко противостоят двум другим группам. При этом эти последние – дети Хвалынска и Балакова – обнаруживают сильную и противоположно направленную дифференциацию в отношении гендерной структуры: группы мальчиков и девочек сильно расходятся между собой. Пространственная структура групп мальчиков и девочек Хвалынска в целом совпадает с таковой Саратова, хотя и более выражена. У детей Балакова пространственная структура отличается и от таковой Хвалынска, и от Саратова.

Для объяснения полученных результатов нами привлечены данные по социально-экономическому статусу семей обследо-

ванных детей и некоторым демографическим характеристикам. По ряду социально-экономических характеристик группы, обследованные в трех городах Саратовской области, закономерно отличаются друг от друга. В Саратове на долю семей с высшим уровнем образования хотя бы одного родителя приходится более одной трети семей; в Балакове около одной четверти, а в Хвалынске одна пятая часть и менее. При этом одна треть отцов и одна четверть матерей в Хвалынске не имеет никакого специального образования. Балаково занимает среднее между Саратовом и Хвалынском положение: родителей с высшим образованием в процентном отношении меньше, чем в Саратове, а совсем без образования – меньше, чем в Хвалынске. По сравнению с областным центром, в Балакове и Хвалынске отцов и матерей со средним специальным образованием становится больше, чем специалистов с высшим образованием или не имеющих специальности.

Заметно различаются города по составу семей. В Саратове каждый второй ребенок единственный в семье. В Балакове и Хвалынске более половины обследованных детей имеют брата или сестру. В Хвалынске каждая пятая девочка и каждый шестой мальчик из многодетной семьи. В Хвалынске в три раза чаще, чем в Саратове и в четыре раза чаще, чем в Балакове встречаются сироты. Во всех трех городах высок уровень разводов. В Саратове чаще разводятся родители мальчиков, а в Хвалынске – девочек.

Таким образом, от Саратова к Хвалынску, по нашим выборочным данным, снижается средний уровень образования обоих родителей, понижается их профессиональный уровень, при этом показатели детности, смертности и уровень безработицы отцов растут.

В заключение данного раздела рассмотрим характеристику процесса полового созревания. В таблице 1 представлены данные по среднему возрасту наличия вторичных половых признаков, независимо от стадии их развития. Как видно из таблицы, дети Хвалынска, как мальчики, так и девочки, показывают наиболее поздние сроки полового созревания по сравнению с представителями двух других групп. Характер полового созревания у детей Балакова обнаруживает, как и при анализе морфологических особенностей, различные тенденции для мальчиков и девочек при сопоставлении с детьми Саратова.

Таблица 1

**Средний возраст наличия вторичных половых признаков
(независимо от стадии их развития) у детей Саратовской области**

Признак	г. Хвалынк	г. Балаково	г. Саратов
<i>М а л ь ч и к и</i>			
Ломка голоса (Г)	13 лет 9 мес	13 лет 11 мес	13 лет 8 мес
Набухание сосков (С)	12 лет 11 мес	12 лет 4 мес	11 лет 11 мес
Развитие волос на лобке (Р)	13 лет 2 мес	12 лет 8 мес	12 лет 4 мес
Развитие волос в подмышечных впадинах (Ах)	14 лет 0,5 мес	13 лет 8 мес	13 лет 7 мес
Развитие кадыка (К)	14 лет 2 мес	14 лет 2 мес	13 лет 8 мес
Развитие волос на верхней губе (У)	15 лет 0 мес	14 лет 2 мес	13 лет 10 мес
Развитие волос на подбородке (Б)	15 лет 11 мес	15 лет 8 мес	15 лет 11 мес
<i>Д е в о ч к и</i>			
Развитие молочных желез (Ма)	9 лет 10 мес	9 лет 6 мес	9 лет 9 мес
Развитие волос на лобке (Р)	11 лет 4 мес	11 лет 3 мес	11 лет 3 мес
Развитие волос в подмышечных впадинах (Ах)	12 лет 1 мес	11 лет 3 мес	11 лет 9 мес
Менструация (Ме)	13 лет 5 мес	13 лет 2 мес	13 лет 2 мес

Так, мальчики характеризуются более поздними сроками полового созревания по сравнению с мальчиками Саратова. По всем изученным признакам мальчики Балакова занимают промежуточное положение между мальчиками Хвалынска и Саратова. Девочки Балакова, напротив, характеризуются теми же или даже более ранними сроками развития вторичных половых признаков по сравнению с жительницами Саратова. Основной маркер процесса полового созревания у девочек – возраст менархе демонстрирует следующий градиент в ряду Хвалынск-Балаково-Саратов: 13 лет 5 мес; 13 лет 2 мес; 13 лет 2 мес.

В заключение характеристики тенденций роста и развития представителей трех групп населения Поволжья в сравнительном аспекте, можно сделать следующие выводы:

1. Дети Хвалынска отличаются наиболее низкими значениями большинства морфологических показателей и более замедленным ходом полового созревания. Очевидно, это связано как с неблагоприятными природными условиями обитания (недостаток йода в окружающей среде), так и с напряженной социально-экономической ситуацией в этом населенном пункте.

2. Дети Саратова – областного центра с давней историей – характеризуются стабильностью ростовых процессов и одинаковой направленностью при сравнении особенностей их протекания у мальчиков и девочек. Саратов выступает по отношению к Хвалынску как противоположный полюс и в отношении природных и социальных факторов, и в отношении морфофункциональных особенностей.

3. Детская часть населения Балакова по многим показателям обнаруживает тенденции, близкие к таковым детей Саратова. Этого и следовало ожидать, исходя из численности населения города, степени индустриализации и т.д. Однако по ряду других показателей дети Балакова сближаются с жителями Хвалынска. Это разделение отчетливо продемонстрировали результаты канонического анализа. У детей Балакова выявлены существенные гендерные различия в отношении реакции представителей двух полов на те или иные условия среды. Объяснение полученных результатов может включать в себя несколько моментов: во-первых, регион Балакова также характеризуется благоприятной ситуацией в отношении содержания йода; во-вторых, и это, как нам кажется, самое главное, Балаково – относительно молодой город; его создание и развитие связано со строительством атомной электростанции и ряда других крупных промышленных объектов в последние десятилетия XX в. Город был подвержен экспансии пришлого населения и результат этого смешения в значительной степени сказывается на протекании ростовых процессов в настоящее время. Именно это обстоятельство не позволило выявить обычный для таких исследований градиент увеличения размеров тела и ускорения полового созревания в направлении увеличения численности населения (Година, Миклашевская, 1990).

Таким образом, проведенный анализ показывает совокупное влияние природных, биогеографических и социально-экономических факторов в формировании возрастных особенностей популяции.

Литература

- Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
- Биология жителей высокогорья \ Ред. П. Бейкер. М., 1981.
- Болотова Н.В. Эндемический зуб у детей (этиология, клиника, прогноз). Дис... док. мед. наук, СГМУ. Саратов, 1995.
- Година Е.З. Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты. Дис. докт. биол. наук, МГУ. М., 2001.
- Година Е.З., Задорожная Л.В. Влияние некоторых факторов окружающей среды на формирование особенностей соматического развития детей и подростков (по материалам обследования московских девочек школьного возраста) // ВА. 1990. Вып.84. С. 18-30.
- Година Е.З., Миклашевская Н.Н. Экология и рост: влияние факторов окружающей среды на процессы роста и полового созревания человека // Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Т.3. М., 1989. С. 77-134.
- Година Е.З., Миклашевская Н.Н. Влияние урбанизации на ростовые процессы у детей и подростков // Урбоэкология \ Под ред. Т.И. Алексеевой, Л.С. Белоконов и Е.З. Годиной. М., 1990. С. 92-102.
- Година Е.З., Ямпольская Ю.А., Зубарева В.А., Гилярова О.А. Географическое распределение возраста первых регул у женщин России // Санитария и гигиена. 1995. № 3. С. 30-32.
- Какорина Е.П., Щеплягина Л.А. Физическое развитие детей школьного возраста 6-15 лет. Хвалынский район Саратовской области // Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей Российской Федерации. Выпуск, 5. М., 1998. С. 100-101.
- Курмачева Н.А. Профилактика йодного дефицита у детей первого года жизни (медико-социальные аспекты). Автореф. дис. докт. мед. наук. М., 2003.
- Свинарев М.Ю. Клинико-эпидемиологические особенности йодного дефицита у детей (диагностика, лечение, профилактика). Дис.... докт. мед. наук. М., 2002.
- Урысон А.М. Возрастная динамика размеров тела детей и подростков в возрасте от 4 до 18 лет // Рост и развитие ребенка \ Под ред. Н.Н. Миклашевской. М., 1973. С. 4-54.
- Хусаинова А.Р., Свинарев М.Ю., Курмачева Н.А. Особенности полового развития мальчиков в регионе тяжелого йодного дефицита // Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы заболеваний щитовидной железы». М., 2000. С. 162.
- Щеплягина Л.А., Касаткина Э.П., Лисенкова Л.А. и др. Распространенность соматических заболеваний у детей с эндемическим зубом. // Экология и здоровье ребенка. М., 1995, С 32-37.

Щеплягина Л.А., Нестеренко О.С., Курмачева Н.А., Марченко Т.К. Профилактика и коррекция витаминной и минеральной недостаточности у детей и матерей. Информационное письмо. М., 2000. С. 4.

Щеплягина Л.А., Курмачева Н.А., Нестеренко О.С. Влияние тиреоидной патологии матери на состояние здоровья новорожденного // *Материалы IX съезда педиатров России «Детское здравоохранение: стратегия развития»*. М., 2001. С. 659.

Щеплягина Л.А., Васечкина Л.И., Римарчук Г.В. и др. особенности физического и полового развития девочек-подростков в районах йодного дефицита. // *Проблемы подросткового возраста (избранные главы)* \ Под. ред. А.А. Баранова, Л.А. Щеплягиной. М., 2003. С. 222-246.

Ямпольская Ю.А. Физическое развитие школьников – жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скрининг-оценки. Автореф. дис. ... докт. биол. наук. М., 2000.

Binns C.V. Infant-feeding and growth. // *The Cambridge Encyclopedia of Human Growth and Development* \ Eds. S.J. Ulijaszek, F.E. Johnson, M.A. Preece. Cambridge, 1998. P. 320-325.

Biosocial Aspects of Social Class \ Ed. C.G.N. Mascie-Taylor. Oxford University Press, 1989.

Bogin B.A. *Patterns of Human Growth*. 2nd ed. Cambridge, 1999.

Greene L.S. Physical growth and development, neurological maturation and behavioral functioning in two Ecuadorian Andean communities in which goiter is endemic. // *Amer. J. Phys. Anthropol.* 1973. Vol. 38. P. 119-134.

Heath A. The sociology of social class // *Biosocial Aspects of Social Class* \ Ed. C.G.N. Mascie-Taylor. Oxford University Press, 1989. P. 1-23.

Kavish F.P. Iodine deficiency disorders // *Encyclopedia of Human Nutrition* \ Eds. M.J. Sadler, J.J. Strain, B. Caballero. San Diego, 1999. P. 1146-1153.

Malinowski A. *Auksologia. Rozwoj osobniczy czlowieka w ujeciu biomedycznym*. Zielona Gora, 2004.

Mayall B. *Towards a Sociology for Childhood. Thinking from Children's Lives*. Open University Press, 2002.

Scott S., Duncan C.J. *Demography and Nutrition. Evidence from Historical and Contemporary Populations*. Blackwell Science, 2002.

Tanner J.M. Growth as a mirror of the condition of society: Secular trends and class distinctions // *Human Growth. A Multidisciplinary review* \ Ed. A. Demirjan. L., Philadelphia, 1986. P. 3-34.

The Prevention and Control of Iodine Deficiency Disorders \ Eds. Hetzel B.S., Dunn J.T., Stanbury J.B. ICCIDD Monograph. Elsevier Science Publ. BV (Biochemical Division). Amsterdam, 1987. P. 345.

Toth G.A., Eiben O.G. Secular changes of body measurements in Hungary. *Humanobiologia Budapestinensis*, 28. Budapest, 2004.

The Cambridge Encyclopedia of Human Growth and Development \ Eds. Ulijaszek S.J., Johnston F.E., Preece M.A. Cambridge, 1998.

*Ф. А. Чухалдина, Ф.А. Чернышева,
Э.И. Ахметшина, Л.Ш. Виноградова*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭНДОЭКОЛОГИИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ

Экология человека, эндоэкология в частности, рассматривает динамическую взаимосвязь человека со средой, в которой он находится. Особенностью этой науки является междисциплинарный характер, т.к. в ней сходятся социологические, философские, географические, естественнонаучные, медико-биологические проблемы.

Единым интегральным критерием качества среды, с точки зрения её пригодности для обитания человека, согласно Уставу ВОЗ, принятому в 1968 г., служит состояние здоровья населения. На фоне деградации природных комплексов и их трансформирования на лицо масштабный кризис здоровья человека и отсутствие комплексных эффективных здоровьесберегающих технологий, в связи с чем актуальна проблема формирования биологического мышления, повышения уровня биологической культуры современного человека. Феномен здоровья необходимо рассматривать с позиций механизмов адаптации организма к условиям существования. На здоровье людей все больше сказывается загрязненная среда, шум, психологические нагрузки, стресс. Нарушенная среда влияет на защитные механизмы человека. С ростом загрязнений организм выходит или приближается к пределам толерантности (Фролов, Зотова Ю., Зотова А., 2006).

Целью нашего исследования было изучение заболеваемости взрослого населения Прикамья в условиях неблагоприятной экологической ситуации в регионе.

В Прикамском регионе 6 городов и 7 административных районов (рис. 1). Общая площадь территории 12,4 тыс. кв. км, на территории размещается 531 населенный пункт, из них в городах 81% и 19% в сельской местности. На территории региона, площадь которого составляет 17,7% от общей площади республики Татарстан (РТ), где проживает одна пятая часть населения (797 тыс. чел.), сосредоточено более 10 тысяч промышленных и более 460 сельскохозяйственных предприятий (Комплексный информационно-аналитический доклад..., 2008, с.150-160). В

результате их производственной деятельности ежегодно образуется более одной пятой доли сбросов, выбросов от стационарных и передвижных источников и отходов производства и потребления от общей массы, образующихся в республике отходов. Основное направление промышленности машиностроение, топливно-энергетическое, стройиндустрия, химическое и нефтяное. На пригодных территориях интенсивно ведется сельское хозяйство. Значительно развита сеть предприятий перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, мясо- и молкомбинаты, консервные, спирто- и ликероводочные заводы, пищекомбинаты. Доля выбросов загрязняющих веществ по отраслям промышленности в Прикамском регионе составляет: энергетика – 23,3%, машиностроение – 30,2%, топливная – 29,8%, сельское хозяйство – 1,1%, строительные – 3,3%, ЖКХ – 1,4%, транспортная – 2,9%, пищевая – 2,7%, химическая – 2,1%, прочие – 2,9%.

По данным Министерства экологии и природных ресурсов РТ вопросы экологической безопасности, рационального недро-

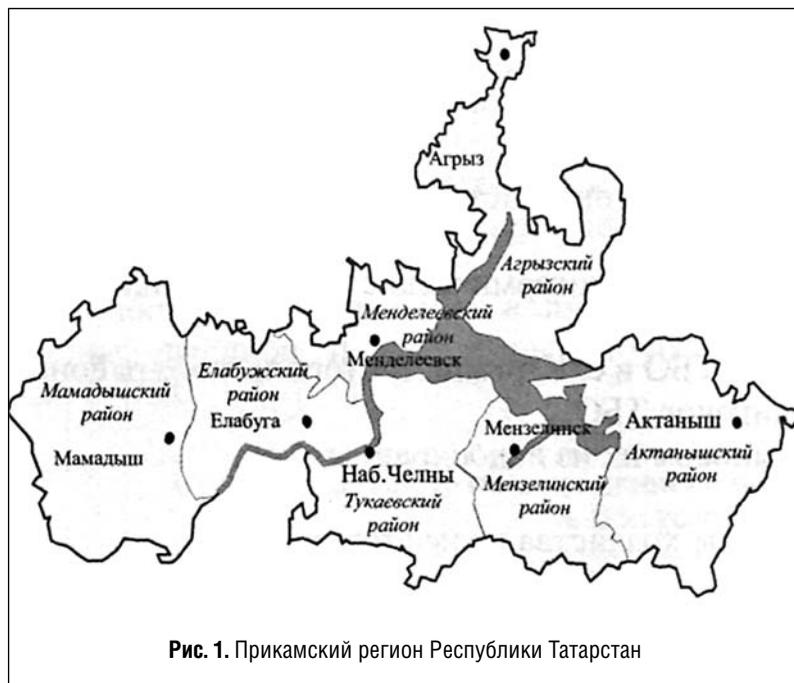

Рис. 1. Прикамский регион Республики Татарстан

пользования и санитарно-эпидемиологического благополучия, утилизации медицинских отходов в муниципальных районах решаются неудовлетворительно, имеются технические и технологические проблемы, которые оказывают сверхнормативное негативное воздействие на окружающую среду региона (Ибрагимов, 2008, с.10). Ежегодно увеличивается антропогенная нагрузка со стороны выше расположенных по течению реки Кама промузлов и населённых пунктов соседних республик и областей. В районах региона (г. Наб. Челны, Елабужский район) водоснабжение осуществляется преимущественно из поверхностных источников, тогда как в остальных районах региона используют в основном подземные источники водоснабжения. Белоусовский водозабор (в черте Набережных Челнов) обеспечивает питьевой водой около трети населения республики. Из открытых водоемов воду для питьевых целей не используют. В настоящее время эффективные универсальные методы очистки воды ни на одной водоочистной станции из поверхностных водисточников не применяются. Комплексная техногенная нагрузка выше среднего уровня в Тукаевском районе, а ниже среднего в Мамадышском, Менделеевском, Мензелинском, Елабужском и Агрызском районах. Показатель первичной заболеваемости населения выше среднего республиканских значений в городе Набережные Челны, Елабужском районе.

Изменения природной среды, повлекшие за собой существенное ухудшение здоровья людей, препятствуют дальнейшему социально-экономическому развитию региона.

На базе Центра реабилитации слуха г. Набережные Челны было создано платное отделение эндэкологической реабилитации человека «Афран». Программа «Афран» предполагает использование реабилитационного, рекреационного и восстановительного направлений медицинской науки. В настоящей работе использованы результаты многолетней практики названного центра и основное внимание уделяется вопросам эндэкологии, взаимосвязи биологического статуса взрослого населения и условий среды. По медицинским картам пациентов были отобраны жители Прикамья. В исследовании приняли участие 168 пациентов в возрасте от 18 до 65 лет из них 65 мужчин и 103 женщины. Всем пациентам проводилась диагностика в соответствии с утвержденной методикой с помощью аппарата электропунктурной

и частотно-резонансной компьютеризированной диагностики «ИМЕДИС – ЭКСПЕРТ». В рамках полной диагностики выявлялись позиции обследования по общему списку указателей биорезонансного теста. Данный метод считается надежным наряду с другими объективными методами исследований и удобным в использовании (Акаева, Готовский, Мхитарян, 2008, с. 4-5). В отдельных случаях результаты сравнивались путем дублирования методами анализа крови и мочи, использованием других методик диагностирования. На основании индивидуальных результатов диагностики проведен сравнительный анализ по программе обследования. Результаты подвергались статистической обработке. Авторами оценивалась частота встречаемости алиментарной недостаточности, различные виды отягощения тяжелыми металлами, опасными физическими факторами, паразитами человека, нарушений функций отдельных систем органов. В данной работе представлен предварительный анализ заболеваемости взрослого населения Прикамья по перечисленным категориям.

Потребность в энергии человека, избавленного техническим прогрессом от тяжёлого физического труда, неуклонно снижается. При этом потребность в микронутриентах – витаминах, минеральных веществах, не снижается и даже возрастает в неблагоприятных экологических условиях, поскольку наряду со стрессами и различными видами инфекций, создается дефицит микроэлементов в организме. Рационы, достаточные для покрытия энергозатрат, не удовлетворяют потребность организма в микронутриентах, поскольку наблюдается упрощение химического состава пищевых продуктов вследствие технологической обработки сырья. Наблюдается постоянный дефицит в рационах незаменимых аминокислот, витаминов, полиненасыщенных жирных кислот, минеральных элементов (Арсеньева, Момонт, Губеня, Арсиненко, 2008, с. 10-12).

Микрофлора кишечника активно участвует в процессах минерального обмена в человеческом организме. Так, микрофлора желудочно-кишечного тракта играет важную роль в регуляции сорбции и экскреции воды, таких анионов и катионов, как *Na*, *K*, *Ca*, *Mg*, *Zn*, *Fe*, *Cu*, *Mn*, *Se*, *P*, *Cl* и других. Кроме того, микрофлора пищеварительного тракта, как в количественном, так и в качественном плане, сама в значительной степени зависит от содержания поступающих с пищей макро- и микроэлементов. Для

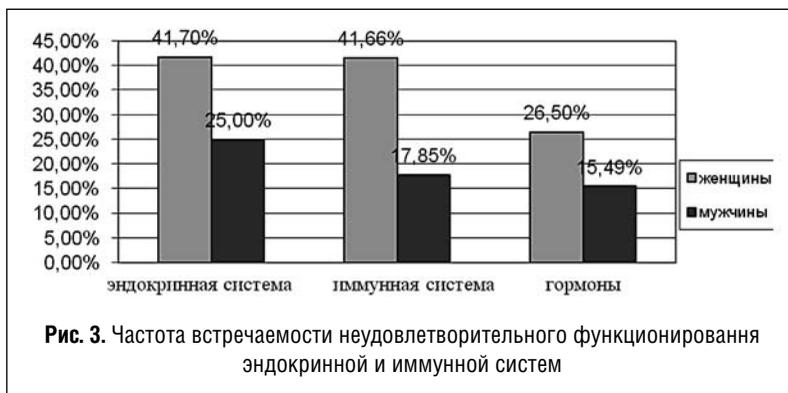
роста и накопления биомассы различных бактерий необходим широкий спектр минеральных соединений. Минеральный статус организма человека в значительной степени определяет риск развития кишечных расстройств (Хлусов, Чухнова, Сленченко, 2008, с.32-33).

По результатам проведенного нами исследования дефицит микроэлементов сопряжен с частотой выявляемости дисбактериоза (рис. 2), причем процентное соотношение среди мужчин и среди женщин имеет сходный характер. Так, например, большие значения недостаточности минеральных веществ у женщин соотносятся с более частой встречаемостью дисбактериоза. Подобная тенденция сохраняется и в отношении снижения содержания витаминов. У обследованного контингента взрослых чаще выявляются гипо- и авитаминозы по группе В витаминов, коррелирующие с дисбактериозом, а также фолиевой кислоты и биотина.

Элементный и витаминный дисбаланс может являться причиной снижения иммунной реактивности организма и ограничения его адаптационных резервов. Клинические формы заболевания складываются у разных людей в зависимости от эффективности функционирования иммунной системы. Истощение или же высокое напряжение иммунной системы было выявлено у 59,5 % обследованных (рис.3).

Защитные действия хозяина против паразитарной инвазии, обеспечивается главным образом иммунными механизмами. Наиболее тяжелое течение паразитарных заболеваний обычно на-

блюдается у индивидов с ослабленным иммунитетом (Лисичкин, Шелепин, Боев, 1997).

На рисунке 4 приведены данные анализа паразитарного отягощения организма пациентов по отдельным группам паразитов.

Среди причин встречаемости паразитарных инвазий можно рассматривать природно-очаговый характер распространения групп паразитов и неблагоприятное санитарно-гигиеническое состояние среды. Как известно, большинство простейших, заражение которыми происходит без участия переносчиков, во внешней среде способны инцистироваться¹. Яйца большинства гельминтов обладают феноменальной устойчивостью к неблагоприятным воздействиям.

Почва является фактором риска среды обитания, влияющим на качество жизни и здоровья населения. Согласно данным лабораторного контроля Роспотребнадзора по РТ увеличилась доля проб, не отвечающих гигиеническим нормативам санитарно-химическим (5%) и микробиологическим (30%). Основным источником загрязнения почвы региона тяжелыми металлами является промышленные предприятия, транспорт, сельскохозяйственное производство. На территориях жилой застройки основными причинами микробного загрязнения почвы является отсутствие централизованной системы канализации в ряде населенных пунктов, неудовлетворительное состояние канализаци-

¹ Т.е. образовывать специфическую форму – цисту, устойчивую к воздействию многих агентов.

онных сетей, возникновение несанкционированных свалок ТБО, отсутствие условий для мойки и дезинфекции контейнеров для сбора ТБО, несовершенство системы очистки в ряде населенных пунктов. Увеличилась доля проб почвы, не отвечающих гигиеническим нормативам по гельминтологическим показателям более 6%., по наличию в почве преимагинальных² стадий мух до 4% (Комплексный информационно-аналитический доклад..., 2008, с.168-172).

Значительное загрязнение водоемов служит благоприятной средой для выживания паразитических организмов. В водоемах Агрызского, Елабужского, Менделеевского, Тукаевского районов показатели загрязнения по микробиологическим показателям значительно превышают среднереспубликанские. Источниками интенсивного загрязнения водных объектов остаются неочищенные и недостаточно очищенные стоки предприятий коммунального хозяйства, объектов сельского хозяйства и животноводства, химической и нефтеперерабатывающей промышленности. Согласно государственному экоконтролю и мониторингу окружающей среды не уделяется должное внимание обеззараживанию стоков перед сбросом их в водоемы. Как показывают результаты лабораторного контроля, 21% проб не отвечают требованиям по микробиологическим показателям. В результате неудовлетворительной работы очистных сооружений в водоемы поступают опасные для человека гельминты. Процент неудовлетворительных проб сточных вод на содержание гельминтов сохраняется на уровне 8-10%.

Указанные факты можно рассматривать как факторы, способствующие распространению паразитарных заболеваний. Обращает внимание отягощение грибами, простейшими и бактериями. По перечисленным группам паразитов зараженность обследованных составляет от 60 до 100%. В результате локальных нарушений равновесия в организме человека паразитические формы, в норме подавляемые механизмами сдерживания получают определенное преимущество. На передний план выходит проблема рассогласования во взаимодействии человека с микроорганизмами и простейшими. Особенностью протозойных³ болезней является то, что возбудители заболеваний простейшие

2 Т.е. не достигших взрослого состояния. У насекомых таких стадий бывает несколько.

3 Т.е. болезней, возбудителями которых являются простейшие организмы.

по патогенезу сходны с возбудителями инфекционных болезней, то есть они способны к экспоненциальному увеличению размеров их популяции в организме человека, если рост не замедляется и не останавливается защитными механизмами хозяина или другими внешними факторами. Тяжесть заболеваний зависит от количества паразитов попавших в организм хозяина, и его индивидуальной чувствительности. Различные факторы генетической и негенетической природы обуславливают различную чувствительность организма хозяина к паразиту. Среди негенетических факторов выделяют возраст, питание, гормональный статус, сопутствующие заболевания и особенности их лечения (Харрисон Дж. и др., 1979).

Многочисленными исследованиями показано, что в организме внешне здоровых людей часто содержатся самые различные вирусы, устанавливается динамическое равновесие между клетками иммунной системы и вирусами. Изменения внешних условий с ростом загрязнений стимулируют переход к состоянию болезни из скрытого или хронического состояния. По данным наших исследований они обнаруживаются почти у половины пациентов (рис. 4).

К настоящему времени накоплен огромный объем фактического материала по действию различных загрязнителей на организм человека. Загрязнители оказывают как специфическое, избирательное действие на органы и их системы, так и неспецифическое, которое связано со стрессом (Раевский, Редько,

Лопатин, 2008, с. 263-265). У 70% обследованных наблюдается низкий уровень разрешения психологических проблем, в то же время у половины пациентов регистрируется недостаток гормонов, регулирующих положительное психоэмоциональное состояние, особенно серотонина (рис. 3). Содержание стресс-гормонов адреналина и норадреналина чаще повышено.

Современный уровень развития общества предоставляет людям целый ряд удобств и преимуществ, но они начинают перекрываться негативными воздействиями урбанизированной среды. Санитарно-эпидемиологическая обстановка Прикамья в части потенциально-опасного влияния физических факторов как на производстве, так и на территории населенных мест остается неудовлетворительной. Инструментальные измерения показали, что по факторам физической безопасности не соответствуют нормам по шуму (15%), вибрации (21%), микроклимату (10%), электромагнитным излучениям (14%) от общего числа объектов-источников потенциально опасных физических факторов. Вместе с тем снизилось количество измерений по этим показателям из-за сокращения штата специалистов проводящих данную работу, моральным старением приборной базы, отсутствием современных приборов по измерению шума, вибрации и электромагнитных излучений (О состоянии природных ресурсов..., 2006).

Сложившаяся экологическая обстановка оказывает негативное влияние на здоровье населения региона. Выявляются не-

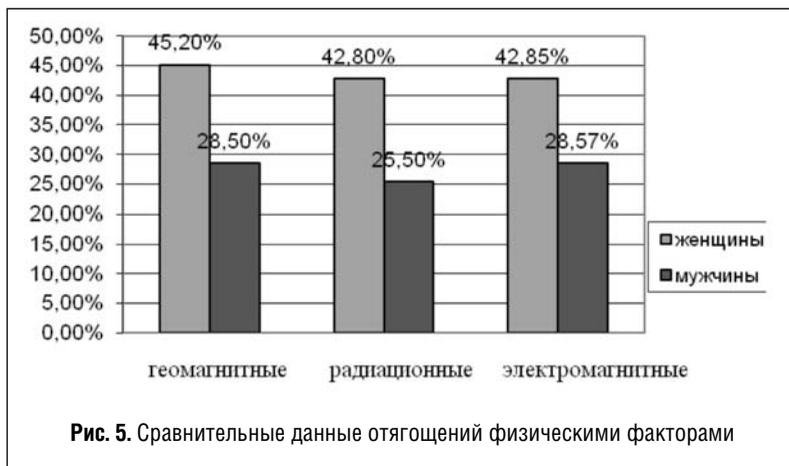

Рис. 5. Сравнительные данные отягощений физическими факторами

однозначные изменения в организме человека при профессионально-экологических, нозологических и прочих отягощениях. Лишь одна треть обследованных не испытывает избыточного геомагнитного, электромагнитного и радиационного воздействия (рис. 5).

В современных условиях все большую роль в детерминации заболеваемости играет поведенческий фактор, отношение людей к собственному здоровью (Разумов, Пономаренко, Пискунов, 1996). Снижение индивидуальных установок можно рассматривать как неблагоприятные изменения самосохранительного поведения. Возможности нашей программы позволяют культивировать и делать акцент на позитивную сторону проблемы самосохранения, которая связана с действиями, направленными на сохранение и укрепление здоровья, на реализацию стремления прожить долгую и здоровую жизнь. Примерами позитивных действий являются занятия физической культурой, отказ от злоупотребления пищей, курения, алкоголя, наркотиков – вообще все виды поведения, ассоциируемые со здоровым образом жизни. Известны различия в отношении к собственному здоровью у мужчин и женщин, поскольку большая часть мужчин считают, что здоровье и продолжительность жизни зависят от условий жизни. Женщины ведут себя более активно в отношении сохранения здоровья, так как считают, что усилия самого человека определяют уровень его здоровья. Анализ контингента пациентов взрослого населения Прикамья по полу отражает эти тенденции. Так, например обращаемость женского населения за медико-реабилитационной помощью в Центр в 2,5 раза выше, чем мужского.

Слово «Афран» в суфийском целительстве означает – «даваемое человеку на миг непосредственное состояние души, чувство ошеломляющей радости, любви и истиной чистоты» (Усманов, 2006). Комплекс лечебных и оздоровительных процедур по программе «Афран» направлен на реабилитацию физического тела, чувств и души человека, запуск генетически и экологически детерминированных механизмов исцеления индивидуума. Проявления внутренней потребности индивидуума к здоровью, как нормы жизни можно достичь таким образом.

На основании вышеизложенного можно заключить, что в условиях современности актуальны: формирование биологи-

ческого мышления, повышение уровня биологической культуры у населения; практика профилактической и восстановительной медицины; в условиях высоких психо-эмоциональных, физических, экологических нагрузок на организм человека; позитивная мотивация самосохранения, ассоциируемая со здоровым образом жизни.

Литература

Акаева Т.В., Готовский М.Ю., Мхитарян К.Н. Определение нарушений элементного обмена с помощью вегетативного резонансного теста // Микроэлементы в медицине. М., 2008. Т. 9. Вып.12.

Арсеньева Л.Ю., Момонт А.А., Губеня В.А., Арсиненко Н.А. Функциональные пищевые продукты – решение проблемы несбалансированного питания // Демографическая ситуация в современной России: состояние и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тверь, 27-28 ноября 2008 г.. Тверь, 2008.

Ибрагимова Р. Экология Прикамья // Региональная экологическая газета № 16, 5 сентября 2008. С.10.

Комплексный информационно-аналитический доклад // Социально-экономическое положение Республики Татарстан. Казань, 2008, № 10.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А., Боев Б.В. Закат цивилизации или движение к ноосфере. М., 1997.

О состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2005 г. Государственный доклад Министерства экологии и природных ресурсов РТ. Казань, 2006.

Раевский К.К., Редько А.А., Лопатин С.А. Мониторинг вредоносных и опасных факторов – основа экологической безопасности // Демографическая ситуация в современной России: состояние и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тверь, 27-28 ноября 2008 г. Тверь, 2008.

Разумов А.Н., Пономаренко В.А., Пискунов В.А. Здоровье здорового человека (Основы восстановительной медицины). М., 1996.

Усманов М.Х. Уроки чтения сердцем. Суфийские секреты здоровья. СПб., 2006.

Фролов В.А., Зотова Т.Ю., Зотова А.К. Болезнь как нарушение информационного процесса. М., 2006.

Харрисон Дж. и др. Биология человека. М., 1979.

Хлусов И.А., Чухнова Д.Л., Сленченко Г.Б. Проблемы дезадаптации, патологии внутренних органов и старения в условиях техногенного загрязнения // Микроэлементы в медицине. М., 2008. Т. 9. Вып.12.

*Н.М. Исламова, Ф.А. Чернышева,
Н.И. Киимова*

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ КАМСКОГО РЕГИОНА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КАЧЕСТВА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Введение

В современных условиях благополучие населения, состояние его здоровья во многом определяется реальным обеспечением его прав на безопасную среду обитания и профилактику заболеваний. На процесс формирования здоровья населения, новорожденных в частности, влияет целый ряд биологических, природно-климатических, социально-экономических, антропогенных (техногенных) и других факторов. По данным ВОЗ на 20-30% состояние здоровья населения зависит от решения экологических проблем. В городских поселениях загрязнение среды остается одним из главных факторов риска здоровья новорожденных.

Перинатальная охрана плода и новорожденного включает в себя комплекс профилактических и лечебных мероприятий, направленных на дальнейшее снижение их заболеваемости и смертности, улучшение здоровья детей. Причины нарушений нормальной жизнедеятельности плода многообразны. К перинатальным факторам риска можно отнести социально-биологические, акушерско-гинекологические, экстрагенитальные заболевания матери, осложнения беременности (Чепрунова, 2008).

Настоящая работа посвящена исследованию физического развития новорожденных детей Тукаевского и Мамадышского районов Республики Татарстан (Прикамье) и Нижнекамского района РТ (Закамье), которые отличаются по уровню напряжения экологической ситуации. Тукаевский район расположен в северо-восточной части РТ на левом берегу р. Кама. Центр района – город Набережные Челны, численность проживающих в котором составляет 521,8 тысяч человек (данные 2006 г.). Нижнекамский район расположен в центральной части республики на левом берегу р. Кама с территорией 1861,5 км². Основная часть населения района сосредоточена в г. Нижнекамске. Нижнекамск возник в 1961 г. как рабочий поселок при строящемся нефтехимическом комбинате. В настоящее время – это третий по численности го-

род Татарстана (на конец 2008 г. – 226,6 тыс. чел.), который по данным Государственного доклада находится в числе 60 самых загрязненных городов России. К моменту исследования (1987 г.) ОАО «Нижнекамскнефтехим» и ОАО «Нижнекамскшина», как основные источники негативного влияния на окружающую среду, функционировали 26 лет.

Мамадышский район расположен в западном Предкамье, на правом берегу р. Вятка. Административным центром является город Мамадыш (численность населения на 2008 г. – 14,1 тыс. чел.). Мамадышский район является аграрным. Его территория располагается вдали от крупных промышленных центров; с благоприятной розой ветров с преобладанием южного и юго-западного направления. Экологическое состояние района в целом не вызывает опасений (Мустафин, Хузеев, 1994).

В республике Татарстан наиболее загрязненными городами Камского региона являются города Нижнекамск и Набережные Челны, где сосредоточены промышленные предприятия и автотранспорт. Для указанных городов характерно превышение средних республиканских значений всех видов загрязнений. Так, например, в загрязнении атмосферы приоритетными веществами являются углеводороды, оксид углерода и азота, взвешенные вещества, формальдегид, диоксид серы, бенз(а)пирен (удельный вес проб выше 1 ПДК на 5,8%, тогда как в среднем по России 4,2%) (О состоянии..., 2006.). По данным Министерства экологии и природных ресурсов РТ комплексная техногенная нагрузка выше среднего уровня наблюдается в Тукаевском и Нижнекамском районах, а в Мамадышском районе – ниже среднего уровня (рис.1).

Самые высокие показатели рождаемости в республике Татарстан (на 1000 человек) были характерны для 1987 г. -20,9. В целом по районам республики в последующие годы наблюдается снижение уровня данного показателя до 1998 г. Начиная с 1999 г. и по настоящее время, динамика демографических показателей РТ свидетельствует об устойчивой положительной тенденции уровня рождаемости. По данным Татарстанстата рождаемость в 2007 г. составляла 14‰.

Наибольший рост первичной заболеваемости зарегистрирован по болезням системы кровообращения, беременности, родам и послеродовому периоду, врожденным аномалиям. Смертность

детей в возрасте до 1 года от врожденных аномалий по РТ в 2007 г. составляла 1,7 на 1000 новорожденных (Комплексный информационно-аналитический доклад, 2008).

Целью нашего исследования было изучение особенностей антропометрического профиля новорожденных городов Мамадыш, Нижнекамск и Набережные Челны 1987 и 2007 гг. рождения, частоты основных видов патологии беременности и патологии детей в указанные периоды времени.

Материалы и методы исследования

В настоящей работе использованы архивные материалы роддомов гг. Нижнекамск, Мамадыш и перинатального центра г. Набережные Челны. Изучены медицинские карты новорожденных детей за 1987 и 2007 гг. (всего 1000 карт). Из истории родов выписаны данные о массе тела, длине тела, окружности головы и окружности грудной клетки детей, родившихся в срочных одноплодных родах; оценка состояния детей при рождении по шкале Апгар, группа здоровья ребенка, а также информация о матерях (возраст, порядковый номер родов, образование, место жительства, гинекологический анамнез и сопутствующие заболевания). Новорожденные дети были измерены медицинскими работниками роддомов непосредственно в день рождения. Длина тела, окружности головы и груди измерялись в сантиметрах, масса тела – в граммах. Анализ полученных данных проводился отдельно для мальчиков и для девочек. Половой диморфизм оценивался как достоверная разница в размерах тела у представителей разных полов.

Полученные данные математически обработаны с помощью методов вариационной статистики. Достоверность различий средних значений показателей оценивали на основании t - критерия Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение

В наших предыдущих публикациях были подробно проанализированы результаты исследований физического развития новорожденных детей г. Набережные Челны и продемонстрированы тенденции отрицательных сдвигов антропометрических показателей за период с 1987 по 2007 гг. (Чернышева, Исламова, Киимова, 2008, 2008а). Статистически достоверные различия за 20-летний период выявлены для длины тела и окружности грудной клетки мальчиков

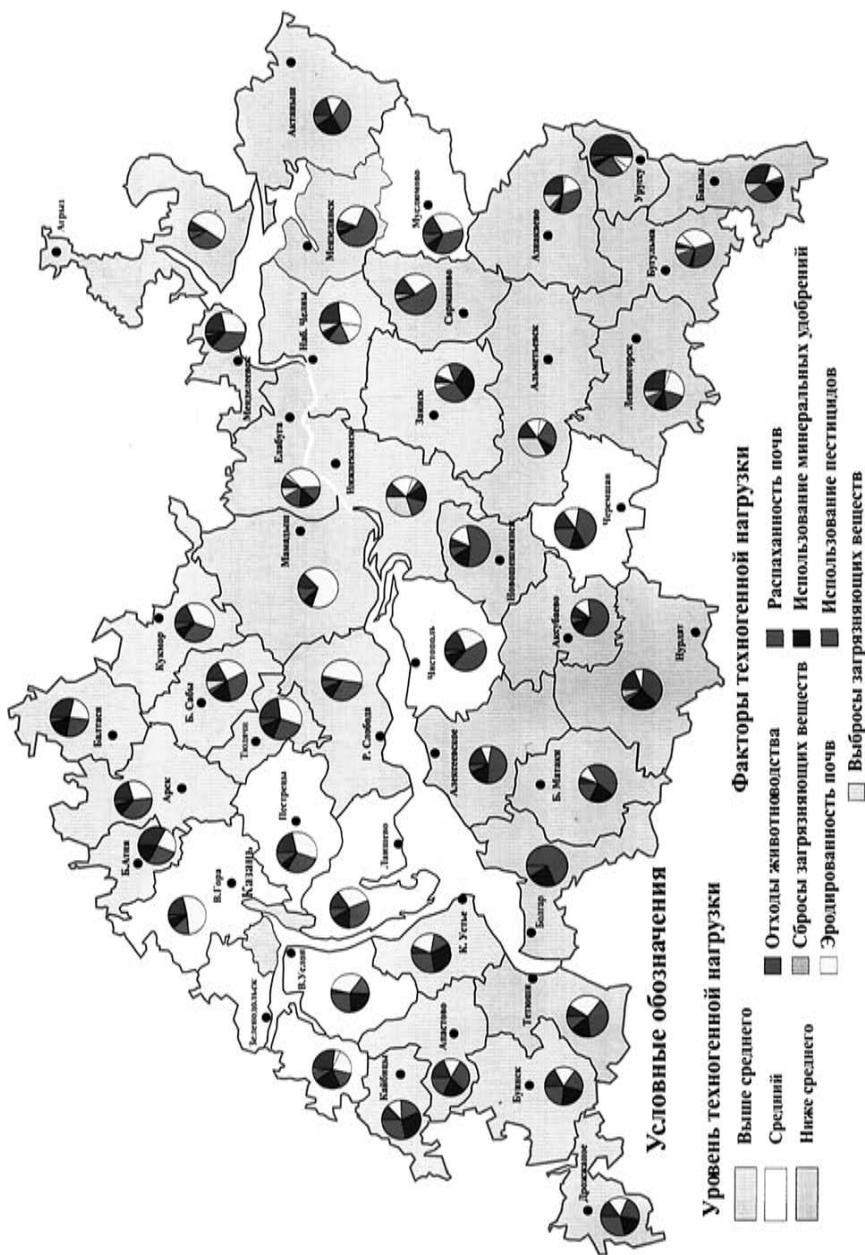

Рис. 1. Распределение техногенной нагрузки по районам Республики Татарстан

и девочек. Масса тела и обхват головы имеют те же тенденции, но их изменения не достоверны. В настоящей работе основное внимание уделяется анализу физического развития новорожденных детей гг. Нижнекамск и Мамадыш в том же интервале времени.

1. Анализ социально-демографического статуса родильниц

По результатам нашего исследования за 20-летний период контингент родильниц изменился. Матери были разделены по профессии на три категории: специалисты, работницы квалифицированного и неквалифицированного труда. В оба года исследования доля «матерей-специалистов» в целом незначительна (2-4%). Соотношение и динамика по другим категориям профессий в исследованных городах мало отличается. Число матерей, занятых квалифицированным трудом, в 1987 г. в г. Мамадыш было в 3,4 раза, а в г. Нижнекамск – в 5 раз больше по сравнению с занятыми неквалифицированным трудом. К 2007 г. социально-экономический статус родильниц снизился за счет увеличения доли работниц неквалифицированного труда на 20%.

Согласно анкетным данным за исследуемый период, в г. Нижнекамск наблюдается омоложение родильниц. В 1987 г. соотношение матерей в возрасте до 25 лет к таковым в возрасте 26 лет и старше было почти равное (48% и 52% соответственно), то в 2007 г. первых стало больше на 14%. В г. Мамадыш доля родильниц в возрасте 26 и старше была больше, чем более молодых, в оба года исследования (в 1987 г. на 18,7%, в 2007 г. на 26,6%). Эти возрастные отличия матерей из двух городов объясняют встречаемость патологии беременности. В г. Мамадыш она увеличилась на 34,8%, а в г. Нижнекамск лишь на 2%. Однако в этом городе уже в 1987 г. доля матерей с патологией беременности была больше на 18%. Среди матерей из г. Мамадыш больше сельчан в сравнении с г. Нижнекамск в 4 раза в первый год исследования и 5,6 раза – во второй. В сельских условиях беременные женщины зачастую лишены квалифицированного медицинского наблюдения в дородовой период, что отражается на течении беременности и патологии ребенка при рождении (Суханова, 2006).

В г. Мамадыш более чем на 40% увеличилась встречаемость новорожденных с патологией (мальчиков и девочек). Вместе с тем изменилось и соотношение числа детей без патологии и с ее нали-

чем. В 1987 г. детей с патологией была одна треть родившихся, к 2007 г. их число увеличилось и составило три четверти. В г. Нижнекамск уже в 1987 г. половина детей имели патологию при рождении. К 2007 г. их число увеличилось на 8%, причем заметный рост характерен для мальчиков. Доля мальчиков с патологиями при рождении составляет две трети от всех родившихся.

В 1987 г. среди новорожденных в г. Мамадыш преобладали дети от третьих и более родов (39,6%), первенцев несколько меньше – 35,5%. В г. Нижнекамск больше детей от первых и вторых родов (соответственно 45% и 39%). В 2007 г. в целом вдвое снизилось число новорожденных от третьих родов и более. Значительно возросла доля первенцев в этом году в г. Нижнекамск (на 17,5%), а в г. Мамадыш стало больше детей второго порядка рождения.

Оценка состояния здоровья новорожденных по шкале Апгар¹ позволяет говорить об увеличении в 2007 г. числа детей, рожденных с оценкой 5-6 баллов (легкая асфиксия), причем в г. Нижнекамск наблюдается существенный прирост (на 27%) в равной мере для мальчиков и девочек (15%; 12% соответственно). В г. Мамадыш прирост на 2% характерен для мальчиков, а в группе девочек процентное соотношение сохранилось на прежнем уровне (разница в 1%).

1 Оценка состояния новорожденного через 1 минуту после рождения и его изменение через 5 минут, предложенное на 27 ежегодном конгрессе анестезиологов (22-25 сентября 1952 г.) Вирджинией Апгар (V. Apgar). Состояние младенца оценивается по ряду клинических признаков: частоте сердечных сокращений, характеру дыхания, мышечному тону, рефлексорной возбудимости, окраске кожных покровов через определенные интервалы после рождения. Оценка производится по сумме баллов и позволяет достаточно объективно определить состояние новорожденного, прогноз и показания к интенсивной терапии и реанимации. У большинства новорожденных состояние через 1 мин после рождения по шкале Апгар оценивается в 7-8 баллов, спустя 5 минут общее состояние этих новорожденных соответствует 8-10 баллам, что прогностически благоприятно и им требуется только обычный уход. Только у 15% новорожденных общее состояние в первую минуту жизни оценивается в 10 баллов. Оценка при рождении в 0-3 балла соответствует тяжелой асфиксии. Оценка через 1 минуту после рождения в 4-6 баллов соответствует средней степени асфиксии и им могут потребоваться лишь некоторые реанимационные процедуры. Оценка через 5 мин после рождения в 6 баллов и ниже является показанием для интенсивной терапии или продолжения реанимационных мероприятий. Одно время считалось, что дети, чей результат через 5 минут после рождения оставался низким, обречены в будущем иметь проблемы неврологического характера, но недавние исследования показали, что большинство таких детей вырастают нормальными и вполне здоровыми.

В предыдущей работе авторами была выявлена большая чувствительность к негативным факторам среды у новорожденных девочек г. Набережные Челны. Исследование, результаты которого представлены в данной работе, показало, что аналогичное явление характерно для мальчиков гг. Мамадыш и Нижнекамск.

2. Физическое развитие новорожденных г. Нижнекамск

Основные показатели физического развития новорожденных г. Нижнекамск 1987 и 2007 гг. рождения представлены в таблице 1 и на рис. 2 и 3.

Половой диморфизм выявлен в оба года исследования: средние значения практически всех показателей новорожденных девочек меньше, чем у мальчиков. Достоверные различия установлены для показателей длины и массы тела, ВМІ, окружности головы в 1987 г.; окружности головы и груди – в 2007 г.

Таблица 1

**Средние значения размеров тела новорожденных детей
г. Нижнекамск**

Стат. показатели	Пол	Длина тела, см		Масса тела, г		Окружность головы, см		Окружность груд. клетки, см	
		1987 г.	2007 г.	1987 г.	2007 г.	1987 г.	2007 г.	1987 г.	2007 г.
\bar{X}	мальчики	50,99	50,90	3453,7	3444,2	35,83	35,83	34,92	35,25
s		2,72	2,1	546,6	594,6	1,61	1,33	1,43	1,38
V, %		5,35	4,1	15,79	17,26	4,49	3,72	4,08	3,92
S _X		0,27	0,21	54,56	59,46	0,16	0,13	0,14	0,14
\bar{X}	девочки	50,12	50,38	3223,9	3358,9	35,42	34,74	34,27	35,38
s		2,35	1,94	483,9	532,1	1,42	1,16	1,16	1,18
V, %		4,68	3,8	15,0	24,2	4,01	3,34	3,39	3,36
S _X		0,23	0,19	48,39	53,21	0,14	0,12	0,11	0,12

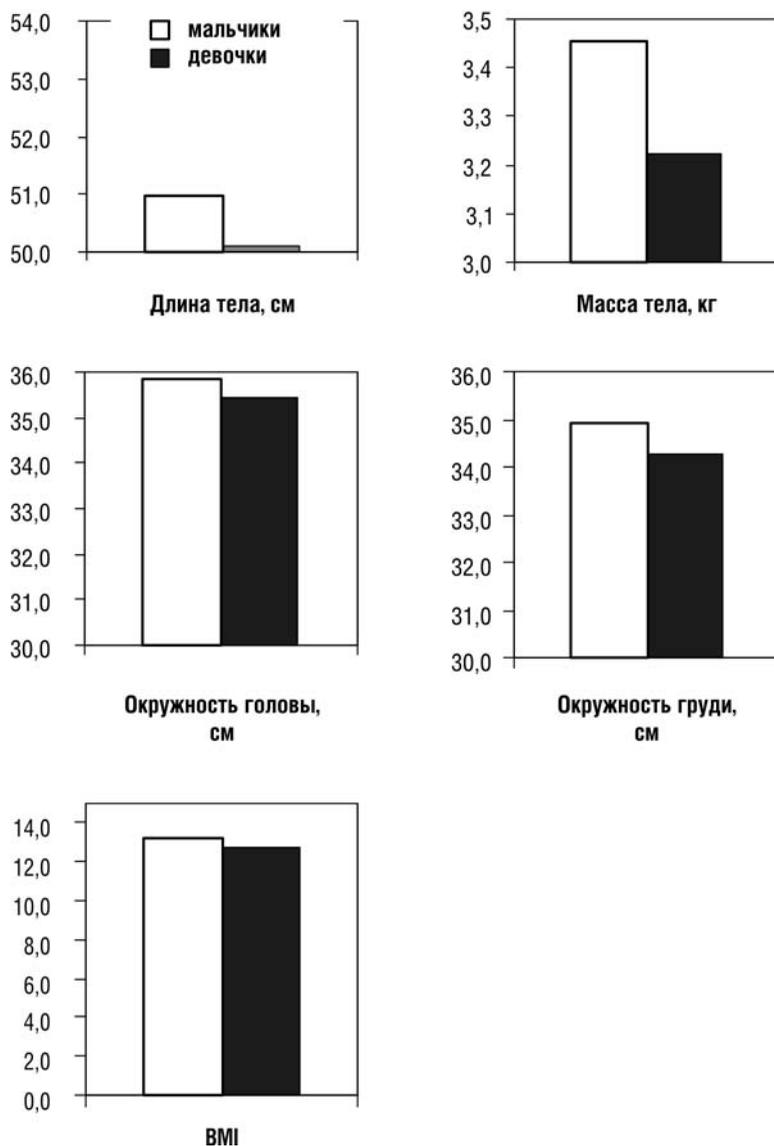

Рис. 2. Морфологические показатели новорожденных детей г. Нижнекамска (1987 г.)

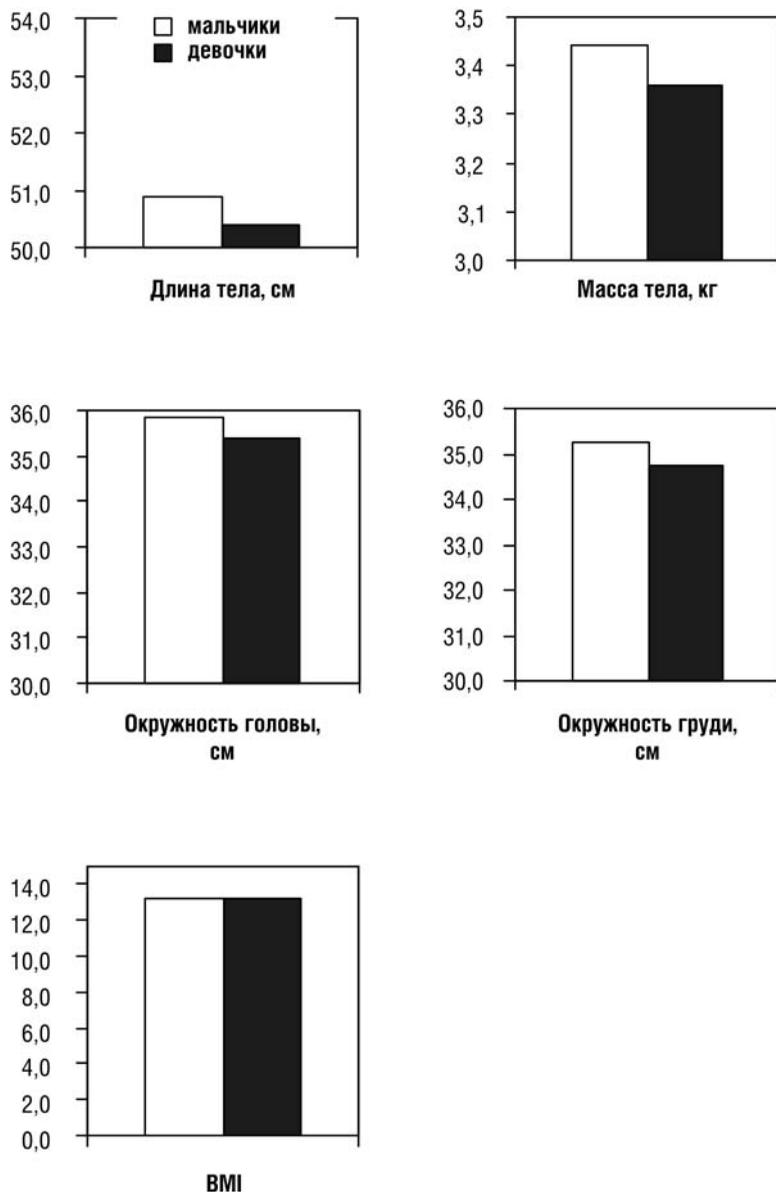

Рис. 3. Морфологические показатели новорожденных детей г. Нижнекамска (2007 г.)

3. Физическое развитие новорожденных г. Мамадыш

Морфологические показатели новорожденных г. Мамадыш представлены в табл. 2 и на рис. 4-5.

Таблица 2

Средние значения размеров тела новорожденных детей г. Мамадыш

Стат. показатели	Пол	Длина тела, см		Масса тела, г		Окружность головы, см		Окружность груд. клетки, см	
		1987 г.	2007 г.	1987 г.	2007 г.	1987 г.	2007 г.	1987 г.	2007 г.
		\bar{X}	51,92	53,58	3441,5	3353,0	34,8	34,29	34,58
s	2,49	2,47	477,8	388,4	1,33	1,66	1,47	1,60	
V, %	4,81	4,61	13,88	11,58	3,83	4,86	4,25	4,75	
S _x	0,25	0,24	47,78	38,84	0,13	0,16	0,14	0,16	
\bar{X}	девочки	51,49	52,58	3355,5	3228,5	34,69	33,70	34,51	33,42
s		2,55	2,32	447,8	491,7	1,31	1,94	1,53	2,07
V, %		4,96	4,41	13,36	15,23	3,8	5,76	4,46	6,19
S _x		0,25	0,23	44,78	49,17	0,13	0,19	0,15	0,21

Как видно из данных таблицы, в 1987 г. у обследованных мальчиков и девочек достоверные различия по изученным параметрам тела не выявлены. По данным 2007 г. отмечены достоверно меньшие показатели длины тела и окружности головы у девочек.

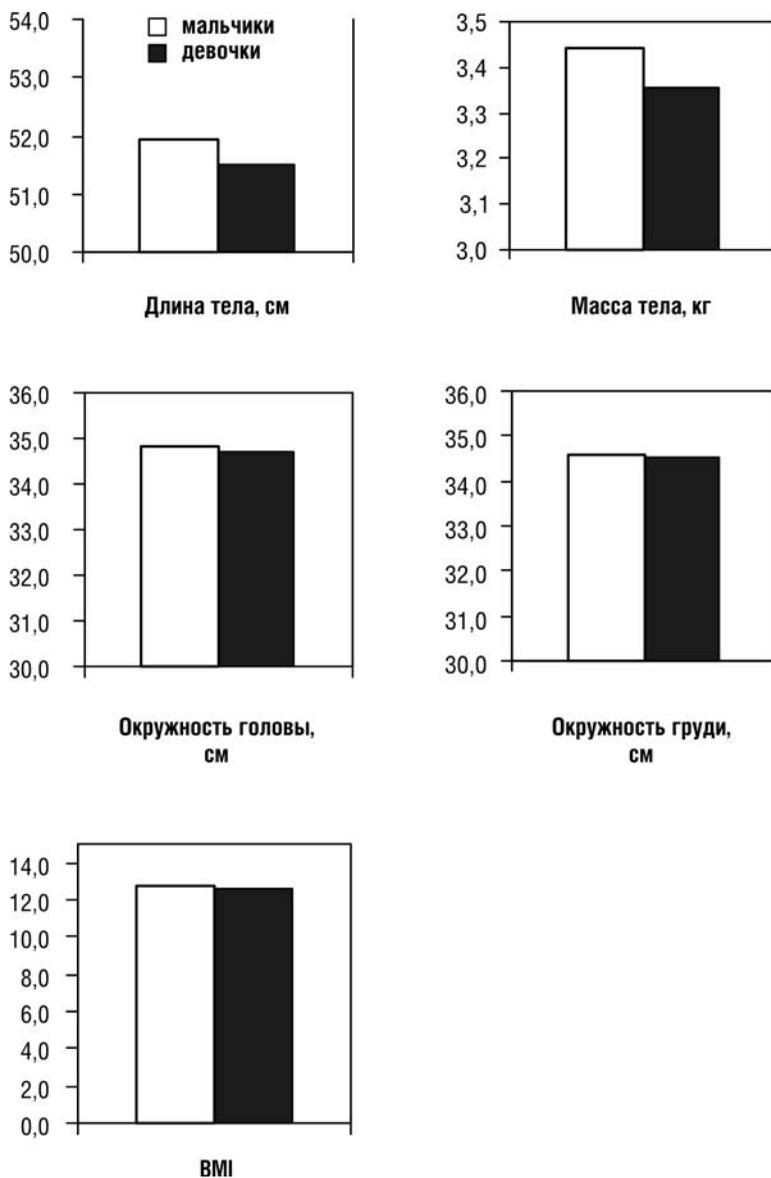

Рис. 4. Морфологические показатели новорожденных детей г. Мамадыш (1987 г.)

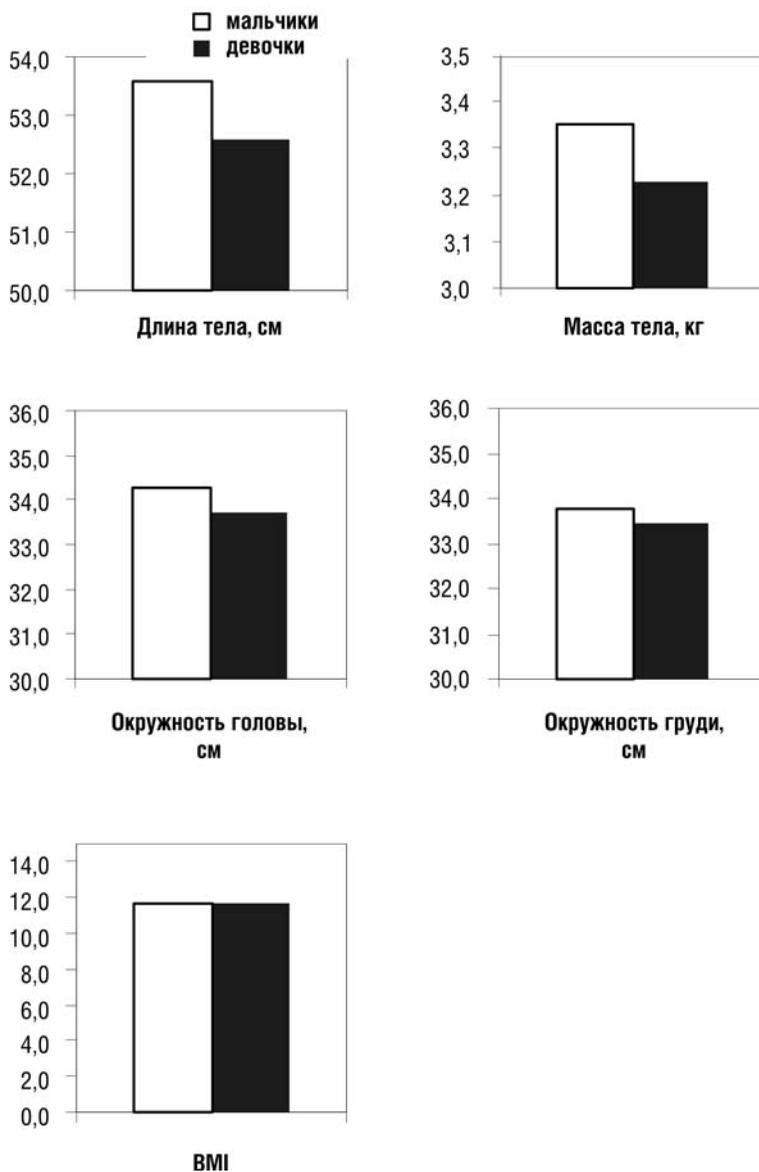

Рис. 5. Морфологические показатели новорожденных детей г. Мамадыш (2007 г.)

4. Сравнительный анализ показателей физического развития новорожденных детей г. Мамадыш и Нижнекамск

Анализ показателей физического развития новорожденных детей из городов с различной экологической ситуацией показал, что у мальчиков и девочек г. Мамадыш средние значения длины тела достоверно больше, как в 1987 г., так и в 2007 г. (рис. 6-9). По массе тела достоверно большие значения были установлены у девочек г. Мамадыш, рожденных в 1987 г. Однако в 2007 г. данный показатель значительно преобладал у девочек из г. Нижнекамск. Обхватные размеры головы и грудной клетки, как у мальчиков, так и у девочек, рожденных в 2007 г., имели достоверно большие средние значения в г. Нижнекамск. Статистически достоверное различие установлено для средних значений окружности головы и для детей, рожденных в 1987 г. рождения.

5. Динамика антропометрического профиля новорожденных детей

Существующие в литературе данные о секулярных изменениях размеров тела новорожденных детей несколько разноплановы. В большинстве работ авторы приводят данные об увеличении массы и длины тела у новорожденных мальчиков и девочек, в других исследованиях указывается, что на протяжении 1970-1980-х годов двадцатого столетия длина и масса тела детей оставались постоянными, а окружности головы и груди уменьшались (Цой, Ильин, Янышева, 2007; Крамер, 1987; Година, Исламова, 2008).

Анализ изменчивости изученных антропометрических показателей за период с 1987 по 2007 гг. показал, что у новорожденных г. Мамадыш наблюдается достоверное уменьшение средних значений окружности головы и груди (у мальчиков и у девочек). Отрицательная динамика установлена и для показателя массы тела, однако изменения статистически не достоверны. В то же время длина тела обследованных детей 2007 г. рождения достоверно больше по сравнению с таковым показателем детей 1987 г.р. (рис. 10).

На рис. 11 отражена динамика морфологических показателей новорожденных детей обоего пола из г. Нижнекамск за тот же период исследования. Нами не выявлены изменения изученных

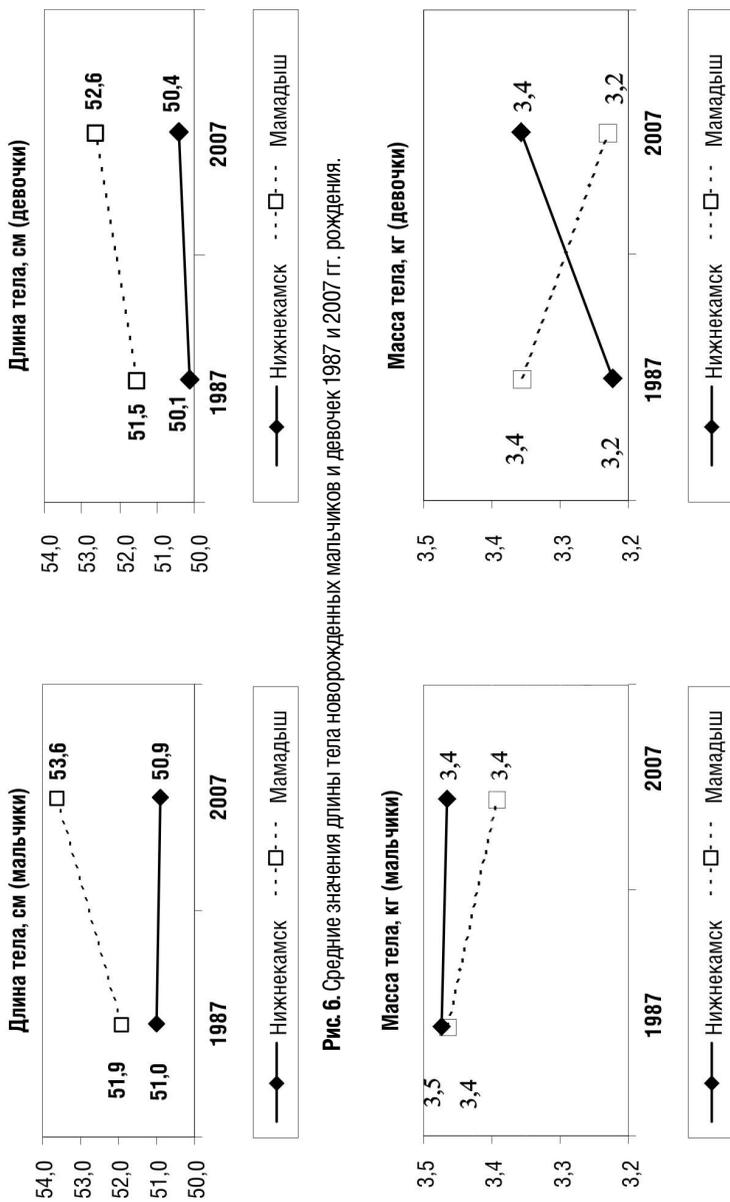

Рис. 6. Средние значения длины тела новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2007 гг. рождения.

Рис. 7. Средние значения массы тела новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2007 гг. рождения.

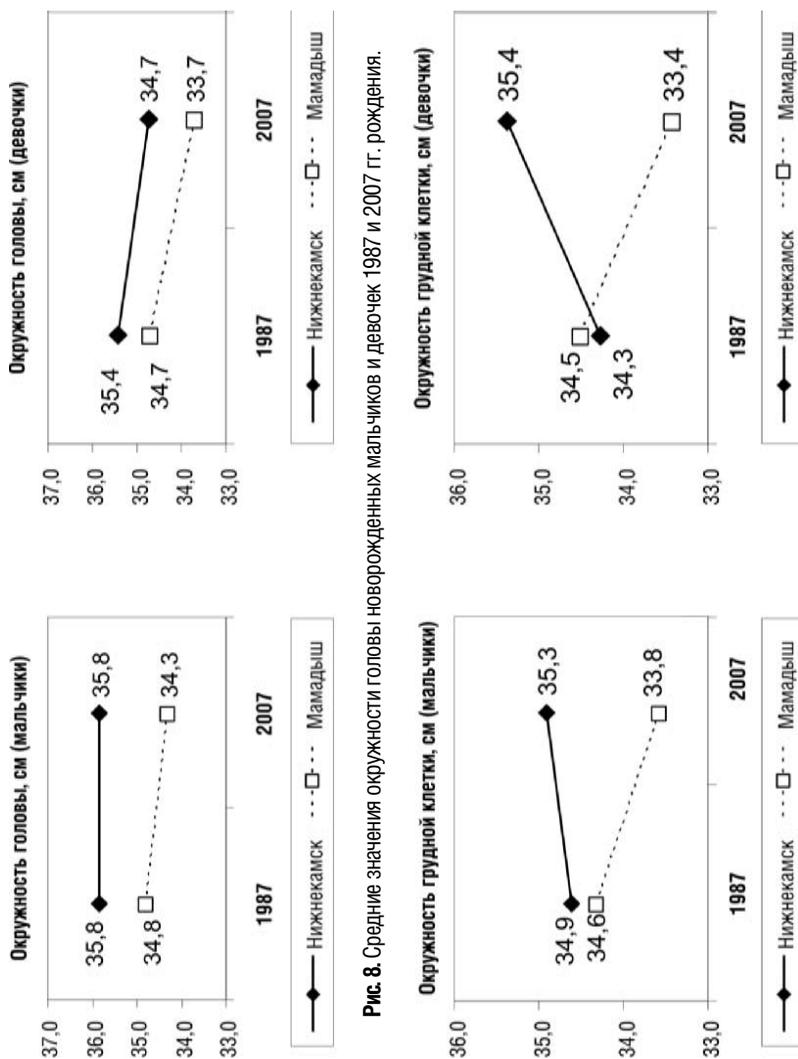

Рис. 8. Средние значения окружности головы новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2007 гг. рождения.

Рис. 9. Средние значения окружности грудной клетки новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2007 гг. рождения.

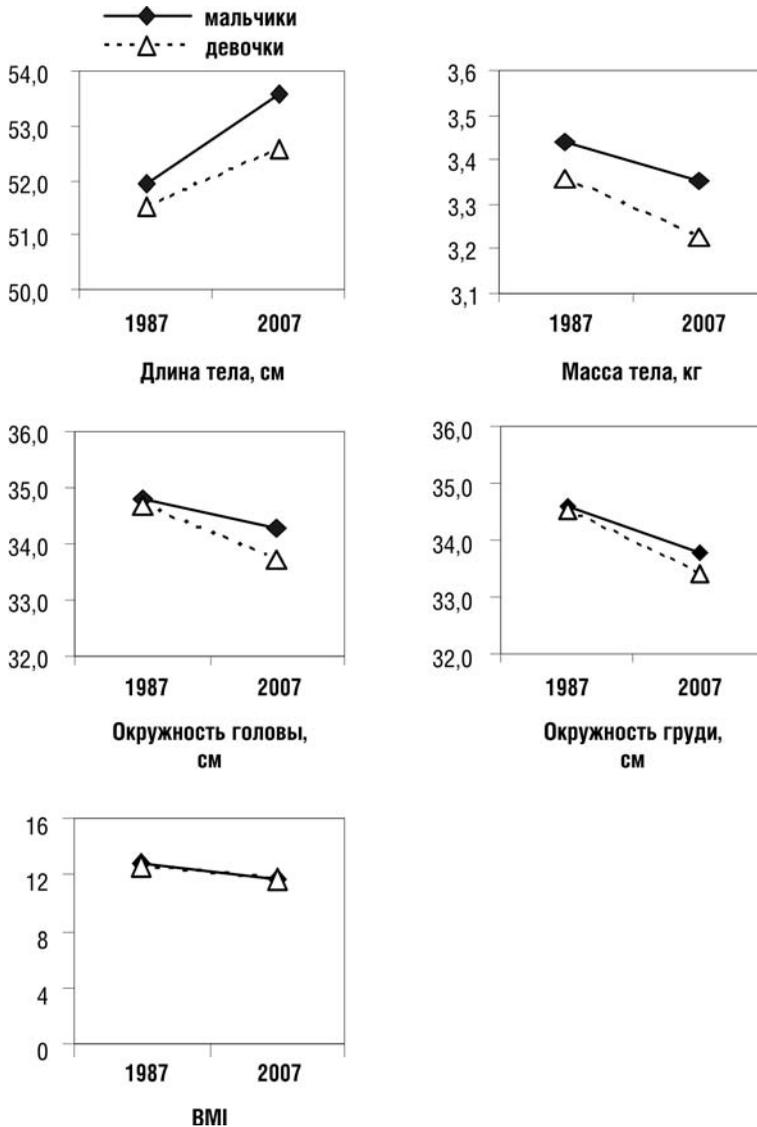

Рис. 10. Динамика морфологических показателей новорожденных детей г. Мамадыш за период с 1987 по 2007 гг. рождения.

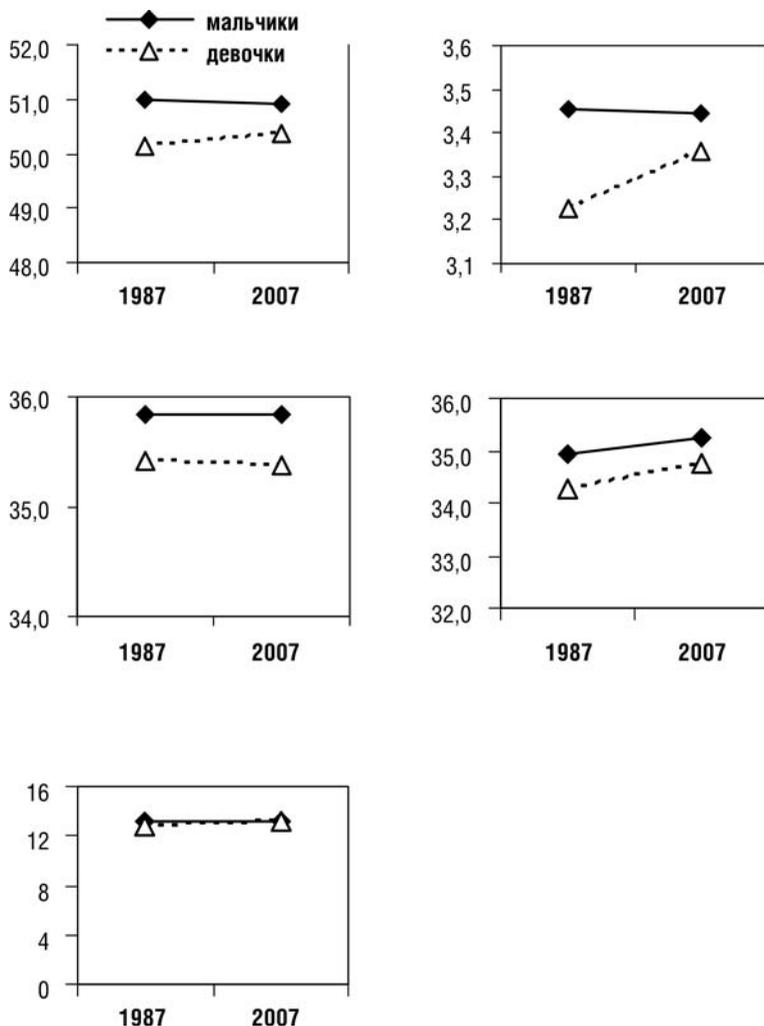

Рис. 11. Динамика морфологических показателей новорожденных детей г. Нижнекамск за период с 1987 по 2007 гг. рождения.

антропометрических параметров тела, за исключением показателей окружности груди и массы тела у девочек (статистически достоверное увеличение установлено для средних значений окружности груди).

6. Сравнительный анализ варибельности массы тела в районах с разным напряжением экологической ситуации

Масса тела ребенка при рождении является интегральным показателем качества внутриутробной жизни (Крикун, 2008). Изменчивостью в пределах нормы считают вес новорожденных от 2,6 до 4,0 кг (Чембарцева, 2006). В ряде исследовательских работ указывается на то, что высокая степень загрязнения окружающей среды вызывает увеличение дисгармоничности физического развития, в частности, доли маловесных и крупных детей (Димитриев, 1994; Дорохова, 1996).

По результатам нашего исследования, в 1987 г. крупные девочки (более 4000 г.) в городах Нижнекамск и Мамадыш составляли 5-6% всех новорожденных. В г. Набережные Челны таких детей было 10%. Обращает внимание на себя то, что 80% из них составляют дети, рожденные от первой беременности и первых родов, хотя, как известно, большая масса тела новорожденных коррелирует с порядком рождения (Максимова, 1995). Мальчиков с весом более 4 кг в этот год родилось больше, чем девочек, причем значительно больше в гг. Набережные Челны и Нижнекамск (соответственно на 18% и 19%), в г. Мамадыш – на 11%. Доля таких мальчиков от первых родов составляет от 1/6 до 1/3 всех родившихся. Маловесных мальчиков в сравнении с девочками родилось меньше (2-6%). В указанный год в Нижнекамске родилось больше маловесных девочек – 9%. Распределение новорожденных детей изученных районов Камского региона по варибельности массы тела показано на рис. 12-13.

В 2007 г. 10% девочек и 18% мальчиков г. Нижнекамска имели вес более 4000 г, среди них встречались дети с массой тела выше 5000 г, которых в акушерской практике называют «гигантский плод» (Чембарцева, 2003). Доля крупных мальчиков в г. Набережные Челны в 2007 г. составила 12%. В г. Мамадыш встречаемость крупноплодия у девочек сохраняется на уровне 1987 г., у мальчиков она снижается с 11 до 6%. Так же как и в 1987 г. порядковый номер беременности соответствует номеру родов.

Маловесных детей в этом городе в 2007 г. стало на 4% больше, чем в 1987 г. В Нижнекамске процентная доля девочек и

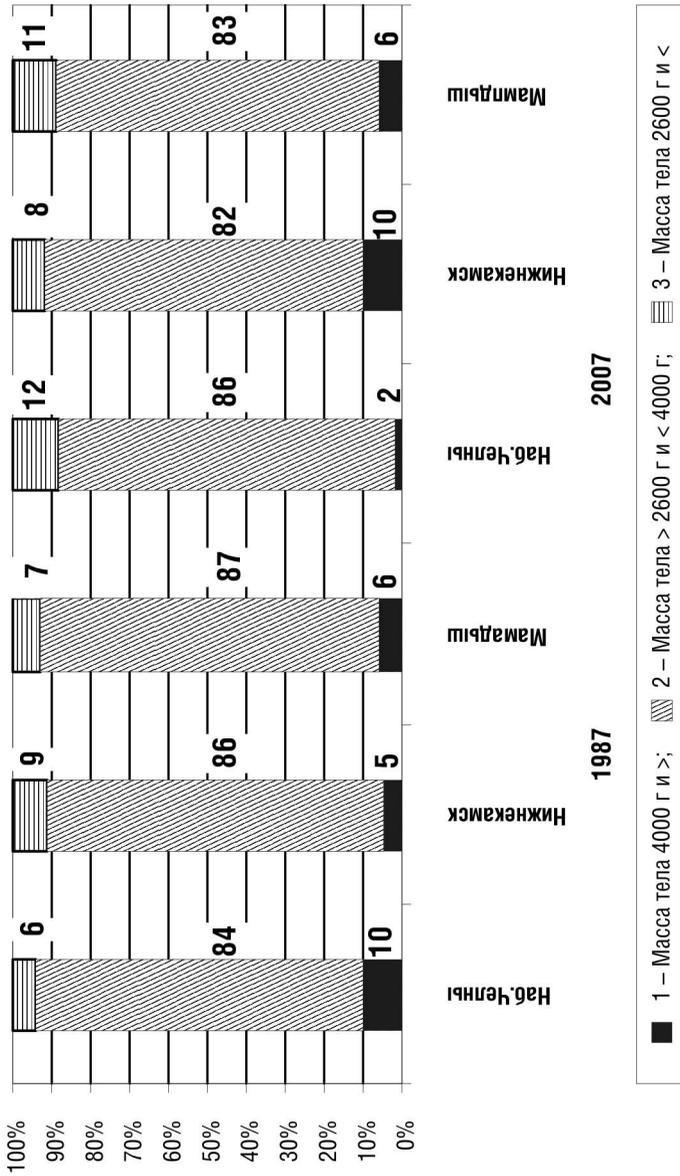

Рис. 12. Распределение новорожденных девочек изученных районов Камского региона по вариабельности массы тела

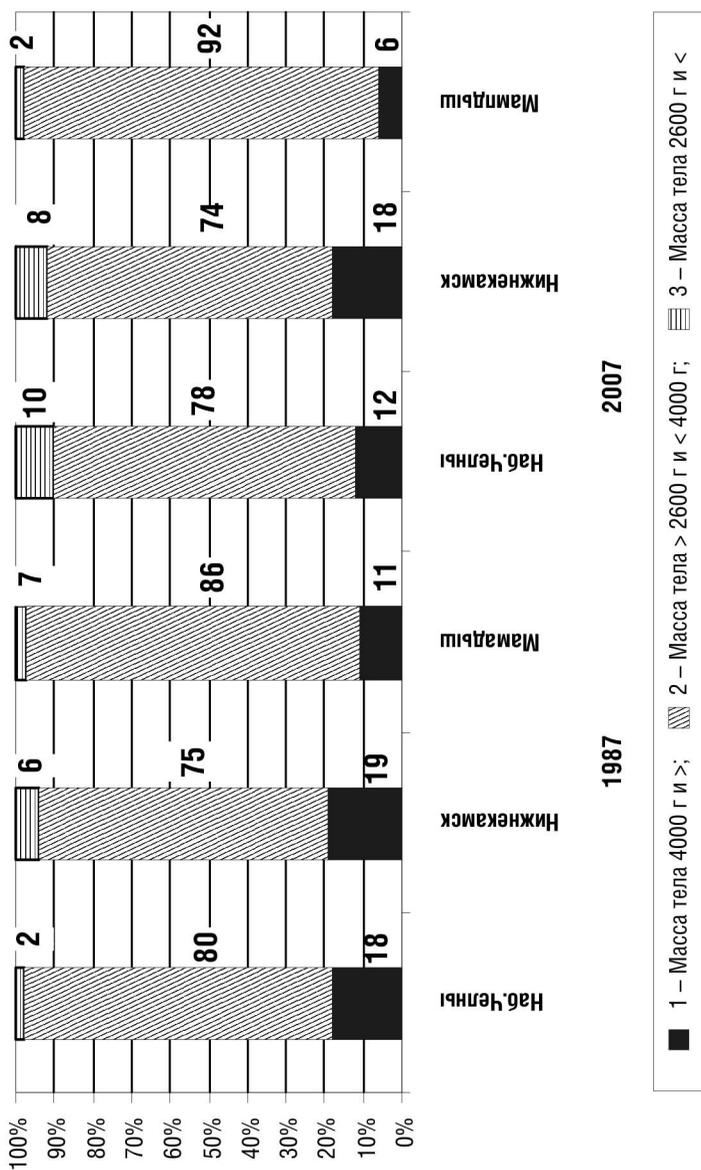

Рис. 13. Распределение новорожденных мальчиков изученных районов Камского региона по варибельности массы тела

мальчиков с весом менее 2600 г одинакова и составляет 8%. Необходимо отметить, что среди них за исследуемый период в 2007 г. выявлены дети с весом менее 2000 г. Такие девочки родились и в г. Набережные Челны (при общей доле маловесных новорожденных 12%). Для мальчиков этого города данная тенденция не характерна, однако, доля маловесных детей выше среднепопуляционных значений и составляет 10%. В г. Мамадыш число девочек с весом менее 2600 г увеличилось на 4%, число мальчиков незначительно уменьшилось и составляет 2%.

К акушерско-гинекологическим рискам для развития плода и новорожденных относятся перенесенные аборт, самопроизвольные выкидыши, отклонения от средней массы тела детей предыдущих родов (менее 2500 и более 4000 г) и пр. Во всех городах имеются общие закономерности: если количество беременностей в несколько раз отличается от количества родов, то чаще рождаются крупные, реже – маловесные дети. Если же беременность завершается родами, то, как правило, дети рождаются в пределах среднего веса.

Выводы

Проведенное исследование у новорожденных детей изученных районов Камского региона выявило общее снижение показателя массы тела за период с 1987 по 2007 гг. Исключение составляют девочки г. Нижнекамска. Та же тенденция наблюдается в изменении длины тела, обхватов головы и груди. Но для детей г. Мамадыш показаны положительные сдвиги по длине тела, а в г. Нижнекамск – окружности грудной клетки. Следует отметить, что новорожденные г. Нижнекамска (более сложная экологическая ситуация) как в 1987, так и 2007 гг. имеют меньшие длину тела и окружность головы.

Значительные превышения пределов популяционной вариабельности веса тела нами выявлено среди новорожденных из городов с напряжением экологической нагрузки выше среднего уровня, что наиболее ярко проявляется в 2007 г.: чаще рождаются дети с массой менее 2000 г или более 5000 г. В то же время, для подробного анализа причин данного явления, необходимо проведение дополнительных исследований.

Литература

Година Е.З., Исламова Н.М. Динамика показателей физического развития новорожденных детей разных этнических групп за период с 1987 по 2007 гг. // Материалы международной конференции (25-26 сентября) «Проблемы современной морфологии человека». М., 2008. С. 177-179.

Димитриев Д.А. Гигиеническая оценка влияния экологической среды промышленного города на здоровье населения. Автореф. дис... канд. мед. наук. М., 1994.

Дорохова Н.Ф. Особенности бронхолегочной патологии у детей в регионах экологического неблагополучия. Автореф. дис... докт. мед. наук. М., 1996.

Комплексный информационно-аналитический доклад // Социально-экономическое положение Республики Татарстан. 2008. № 10. С. 150-160.

Крамер М.С. Детерминанты низкой массы тела при рождении: методологическая оценка и метанализ литературы // Бюллетень ВОЗ. 1987. Т. 65. № 5. С. 77-170.

Крикун Е.Н. и др. Влияние неблагоприятных экологических факторов на отдельные морфофункциональные показатели новорожденных детей // Материалы международной конференции (25-26 сентября) «Проблемы современной морфологии человека». Москва, 2008. С. 204.

Максимова Т.М. Оценка физического развития детей, как один из показателей состояния здоровья населения из районов экологического неблагополучия // Экология и здоровье ребенка. М., 1995. С. 114-123.

Мустафин М.Р., Хузев Р.Г. Все о Татарстане: экономико-географический справочник. Казань, 1994.

О состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2005 году. Государственный доклад Министерства экологии и природных ресурсов РТ. Казань, 2006.

Суханова Л.П. Перинатальные проблемы воспроизводства населения России в переходный период. М., 2006. С.122.

Цой Р.М., Ильин Ф.Е., Янышева Л.З. Адаптивные нормы морфофизиологических признаков новорожденных Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень: ТГУ, 2007.- №6 – С.61 -67.

Чембарцева Н.Я. Физическое развитие детей с очень низкой (ОНМТ) и экстремально низкой массой тела (ЭНМТ) // Материалы 5-го Российского научного форума «Охрана здоровья матери и ребенка, 2003». М., 2003. С. 153-154.

Чембарцева Н.Я. Система профилактики нарушений течения беременности, родов и состояния здоровья новорожденных // Прикладные информационные аспекты медицины: научно-практические журналы. Т.9, №1. Воронеж, 2006. С.25-29.

Чепрунова Т.Ю. Актуальные проблемы здоровья детей России \ Под ред. А.А. Баранова. М., 2008.

Чернышева Ф.А., Исламова Н.М., Киамова Н.И. Физическое развитие новорожденных детей г. Набережные Челны. // Этническая экология: народы и их культура. \ Под общ. ред. Н.А. Дубовой, Л.Т. Соловьевой. М., 2008. С. 363 – 376.

Чернышева Ф.А., Исламова Н.М., Киамова Н.И. Оценка состояния здоровья беременных и их новорожденных детей в условиях г. Набережные Челны // Материалы международной конференции (25-26 сентября) «Проблемы современной морфологии человека». М., 2008а. С. 239-240.

**ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
В РАБОТЕ ЗЕМСТВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

К середине XIX в. области охраны здоровья населения Россия значительно отставала от передовых европейских стран. Причинами этого был неудовлетворительный уровень организации медицинской помощи, недостаточное количество профессиональных медицинских кадров, крайне неблагоприятные бытовые условия жизни сельского населения, а также низкий уровень гигиенических знаний в народе. Экология человека не была еще самостоятельной отраслью экологии. Во второй половине XIX – начале XX вв. вопросы экологии человека рассматривались в рамках медицины, здравоохранения и экологически ориентированной гигиены.

По земской реформе 1864 г. вопросы развития здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы были переданы губернским и уездным учреждениям земского самоуправления. За более чем 50-летний период социально-экономической деятельности земствами был накоплен богатейший опыт, в том числе и в развитии экологии. Исторический подход в изучении экологического материала является одним из принципов экологии, и экологии человека в частности.

Земцы Уральского и Поволжского регионов обратили особое внимание на кумысный промысел. Одним из центров развития кумысного промысла к началу XX века являлась Уфимская губерния, в которой ежегодно кумысолечение проходили до пяти тысяч недомогающих. Большею частью этот промысел был развит в Белебеевском уезде, куда приезжало до четырех тысяч человек. Успешно развивалось кумысное дело также в Уфимском и Мензелинском уездах. 53% приезжих употребляли кумыс для облегчения болезней дыхательных органов; 20% кумысников лечились от туберкулеза; 27% пытались вылечить малокровие и переутомление. В среднем один приезжающий на лечение кумысник приходился на 9 жителей уезда. Местные жители сдавали кумысникам собственные жилые помещения. Стоимость проживания в деревне (квартира, стол, кумыс) была от 60 до 80

руб. в месяц. Одна квартира без питания обходилась приезжему на лечение в 12-15 рублей в месяц (Гиккель, 1914, с. 884-885). Кумысолечение стоило недешево. По тем временам, например, на сорок рублей можно было купить 36 пудов ржаной муки, пуд проса, пуд солода, полтора пуда соленого мяса, 10 фунтов крупчатки, 2 фунта растительного масла, ведро вина, полфунта чаю (пуд = 16,38 кг, фунт = 0,4095) (Из истории Пермского земства, 1870-1880). Для примера, учительское жалование в земских губерниях составляло 20-25 рублей в месяц (Обзор деятельности земств..., 1902, с. 25-26.). Столько же зарабатывали и ветфельдшера (Веселовский, 1909-1911, с. 700.).

Повторно на кумысолечение приезжали 23-31% больных и 7% пациентов в третий раз. Увидев, что кумысный промысел пользуется спросом у населения и лечение кумысом имеет определенный успех, земства взяли это дело под свой контроль, стали оказывать поддержку крестьянским семьям, занимающимся данным промыслом, и врачебную помощь нуждающимся кумысникам. Поскольку санитарных врачей не хватало, то была налажена практика приглашения временного персонала для санитарного надзора за кумысным промыслом. На эти цели Уфимское губернское земство ежегодно выделяло 5260 рублей. На квартирное довольствие 35-ти ветеринарным врачам ежегодно выделялось по 200 рублей каждому, а всего 7000 рублей (Смета расходов и доходов..., 1913, с. 32, 38.). Затем земства сами стали организовывать кумысолечебницы и весь кумысный промысел был взят под контроль бактериологического института Уфимского губернского земства. Санитарные врачи осматривали столовые, кумысные мастерские и применяли меры к устранению нарушений. Только в 1913 г. произведено 338 дезинфекций от туберкулеза. Было налажено дело регистрации кумысников. Ветеринарный персонал губернии подключили к обязательному осмотру и регистрации кобылиц. Земства Уфимской губернии открыли три бюро и выдали 1053 справки 774 кумысникам. В 1914 г. Уфимским губернским земством был издан справочный листок со списком кумысных деревень, с маршрутами, ценой проезда и проживания, питания и кумыса (Гиккель, 1914, с. 889-890).

Между земствами была налажена практика обмена опытом в развитии кумысного дела. Так, например, Уфимское земство в 1905 году выделило 300 рублей на командирование врача в Са-

марскую губернию для урегулирования кумысолечебного дела (Смета расходов и доходов..., 1905, с. 36). С появлением кумысолечебниц и установлением регулярного контроля над кумысным промыслом Уфимское губернское земское собрание ходатайствовало перед правительством о признании кумысных районов «местами общественного значения», подлежащими закону «о санитарном налоге». Продолжая кумысолечебное дело, органы земского самоуправления наладили в целом работу по борьбе с туберкулезом. Уфимское земство выделяло ежегодно по 300 рублей на организацию передвижных выставок по борьбе с заразными болезнями и на распространение гигиенических знаний в народе (Смета расходов и доходов..., 1913, с. 32), а также пособие отделам Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом (Смета расходов и доходов..., 1916, с. 42). Таким образом, земства Уфимской губернии способствовали развитию кумысного промысла и перенесению опыта в другие губернии. В целом, совместными усилиями с ведущими общественными организациями страны, с «Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова» земства Уфимской губернии поставили под контроль такое важное дело, как борьба с туберкулезом и другими заразными болезнями. В целях повышения квалификации с 1905 г. стали регулярными командировки двух ветеринарных врачей в ветеринарные институты страны. Ежегодно для этих целей губернское земство выделяло 400 руб. (Смета расходов и доходов..., 1905, с. 44).

Значительную роль в развитии здравоохранения и санитарии сыграли губернские съезды земских врачей. За период с 1871 по 1913 гг. в Поволжском и Уральском регионах состоялось 78 съездов губернских врачей (Френкель, 1913, с. 192-194; Жбанков, 1910, с. 10-11). Принятые рекомендации съездов передавались в губернские земские управы, затем рассматривались на очередных ежегодных губернских земских собраниях, определявших источники и объемы финансирования. Губернским съездам принадлежит важная роль в консолидации земских врачей для решения не только профессиональных, но и общегосударственных задач. Выделим основные направления деятельности съездов: развитие системы земской медицины; обмен опытом практической врачебной работы; обсуждение мер по борьбе с эпидемиями. На первом съезде врачей Уфимской губернии (1883 г.) отмечалось, что условия, способствующие появлению и распростра-

нению эпидемий, лежат в плохом экономическом положении и социально-бытовых условиях крестьянства, устранение которых вне пределов земской медицины. Одной из мер предупреждения эпидемий должно явиться изучение на месте санитарно-бытовых условий народа. Для борьбы с эпидемиями съезд высказался за создание в губернии эпидемического фонда (35 тыс. руб.) и численного увеличения врачей при губернской управе, установление контроля над школами и церквями, и их закрытие при эпидемии. Съезд также выразил необходимость применения дезинфекции и очистки, сжигание вещей с уплатой их стоимости при чуме, дифтерии, скарлатине, сибирской язве. Была предложена одинаковая для всех губерний регистрация эпидемических больных и выработана для борьбы с эпидемиями особая инструкция (Обзор деятельности..., , 1892, с. 14-15).

Спад активности в проведении врачебных съездов, произошедший в начале XX в., в какой-то степени можно связать с уже четко организованной системой земских бюджетов, установившимися расходно-доходными статьями, в том числе по развитию здравоохранения, ветеринарии, по борьбе с эпидемиями. Обмен печатной продукцией: докладами, отчетами, постановлениями съездов, сборниками статистических материалов, налаженный механизм информирования, активные как двусторонние, так и многосторонние связи земств разных регионов, способствовали более оперативной работе и убрали необходимость частых созывов съездов.

Зональные географические условия определяют природную очаговость заболеваний человека. Основными компонентами природного очага являются возбудители заболеваний, восприимчивые к возбудителю животные – резервуары, соответствующий комплекс природно-климатических условий, в котором существует данная экосистема. К началу XX в. в медицине выделилось направление географической эпидемиологии, рассматривающей заболевания человека в аспектах их распространенности в пространстве, во времени и в структуре населения. Подобные же вопросы решала ветеринария, которая играла немаловажную роль в развитии санитарного дела в губерниях.

Еще в 1870-х годах ветеринария в стране находилась в зародышевом состоянии. Состав ветврачей не превышал 1-2 на губернию (Гринцер, 1914, с. 155). Земцы Поволжья и Урала сумели

увеличить штат ветеринарных врачей. До 1890-х годов земская ветеринария, работая совместно с санитарной организацией, занималась в основном борьбой с эпизоотиями, особенно с чумой рогатого скота. Постепенно ветеринарно-санитарные задачи расширились. Земские ветеринары уже старались оказывать помощь животным при sporadических заболеваниях; организовали борьбу с сапом в коневодстве. Поскольку экономическая и промышленная жизнь страны властно требовала также усиления надзора за гуртовым скотом и за сырыми животными продуктами, перед земствами открылся новый фронт работы. С целью охраны общественного здоровья был установлен ветеринарно-санитарный контроль над состоянием продуктов. Расширение задач и объема деятельности ветеринарного персонала настоятельно требовали численного увеличения ветеринаров и создания ветеринарной организации в губерниях. Кроме земских, были ветврачи, работающие на службе в городском самоуправлении, военном ведомстве, а также вольнопрактикующие. С 1902 по 1910 гг. значительно увеличилась численность земских ветеринарных врачей в Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерниях. В Поволжском регионе численность ветеринаров увеличилась на 25%, а в Уральском регионе – на 30%. Если сравнить указанные показатели с аналогичными данными Центрально-промышленного района, то там увеличение ветврачей составило 34%. Видим, что два изучаемых нами региона, в сравнении с другими регионами России по наращиванию кадров ветврачей, шли примерно одинаковыми темпами (Гринцер, 1914, с. 156-157).

Необходимо отметить, что первоначально свое развитие земская ветеринария получила в большинстве случаев по инициативе и на средства уездных земств (Обзор деятельности земств..., 1904, с. 133). Почти при всех губернских земских управах были учреждены ветеринарные бюро. Менее распространены были ветеринарные советы. Расширение задач и объема деятельности ветеринарного персонала постепенно привели не только к численному увеличению ветеринаров, но и к созданию ветеринарной организации в губерниях. С 1888 г. действовала Уфимская земская губернская ветеринарная организация, созданная первоначально для борьбы с чумой скота и располагавшая через 25 лет 14-ю ветеринарно-врачебными участками. Четко налаженная и широко развитая организация ветеринарного дела в Уфимском

земстве являлась мероприятием государственной важности, так как Уфимская губерния по своему географическому положению представлялась заслоном всей Европейской России от постоянно заносимых из Оренбургской губернии эпизоотий. Организуя ветеринарное дело, губернское земство неоднократно ходатайствовало перед Министерством внутренних дел об упорядочении перегона скота и перевозе сырых животных продуктов из соседних губерний. Ходатайства эти были удовлетворены и прогон скота из Оренбургской губернии в Уфимскую был воспрещен. С 1902 г. при губернской управе была открыта ветеринарно-бактериологическая лаборатория, которая за десятилетие была хорошо оснащена современным оборудованием и в дальнейшем присоединена к бактериологическому институту. Работники лаборатории проводили диагностические исследования, а также занимались приготовлением вакцин, сывороток и других прививочных препаратов (Журнал заседания..., 1914, с. 17-19).

Интересна постановка ветеринарного дела в Пермской губернии. В целях поднятия ветеринарного дела в Перми в 1872 г. по инициативе первого председателя губернской земской управы Д.Д. Смышляева была открыта земская губернская ветеринарная фельдшерская школа, просуществовавшая до 1882 г. За время существования школы было выпущено 76 ветеринарных фельдшеров. Событием в ветеринарной службе было открытие ветеринарной лаборатории в 1889 г. Она была создана по инициативе ветврача Камышловского уезда К.Я. Шамарина (Киприянов, 1995, с. 39-41, 45). Лаборатория занималась, прежде всего, производством биологических препаратов, заводом, снабжением и внедрением их в ветучреждения. В 1907 г. лабораторию перевели в Пермь и в 1910 г. соединили с медицинской и химической. Новое учреждение получило статус бактериологического института, впоследствии «Биомед». В первые годы своего существования лаборатория готовила бульоны для вакцин против сибирской язвы. В годы вхождения в бактериологический институт дополнительно производила культуру против холеры кур и препараты против крыс и мышей. Поскольку производство препаратов было небольшим, то их применяли только при вспышках заболевания для иммунизации поголовья в неблагополучных пунктах.

К 1911 г. в России числилось 77 ветеринарно-бактериологических станций-лабораторий, из которых 47 были государствен-

ными и 30 – земскими (Жиприянов, 1995, с. 47). Во всех земствах Поволжского и Уральского регионов, более чем за полувековой период их деятельности, были созданы и активно работали бактериологические институты и станции, информацию о деятельности которых можно почерпнуть из их отчетов (Отчет о деятельности..., 1912; ГАПО (г. Пермь). Ф. 44. Оп. 1. Д. 66). При ряде бактериологических институтов действовали курсы оспопрививателей и дезинфекторов. Так готовились кадры для уездных земств. В Пермской губернии курсы были бесплатными для тех, кто брал обязательство по окончании отработать в земстве губернии не менее одного года (ГАПО (г. Пермь). Ф. 44. Оп. 1. Д. 66. ЛЛ. 13-14).

Итак, важное место в губерниях Поволжского и Уральского регионов отводилось ветеринарии, находившейся под неустанным контролем уездных земств. Отметим, что в 1890-х гг. земская ветеринария, работая совместно с санитарной организацией, занималась в основном борьбой с эпизоотиями. Лечебная сторона досмотра за животными длительное время не получала должного развития, так как считалась дорогостоящим делом. В дальнейшем земства способствовали созданию и финансированию ветеринарно-бактериологических институтов и станций, которые не только положили начало проведению бактериологических и других исследований на заразные заболевания, но и сыграли большую роль в деле производства биологических лечебно-профилактических препаратов.

Перед всеми органами земского самоуправления стояли практически однотипные проблемы. Каждое земство, учитывая специфику и финансовые возможности региона, своими темпами продвигалось вперед. Немаловажную роль играла поддержка коллег-специалистов из соседних губерний. Совместные усилия в отдельных мероприятиях, обмен опытом работы и многое другое способствовали тому, что земства добились значительных успехов в различных направлениях, в том числе и экологическом. Земскими санитарными врачами Поволжского и Уральского регионов была упорядочена деятельность по профилактике и борьбе с эпидемическими заболеваниями. Общими усилиями органов местного самоуправления и медиков Поволжья в начале XX в. была побеждена дифтерия. Можно говорить о целом комплексе проведенных земствами санитарно-оздоровительных меропри-

ятий. Это и распространение гигиенических знаний в народе, и контроль над санитарным состоянием школ, и исследование местных особенностей питания, водоснабжения, промыслов. Это и изучение общих условий жизни сельских жителей и их связи с возникновением болезней и смертности населения. Это и проведение бактериологических исследований, и создание временных противоэпидемических отрядов в периоды эпидемий, и установление ветеринарно-санитарного контроля с целью охраны общественного здоровья. Это неполный перечень проведенных земствами мероприятий. Если учесть первоначальную базу, доставшуюся земствам в наследство от дореформенной эпохи, то результаты покажутся еще более впечатляющими. При этом земские задачи еще более усложнялись в связи со значительным ростом численности населения.

Литература

- Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. В 4-х т. СПб., 1909-1911. Т. 2.
Гиккель Э.И. Кумысный промысел в Уфимской губернии и земский надзор за ним // Общественный врач. 1914. № 7.
Гринцер С.Г. Современное положение ветеринарного дела. СПб., 1914.
Жбанков Д.Н. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России. М., 1910.
Журнал заседания Уфимского земского собрания, посвященного 50-летию введения земских учреждений 15-го июня 1914 г. Уфа, 1914.
Из истории Пермского земства. 1870-1880 гг. // Консультант Пермь – ежемесячный информационно-аналитический журнал: обзоры (См.: www.telecom.perm.ru).
Киприянов Ю.Н. История ветеринарии Пермской губернии 1870-1917 гг. Пермь, 1995.
Обзор деятельности губернских съездов земских врачей в России. Вып. III. СПб., 1892.
Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 год. СПб., 1902.
Обзор деятельности земств по народному образованию, медицинской части, ветеринарной части, содействию экономическому благосостоянию населения. СПб., 1904.
Отчет о деятельности бактериологического института при Императорском Казанском университете за первые 10 лет его существования (1900-1910). Казань, 1912.
Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1905 г. Уфа, 1905.
Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1913 г. Уфа, 1913.
Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1916 г. Уфа, 1916.
Френкель З.Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. СПб.
ВА	– Вопросы антропологии. М.
ГАПО	– Государственный архив Пермской области. Пермь.
Изв.	– Известия
ИРГО	– Императорское Русское Географическое Общество. СПб.
ИЭА	– Институт этнологии и антропологии РАН.
КМНС	– Коренные малочисленные народы Севера
КРС	– Крупный рогатый скот
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МГПУ	– Московский городской педагогический университет.
МИЭБГКЗК	– Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края
ПИИЭ	– Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН.
ПМА	– Полевые материалы автора
ПТК	– Природно-территориальный комплекс
СЗМ	– Сотрудник Закавказской миссии. Сухум.
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ	– Советская этнография. М.
ТБО	– Технические и бытовые отходы.
ТрИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР.
ХАЭЭ	– Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЦГАА	– Центральный государственный архив Абхазии, Сухуми.
ЦГВИА	– Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИАГ	– Центральный государственный исторический архив Грузии, Тбилиси.
ЭО	– Этнографическое обозрение. М.
АА	– American Anthropologist
Amer. J. Phys. Anthropol.	– American Journal of Physical Anthropology.
ГЕО	– Global Environment Outlook.

Этнос и среда обитания

Том 2

Сборник этноэкологических исследований к 85-летию
Виктора Ивановича Козлова

Редколлегия:

*Надежда Иосифовна Григулевич,
Надежда Анатольевна Дубова (отв. ред.),
Анатолий Николаевич Ямсков.*

Научной издание

252 с.

Москва: Старый сад, 2009.

ISBN 5-89930 -125-2

Объем 15,5 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 17/03-ЗТ.
Подписано в печать 17.03.2009. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная №1.
Типография Одинцовского гуманитарного института
143000, Московская обл., г. Одинцово,
ул. Ново-Спортивная, д. 3